

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ

**Материалы
Международной научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
и секции «Юридические науки» Республиканской
научной конференции студентов и аспирантов вузов
Республики Беларусь «НИРС — 2011»**

Минск, 4—5 ноября 2011 г.

Минск
«Издательский центр БГУ»
2012

УДК 34(063)

ББК 67я43

А43

Редакционная коллегия:

*О. И. Чуприс (отв. редактор), Г. А. Василевич, В. Н. Годунов,
И. О. Грунтов, Т. И. Довнар, С. А. Калинин, И. Н. Колядко,
С. К. Лещенко, В. В. Саскевич, И. Н. Щемелева, Г. А. Шумак*

Актуальные вопросы современной правовой науки : материалы
А43 Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов
и секции «Юрид. науки» Респ. науч. конф. студентов и аспирантов
вузов Респ. Беларусь «НИРС — 2011», Минск, 4–5 нояб. 2011 г.
/ редкол. : О. И. Чуприс (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр
БГУ, 2012. — 247 с.

ISBN 978-985-476-974-5.

В сборнике помещены тезисы докладов и сообщений студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленных на международной научной конференции, посвященной актуальным вопросам современной правовой науки.

УДК 34(063)

ББК 67я43

ISBN 978-985-476-974-5

© БГУ, 2012

Раздел I

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

САДРУЖНАСЦЬ НЕЗАЛЕЖНЫХ ДЗЯРЖАЎ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

А. І. Голубева

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

8 снежня 2011 г. спаўняецца 20 гадоў са дня ўтварэння Садружнасці Незалежных Дзяржаў. Згодна з ч. 1 арт. 8 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь Рэспубліка Беларусь у адпаведнасці з нормамі міжнароднага права на добраахвотнай аснове ўваходзіць у міждзяржаўныя ўтварэнні і выходзіць з іх.

8 снежня 1991 г. кіраўнікі Беларусі – Станіслаў Шушкевіч, Расіі – Барыс Ельцын і Украіны – Леанід Краўчук у Віскулях падпісалі Пагадненне «Аб стварэнні Садружнасці Незалежных Дзяржаў», вядомае ў гісторыі як Белавежскае Пагадненне. У дапаўненне да Пагаднення кіраўнікі дзяржаў падпісалі заяву. У Пагадненні і заяве былі названы наступныя прычыны ўтварэння Садружнасці: выхад рэспублік са складу Саюза ССР; утварэнне незалежных дзяржаў; недальнабачная палітыка цэнтра, якая прывяла да глыбокага эканамічнага і палітычнага крызісу; узростанне сацыяльнай напружанасці ў многіх рэгіёнах СССР; гістарычная агульнасць народаў і інш. Устаноўчымі актамі СНД з’яўляюцца: Пагадненне «Аб стварэнні Садружнасці Незалежных Дзяржаў» (08.12.1991), Пратакол да Пагаднення «Аб стварэнні Садружнасці Незалежных Дзяржаў» (21.12.1991), Алма-Ацінская дэкларацыя (21.12.1991).

Арганізацыйны этап утварэння СНД завяршыўся 22 студзеня 1993 г. прыняццем Устава Садружнасці. Усе дзяржавы-члены з’яўляюцца самастойнымі суб’ектамі міжнароднага права, хаця Садружнасць не з’яўляецца дзяржавай і не валодае наднацыянальнымі паўнамоцтвамі. Устаў замацаваў асноўныя мэты, прынцыпы і сферу сумеснай дзейнасці дзяржаў – членаў СНД. На сённяшні дзень застаецца праблемным пытанне вызначэння міжнародна-прававога статусу СНД. На думку аўтара, Садружнасць з’яўляецца разнавіднасцю міждзяржаўнага ўтварэння, якое носіць канфедэратыўны характар. У Садружнасці могуць стварацца і наддзяржаўныя органы, але хутчэй за ўсё, не для кіравання, а для каардынацыі дзеяння дзяржаў.

Канфедэрацыя – гэта тэрміновае аб’яднанне дзяржаў, якое пасля дасягнення пастаўленай мэты прыпыняе сваё існаванне, або на працягу

часу можа трансфармавацца ў федэрацыю. Магчыма пры ўтварэнні СНД разлічвалі на доўгатэрміновае існаванне аб'яднання, на ўзнікненне доўгатэрміновых адносін паміж дзяржавамі ў эканамічнай, палітычнай і іншых сферах.

Узаемадзеянне краін ажыццяўляецца праз каардынующыя органы СНД. Усяго ў рамках Садружнасці створана 82 органы, у тым ліку 66 органаў галіновага супрацоўніцтва. У рамках СНД дзейнічаюць наступныя органы: Савет кіраўнікоў дзяржаў, Савет кіраўнікоў урадаў, Савет міністраў замежных спраў, Міжпарламенцкая Асамблея, Эканамічны Суд і інш.

Згодна з рашэннем Савета кіраўнікоў дзяржаў СНД «Аб удасканаленні і рэфармаванні структуры органаў Садружнасці Незалежных Дзяржаў» Выканаўчы Сакратарыят СНД, апарат Міждзяржаўнага эканамічнага Камітэта Эканамічнага саюза, працоўныя апараты міждзяржаўных і міжурадавых галіновых органаў былі рэарганізаваны ў адзіны пастаянна дзеючы выканаўчы, адміністрацыйны і каардынующы орган – Выканаўчы камітэт Садружнасці. У цяперашні час у склад СНД уваходзіць 11 дзяржаў з 15 рэспублік былога СССР. Вылучаюць наступныя катэгорыі дзяржаў – удзельніц СНД: дзяржавы-заснавальнікі, дзяржавы-члены, асацыяваныя члены, дзяржавы-назіральнікі.

Пытанні перспектываў развіцця СНД актыўна абмяркоўваюцца на навуковых канферэнцыях. Так, 28–29 верасня 2011 г. у Мінску адбылася Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «20 гадоў Садружнасці Незалежных Дзяржаў». 4 кастрычніка 2011 г. ў штаб-кватэры Міжпарламенцкай Асамблеі дзяржаў – удзельніц СНД адбылася міжнародная навуковая канферэнцыя «Содружество Независимых Государств: достижения, проблемы, перспективы». На наш погляд, найбольш перспектывным і эфектывым з'яўляецца супрацоўніцтва ў фарміраванні і развіцці агульнай эканамічнай прасторы дзяржаў – удзельніц СНД.

НОРМЫ АХОВЫ ПРЫРОДЫ Ў СТАТУЦЕ 1588 г.

І. А. Доўнар

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Пераемна ўспрыняўшы палажэнні папярэдняга Статута 1566 г., новы звод законаў ВКЛ іх значна дапоўніў. Гэты тычылася і пытанняў аховы прыродных багаццяў, якія былі сканцэнтраваны ў дзесятым раздзеле Статута 1588 г. Так, першы артыкул гэтага раздзела паслабляў пакаранне за паляванне на чужой зямлі – у ім ужо не гаворыцца пра смяротнае пакаранне, але прадугледжваецца для парушальнікаў падвойны штраф, а таксама турэмнае зняволенне. Другі артыкул пад назвай «Цана звером диким», якім рэгламентаваўся штраф за незаконнае забойства дзікіх жывёл, у асноўным паўтараў палажэнні адпаведнага артыкула Статута

1566 г. Напрыклад, за забойства зубра – 12 рублёў грошаў, мядзведзя – 3 грошы і г. д. Аднак дадаткова ў артыкуле ўсталёўваўся штраф за сабяля ў памеры двух рублёў, а таксама за куніцу – поўкапы грошаў.

Наступны артыкул некалькі падрабязней вызначаў парадак карыстання ўласнікамі борцямі, азерамі і лугамі, якія былі размешчаны ў чужой пушчы. Так, ім забаранялася браць з сабою сабак, зброю, якія маглі ўчыніць шкоду лясному зверу. А гаспадар пушчы, у якой былі размешчаны чужыя борці, азёры ды лугі, абавязваўся не ствараць перашкоды для карыстання імі: «А тот в чьей пушцы озера, сеножати и борти будутъ, также тых чужых входов своей пушцы отнятии не можеть» (арт. 3).

Чацвёрты артыкул амаль даслоўна паўтараў палажэнні аб пакаранні гаспадара пушчы за незаконную лоўлю рыбы ў чужым возеры і скошванне чужога сенакосу. У пятым артыкуле гаварылася аб тым, што патрэбна было рабіць, калі б «хто бы застал чиего человека в своей пушци и пограбил». Верагодна, у сувязі з негатыўнай судовай практыкай палажэнні гэтага артыкула працэсуальнымі момантамі значна адрозніваліся ад аналагічнага артыкула папярэдняга Статута. Удакладнялася, якім чынам належыць абыходзіцца з правапарушальнікам. Так, гэтую асобу з аднятым чужым дрэвам трэба было разам са сведкамі весці у свой дом і не пазней трох дзён абвясціць яго пана. Апошні павінен быў на наступны дзень выехаць да пакрыўджанага, кампенсаваць шкоду, забраць правапарушальніка. Рэгламантаваліся таксама і наступствы, калі б пан не пажадаў узяць на парукі свайго залежнага чалавека.

Артыкулы 6–10 у асноўным, за выключэннем некаторых палажэнняў, паўтаралі тэкст аналагічных артыкулаў Статута 1566 г. Гэта тычылася і рэгламентацыі пытанняў аховы хмелішчаў, баброў, птушак і інш. Галоўным чынам змены тычыліся памераў штрафных санкцый. Напрыклад, за крадзеж чорнага бабра штраф павышаўся з двух да чатырох копаў грошаў, а за «карого» – з адной капы да двух. Верагодней за ўсё, гэта было вызвана памяншэннем з цягам часу колькасці гэтых жывёл.

Артыкулы 11 і 12, якія прадугледжвалі пакаранне за псаванне птушыных прынад, некалькі ўдакладнялі і развівалі аналагічныя палажэнні папярэдняга Статута. Так, у арт. 11 гаварылася не толькі аб «парубанні птушыных прынад», але і аб іх псаванні, а таксама аб адагнанні «птах принажонных», або лоўлі іх на чужых прынадах. Акрамя папярэдне вызначанага штрафу ў памеры шасці рублёў грошаў, патрэбна было дадаткова заплаціць за злоўленыя птахі. У артыкуле 12, акрамя пашкоджання «злодейским обычаем» прынад, удакладнялася, якім чынам гэта можа быць зроблена, напрыклад, дзёгцем ці часнаком падмазана. Адносна крадзяжу птушынага шатра, таксама ўдакладнялася, што гэта шацёр «тетеричый». Акрамя таго, дадавалася, што калі хто-небудзь украў «сеть куропатнюю», усталёўваўся штраф у адзін рубель грошаў.

Як і раней, значная ўвага надавалася ахове пчаліных борцяў і вырашэнню спрэчак аб борцях. Адносна прыналежнасці борцяў рэгламентавалася папярэднія правіла – чыё «знамя» старэй, таго і дрэва. Артыкул 13, які называўся «Устава дрэву бортному», прадугледжваў раней усталяваныя штрафы за няўмыснае псаванне бортнага дрэва: дрэва без пчол – 2 капы грошаў, з пчоламі – капа, за прызначанае на борць дрэва – паўкапы грошаў. А калі б хто «зладзейскім чынам» вырабіў або спаліў чужое бортнае дрэва, павінен быў заплаціць за борць з нявыбраным мёдам – 3 рублі грошаў, за бортнае дрэва без пчол – 2 капы, за дрэва без пчол – капу, «за крем без бorti иле их сказал» – па паўкапы грошаў за кожны.

Артыкул 14 прадугледжваў за выдзіранне пчаліных сямей без мёда штраф у памеры 2 капы грошаў, а за выдзіранне пчаліных сямей разам з уллем – 3 рублі. У адрозненне ад арт. 14 Статута 1566 г. гаварылася, што калі б злачынцу злавлі з доказамі злачынства – «маюць сказаці, яко злодея, на горло». Гэта значыць, што за здзяйсненне такога злачынства прадугледжвалася нават смяротнае пакаранне. Значна ўдакладняліся палажэнні арт. 15, які рэгламентаваў адказнасць за парубку гая. Калі шляхціц пасек дрэвы ў шляхціца, павінен быў заплаціць 12 рублёў грошаў, калі селянін у шляхціча пасячэ дрэвы, то плаціў 6 рублёў грошаў, а калі селянін у селяніна – 3 рублі грошаў. Новымі былі палажэнні аб выплаце штрафаў за кожнае парубленае дрэва, прычым удакладнялася, якое гэта дрэва. Так, за сасну – паўкапы грошаў, за дуб – капа грошаў і г. д.

Таксама ўдакладняліся палажэнні арт. 16, у якім вызначалася адказнасць за крадзеж дрэў і фруктаў з фруктовага саду шляхціца. Штрафы засталіся амаль папярэднія (напрыклад, за абрыванне яблыкаў – 12 рублёў грошаў), аднак удакладняліся працэсуальныя моманты і дадаткова ўводзілася адказнасць за крадзеж з чужога поля гародніны.

У адрозненне ад папярэдняга Статута, які ўсталёваў смяротнае пакаранне за наўмысны пажар у пушчах ды лясх, аналагічны сямнаццаты артыкул Статута 1588 г. прадугледжваў толькі поўную кампенсацыю прычыненай шкоды. Калі ж чалавек ненаўмысна ўчыніў пажар у лесе, то вызваляўся ад адказнасці пры ўмове прынясення прысягі аб неасцярожнасці гэтага учынку. Калі ж адмаўляўся ад прысягі, павінен быў поўнасцю аплаціць учыненную шкоду.

Артыкул 18, апошні ў гэтым раздзеле, быў новым у Статуце 1588 г. Пад пагрозай выплаты значнага штрафа ён забараняў паляваць на чужых землях ад свята «сёмае суботы» да заканчэння ўборкі ўраджая і ўсталёўваў, што калі якая-небудзь асоба, палюючы ў забаронены час на чужых землях, прычыніла шкоду, павінна была не толькі пакрыць страты, але і заплаціць пакрыўджанаму штраф 3 капы грошаў.

Такім чынам, Статут 1588 г., які дзейнічаў некалькі стагоддзяў, значна дапоўніў і ўдакладніў палажэнні аб ахове прыроды.

КАНЦЭПЦЫЯ «МЕР САЦЫЯЛЬНАЙ АХОВЫ» Ў ГІСТОРЫІ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВА БЕЛАРУСКАЙ ССР

С. А. Гур'еў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

З прыходам да ўлады бальшавікі адразу ж адмянілі ўсе папярэднія законы і пачалі ствараць новае заканадаўства, прычым савецкая ўлада імкнулася падкрэсліць абсалютную навізну і прагрэсіўнасць сацыялістычных законаў, парываючы з класічнымі прававымі тэорыямі. Гэтая з'ява яскрава адбілася на змесце Крымінальнага кодэкса (КК) РСФСР 1922 г. (дзеянча ў Беларусі) і КК БССР 1928 г., бо з прыняццем першага пачынаецца адмаўленне ад класічнай школы крымінальнага права і яе інстытута пакарання на карысць сацыялагічнай школы права з інстытутам мер сацыяльнай аховы, а ў апошнім кодэксе гэтая тэндэнцыя канчаткова замацоўваецца.

Сутнасць мер сацыяльнай аховы складаецца ў тым, што яны, у адрозненне ад пакарання, не ставяць сваёй мэтай кару і помсту злачынцу, іх асноўная мэта – ахова соцыйума ад грамадска небяспечных учынкаў шляхам прымянення да правапарушальнікаў мер сацыяльнага ўздзеяння. Прыхільнікі сацыялагічнай школы права падкрэслівалі непрыгоднасць і амаральнасць пакарання як сродка ўздзеяння на асоб, якія здзейснілі злачынствы, рабілася выснова, што пакаранне павінна стаць выключна сацыяльнай ахоўнай мерай.

КК РСФСР 1922 г. меў дваістасць падставаў прыцягнення да крымінальнай адказнасці, а таму і меры ўздзеяння на злачынцаў падзяляліся: па-першае, гэта віноўныя дзеянні, за якія прызначаліся пакаранні; па-другое, сацыяльная небяспечнасць асобы, у адносінах да якой ужываліся меры сацыяльнай аховы, у выніку чаго дубліравалася і ўзмацнялася адказнасць. Кодэкс меў канцэптуальныя супярэчнасці, бо захаваў пакаранне ад класічнай школы права, але ўжо дадаў меры сацыяльнай аховы ад сацыялагічнай школы права, што было несумяшчальна.

КК БССР 1928 г. цалкам адмовіўся ад тэрміна «пакаранне», перайшоўшы да сацыялагічнага вучэння і ўвёўшы тэрмін «меры сацыяльнай аховы». Тым самым былі вырашаны канцэптуальныя памылкі КК 1922 г. Толькі ў 1934 г. савецкае крымінальнае заканадаўства зноў вярнулася да тэрміна «пакаранне».

Варта адзначыць, што хоць сацыялагічная школа права даволі абгрунтавана даказвала перавагу мер сацыяльнай аховы над пакараннем і была гуманістычнай па сваёй сутнасці, усё ж такі ў савецкай дзяржаве адмова ад тэрміна «пакаранне» адбылася па ідэалагічных матывах, а першапрычынай з'явілася неабходнасць апраўдаць і замаскіраваць жорсткія крымінальныя санкцыі і рэпрэсіі пад больш нейтральны і менш

зразумелы для большай часткі неадукаванага насельніцтва савецкай дзяржавы тэрмін «меры сацыяльнай аховы», такім чынам стварыўшы ўражанне гуманізму савецкага крымінальнага права і яго прынцыповай навізны ў параўнанні з буржуазным. Бальшавікі ўзялі тэорыю сацыяльнай аховы на ўзбраенне, але пры гэтым сказіўшы і дапоўніўшы яе, у выніку чаго ў рэспубліканскія крымінальныя кодэксы патрапілі найбольш радыкальныя палажэнні, якія тычыліся ўжывання аналогіі закону, класавасці, зваротнай сілы крымінальнага закону. Тэорыя аб небяспечным стане асобы прымянялася пераважна да палітычных апанентаў, а не для барацьбы з агульнакрымінальнымі злачынствамі.

Такім чынам, канчатковае адмаўленне ад тэрміна «пакаранне» ў крымінальным праве Беларускай ССР з заменай яго «мерамі сацыяльнай аховы» адбылося найперш па палітычных прычынах, бо бальшавікі жадалі паказаць, што савецкае крымінальнае права не мае нічога агульнага з буржуазнай класічнай школай права; па-другое, сацыялагічная тэорыя дапоўніла арсенал сродкаў палітычнай рэпрэсіі, які быў неабходны бальшавікам за кошт мер сацыяльнай аховы (у гэтым сэнсе такая тэорыя іх цалкам задавальняла); па-трэцяе, адмаўленне ад класічнай школы крымінальнага права ліквідавала дваістаць відаў крымінальнай адказнасці, якая назіралася ў КК РСФСР 1922 г. і рабіла КК БССР 1928 г. збольшага абрунтаваным з пункту гледжання пануючай навуковай канцэпцыі, а г. зн. лепей тэарэтычна распрацаваным.

ВАЕННАЕ ПРАВА ПА СТАТУТУ ВКЛ 1588 г.

А. А. Хандрыка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Пытанне аб ваенным праве ВКЛ застаецца маладаследаваным, нягледзячы на навуковыя публікацыі апошніх гадоў. Між тым яго роля ў заканадаўстве безумоўная. Асабліва важнымі з'яўляліся нормы Статута 1588 г., які пераемна ўспрыняў палажэнні першых Статутаў.

Перш за ўсё Статут 1588 г. вызначаў кола асоб, якія пры неабходнасці прызываліся на вайсковую службу: «княжата, панята, и врядники земские, дворные, дворяне, земляне, шляхта хоружовная, и вдовы, и тоже татары, и мещане городов наших, имеющие имения земские...» (раздз. 2, арт. 1). Удовы, сіраты і дзеці, якія не дасягнулі паўналецця, выстаўлялі ў залежнасці ад памеру ўладанняў узброеных коннікаў. Закладатрымальнік павінен быў несці службу ад закладзенага маёнтка (раздз. 2, арт. 4). Праваслаўнае і каталіцкае духавенства павінна было несці службу ці выстаўляць ратнікаў з маёнткаў, на якіх да пераходу іх ва ўласнасць царквы ляжала гэта павіннасць (раздз. 2, арт. 9). Трэці артыкул гэтага раздзела забараняў вялікаму князю і гетману вызваляць ад ваеннай

службы тех асоб, якія павінны былі яе несці. Закон вызначаў прычыны няяўкі на службу, перш за ўсё «если бы кто-либо... из-за тяжелой болезни был немошен» (раздз. 2, арт. 11). Дапускалася, каб за бацьку службу нёс сын, які дасягнуў пэўнага ўзросту («сыновой восемнадцати лет... а был бы годный к военной службе» (раздз. 2, арт. 12)).

Артыкул 5 замацоўваў статус харунжых і парадак іх абрання. Артыкулы 6–8 рэгулявалі арганізацыйныя пытанні (парадак збору, рэгістрацыя і пастраенне вайсковаабавязаных перад паходам). Акрамя таго, вызначаліся паўнамоцтвы вышэйшых ваенаначальнікаў у дачыненні да правапарушальнікаў: «...воевода или каштелян, пока к пану гетману не дойдут, должен с таковыми справедливость учинить и взыскание на виновном и имуществе его сам сразу без проволочки сделать» (раздз. 2, арт. 6).

Трэба адзначыць той факт, што на вялікай колькасці норм ваеннага права адбіліся рысы крымінальнага права. Шмат норм замацоўваюць адказнасць за злачынствы: «который бы подданный наш...без разрешения и согласия гетмана с войска прочь уехал либо своих обязанных ратников домой отпустил, таковой имение утрачивает...» (раздз. 2, арт. 10); «...кто бы с битвы удрал...утрачивает имение и честь» (раздз. 2, арт. 14); «...кто бы на войне...какой-либо вред причинил...тот должен при достаточных доказательствах наказан смертью» (раздз. 2, арт. 18). Адказнасць за іншыя віды правапарушэнняў замацоўвалася ў артыкулах 13, 15, 17, 19, 20, 21, 27. Тут бачна імкненне заканадаўцы дэталёва і жорстка, з мэтай падтрымання дысцыпліны, замацаваць належныя паводзіны вайскоўцаў.

Асобна неабходна адзначыць артыкулы 22–24, якія тычыліся наёмнікаў. Так, артыкул 23 забяспечваў ахову мясцовага насельніцтва ад чужаземцаў і наёмнікаў: «...люди прибывшие, как также и местные солдаты, не должны иными дорогами и в иное место направляться на постой располагаться, только там, где мы, государь, или гетман великий того Великого княжества укажет и места постоя распишет» (раздз. 2, арт. 23). Артыкул 24 увогуле забараняў выкарыстоўваць наёмнікаў у замках.

Некаторыя артыкулы рэгулявалі пытанні аб парадку набыцця харчу ў насельніцтва (раздз. 2, арт. 19–20), вызначалі памер платы пісару пры рэгістрацыі («по полугрошику литовскому за коня» (раздз. 2, арт. 16)), парадак утрымання прыблудных коней (раздз. 2, арт. 25), вызначалі парадак размяшчэння войска адносна гетмана (раздз. 2, арт. 26) і інш.

З вышэй сказанага можна зрабіць вывад, што Статут 1588 г. для свайго часу даволі дакладна рэгуляваў пытанні ў ваеннай сферы. Доказам гэтаму можа служыць і той факт, што пасля яго прыняцця аж да самага знікнення дзяржавы новага падобнага прававога дакумента так і не было выдадзена, хоць вайсковыя адносіны ўдакладняліся пазней спецыяльнымі нарматыўнымі актамі.

АСНОЎНЫЯ ПАЛАЗЭННІ СЯМЕЙНАГА ПРАВА БЕЛАРУСІ XIV–XVII стст. ПА СТАТУТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

М. А. Лапатко

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Само паняцце «сям'я» ў старажытных дакументах мела сэнс аб'яднання, злучэння, сумеснага двара, уладання. Навукоўцы адзначаюць, што па сваіх асноўных формах сем'і беларускіх сялян у перыяд феадалізму падраздзяляліся на малыя і вялікія (бацькоўскія і брацкія). Малая (або нуклеарная) сям'я складалася са шлюбнай пары і іх дзяцей. Вялікая сям'я мела больш складаны і шматлікі састаў, які, напрыклад у вялікай бацькоўскай сям'і, уключаў прамых сваякоў двух-трох пакаленняў (бацькоў, дзяцей, жанатых сыноў, унукаў), што мелі неразделеную прыватную ўласнасць, вялі сумесную гаспадарку пад кіраўніцтвам старэйшага мужчыны (бацькі). Распад вялікіх сямей адбываўся тады, калі колькасць іх членаў павялічвалася і вядзенне агульнай гаспадаркі рабілася немагчымым. Аднак раздзяленне сям'і было часта эканамічна нявыгадным, паколькі вяло да драблення сямейнай ўласнасці (інвентару, жывёлы і інш.).

Распарадчыкам і намінальным галавой як малой, так і вялікай (бацькоўскай, брацкай) сям'і быў старэйшы мужчына, а ў выпадку смерці – яго жонка (пры адсутнасці ў сям'і дарослага сына). У выпадку смерці бацькоў сыны маглі ўступаць у правы ўжо пасля 12 гадоў.

Становішча жанчыны ў сямейных сем'ях Беларусі таго часу было не аднолькавае са становішчам мужчын. Аднак жанчына не знаходзілася пад дэспатычным прыгнётам мужа і мела права голасу. Жорсткае абыходжанне мужа з жонкай было даволі рэдкай з'явай, аднак звычай у такіх выпадках даваў жанчыне права пакінуць мужа, што было раўназначна разводу.

Ужо ў Статуце 1529 г. ёсць норма, якая забараняла выдаваць замуж супраць волі, а толькі са згоды княгінь, удоў і дзяўчат (арт. 15). Як піша Я. А. Юхо, гэта датычалася пануючага класа і зусім не закранала дзяўчат-чэлядзінак і простых жанчын, якіх маглі выдаваць прымусова.

У адпаведнасці са Статутам 1566 г. дзяўчына павінна была атрымаць дазвол бацькоў. Калі дачка брала шлюб без іх дазволу, то яна пазбаўлялася пасагу, а таксама маёнткаў бацькі і маці (арт. 7). Артыкул 12 устанаўліваў тэрмін, на працягу якога жанчыне забаранялася браць шлюб пасля смерці мужа. Іх працягласць складала 6 месяцаў.

Як адзначае прафесар Я. А. Юхо, ў Статутах нічога не сказана пра працэдуру заключэння шлюбу. Яна рэгламентавалася нормамі звычайнага

права. Заклучэнне шлюбу ажыццяўлялася ў некалькі этапаў: сватаўство і агледзіны, заручыны (змовіны), шлюб і вяселле. Сватаўство і агледзіны, як падрыхтоўчае дзеянне, ніякіх прававых наступстваў не цягнулі. Прававыя наступствы надыходзілі толькі пасля заручын. Старана, якая адмовілася ўступіць у шлюб пасля заключэння дамовы аб шлюбе – змовін, абавязаная была пакрыць іншай старане ўсе панесеныя выдаткі па падрыхтоўцы да шлюбу і выплаціць абумоўленую дамовай няўстойку.

Заручыны часта адбываліся яшчэ ў дзіцячым узросце. У гэтым выпадку заключаўся вясельны дагавор, у якім вызначаўся пасаг нявесты. Жанчына мела так званае «вено» – права на валоданне адной трэцяй часткі маёмасці сям’і пасля смерці мужа пры адсутнасці ў іх сыноў. Асноўнымі бакамі дамовы, якая складалася пры заручынах, выступалі бацькі, блізкія сваякі або апякуны тых, хто уступаў у шлюб. Калі ў сям’і мелася некалькі дзяўчын, то абавязкова трэба было раней выдаць старэйшую, а затым наступную за ёй па ўзросту.

Па Статуце 1566 г. шлюбны ўзрост для дзяўчын быў усталяваны з 15, а для юнакоў – 18 гадоў, але ў Статуце 1588 г. шлюбны ўзрост для дзяўчын усталёўваўся з 13 гадоў. Гэта сведчыць, што дзяржава актыўна ўмешвалася ў шлюбна-сямейныя адносіны.

СТАТУС ВОЗНЫХ ПА СТАТУТАХ ВКЛ

А. А. Міхневіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Нельга забыцца яшчэ пра адзін цікавы прававы інстытут, які ўзнік на тэрыторыі ВКЛ у тыя часы – інстытут возных. Гэты інстытут, як і інстытут прафесійных суддзяў, з’явіўся ў ВКЛ толькі з выданнем Статута ВКЛ 1566 г. Возныя выконвалі функцыі судовага следчага, выканаўц і кур’ера адначасова. Як і суддзёй, возным не мог стаць просты селянін. Аселя шляхціч з пэўным прыбыткам – другая справа: «...выбіралі пострыгали уставляли тежъ шляхту людей добрихъ въры годныхъ цнотливыхъ оселыхъ въ томъ же повѣтъ...» Аднапаведна арт. 5 Статута ВКЛ 1566 г. возныя не толькі развозілі павесткі ў суд (позвы), аднак яшчэ і эксперта: праводзілі агляд месца злачынства, экспертызы, допыт сведкаў.

У другім статуте з’явілася паняцце недатыкальнасці вознага, аналагічна недатыкальнасці суддзі, падсудка, пісара. Так, па арт. 6 кожны нёс адказнасць, калі б ён украў у вознага выканаўчы ліст, а таксама адказваў за яго дастаўку. За гэты ўчынак кожны быў павінен знаходзіцца пад арыштам у турме (турэмным замку) не меней шасці тыдняў у залежнасці ад стану і сацыяльнага паходжання. У артыкуле 11 Статута

ВКЛ 1588 г. сэнс гэтых нормаў быў пашыраны: срок арышта павялічылі да дванаццаці тыдняў. Калі б была ўчынена шкода асобе, якая з'яўлялася сведкам, то злачынец нёс таксама матэрыяльную адказнасць: «...А за нашу вину на замьку albo дворе поветовым дванадцать недель седеть у вежи верхней, а сторону, которую бы при возномъ збито або, яко вышшей описано, обельжоно, маеть такъже за слушнымъ доводомъ навезати совито водъле стану, якого будеть, и шкоду возному и стороне, и естли се ей што в тотъ часъ станеть, совито заплатити...» Статут 1588 г. ўдасканалвае працэдуру выбрания возных. Возным, як і суддзёй, пісарам, падсудкам мог быць абраны толькі сумленны шляхціц адпаведнай веры (як нам здаецца, каталіцкай) (арт. 8 Статута ВКЛ 1588 г.): «...том же повете, которыхъ врядь земьский и шляхта оберуть и дадутъ свидетельство о цноте и добромъ захованью ихъ черезъ листь свой такъ много, яко бы водлугъ широкости повету потреба указывала...». З гэтага ўрыўка бачна, што колькасць возных залежала ад памераў павета, але ж фактычна іх колькасць адзначалася мясцовай адміністрацыяй. Кожны возны павінен быў прынесці прысягу сваёй вернасці дзяржаве і Вялікаму князю.

У артыкуле 9 Статута ВКЛ 1588 г. ўдакладнены і значна пашыраны паўнамоцтвы вознага, як следчага. Зараз ён ужо пры аглядзе месца злачынства састаўляў сапраўдны пратакол. Пры гэтым павінны былі прысутнічаць сведкі са шляхецкага саслоўя. Возны мог разглядаць справы рознага стану і рознай цяжкасці. Калі ж возны не выконваў свае абавязкі або выконваў іх дрэнна, ён жорстка караўся за гэта (нават смяротным пакараннем). Свой прыбытак возны атрымліваў, як і іншыя судовыя службоўцы: у сувязі з разглядам справы, а таксама ім выдавалі камандзіровачныя. Галоўны возны асобнага суда называўся генералам (арт. 104 Статута ВКЛ 1588 г.): «... великомъ князстве литовьскомъ, надъ иншые одинъ возный установленъ быти маеть, таковый, которого латиньскимъ языкомъ зовутъ енераль...» Яму падпарадкоўваліся ўсе возныя ніжэйшага стану, а ён падпарадкоўваўся толькі Вялікаму князю. Возныя атрымлівалі плату за выкананне канкрэтнага даручэння, што было запісана ў арт. 10: «Возному за працу его по тому маеть быти давано, то есть коли где на которую кольвекъ справу поедеть, тогда ему от мили по грошу ув одну сторону, а што назадъ поедеть, за то ничего брати не маеть...».

Як нам здаецца, аб'яднанне прафесіі судовага выканаўцы і следчага ў адну было зроблена не з-за неразвітасці працэсуальнага заканадаўства ВКЛ, а з-за імкнення да рацыянальнага выкарыстання чалавечых рэсурсаў. Дзякуючы такому аб'яднанню бюракратычны апарат судовых службоўцаў ВКЛ не быў занадта раздутым.

СТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В БЕЛАРУСИ

А. Г. Брендак

Белорусский государственный университет

Суд присяжных на белорусских землях появился в конце XVI в. с введением в городах магдебургского права. Он действовал в виде войтовско-лавницких судов. Судебная коллегия таких судов состояла из войта и лавников. Количество лавников зависело от количества городского населения. С присоединением белорусских земель к Российской империи в конце XVIII в. была введена российская судебная система, которой суд присяжных известен не был.

В 1864 г. в России началась судебная реформа, одним из завоеваний которой стало создание суда присяжных заседателей при окружных судах. Был установлен ряд условий, необходимых для избрания в присяжные заседатели: русское подданство, возраст не менее двадцати пяти и не более семидесяти лет, проживание не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели. Кроме того, устанавливался достаточно высокий имущественный ценз. Был установлен и перечень лиц, которые не могли быть присяжными заседателями.

Судебная реформа в Беларуси началась позже, чем в России и проходила поэтапно. Только в ноябре 1883 г. был издан указ о введении судебных уставов в полном объеме в Виленской, Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской и Ковенской губерниях. В результате были созданы окружные суды и институт присяжных заседателей. На территории Беларуси была открыта только одна судебная палата – Виленская, которая объединила Виленскую, Ковенскую, Минскую и Гродненскую губернии.

В Беларуси имелись особенности в порядке формирования суда присяжных заседателей: списки присяжных заседателей составлялись специальной комиссией под руководством предводителя дворянства и просматривались губернатором; увеличивался имущественный ценз; состав присяжных заседателей в западных губерниях значительно отличался от центральных; большая часть присяжных была представлена крестьянами, в то время как дворяне, чиновники и купцы составляли около четверти заседателей. Следует отметить, что почти половина присяжных не умели ни читать, ни писать. Количество евреев среди присяжных заседателей не должно было превышать их процентного отношения к общей численности населения. Ограничивалось и участие их в делах, связанных с религией. Председателем суда присяжных могли быть только христиане, т. е. ограничивались права лиц «католического» вероисповедания.

Советской властью суд присяжных был воспринят как буржуазный элемент и, как следствие, был отвергнут. Только в конце 1980 гг. Верхов-

ный Совет СССР в ст. 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, принятых 13 ноября 1989 г., разрешил союзным республикам в установленном законом порядке и случаях решать вопрос о виновности подсудимого судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). Однако далее последовал распад СССР и каждая из союзных республик стала избирать свой путь в формировании судебной системы.

23 марта 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь одобрил Концепцию судебно-правовой реформы в Беларуси, одним из положений которой явилось создание суда присяжных. Позже Закон «О судостроительстве и статусе судей» от 13 января 1995 г. (утратил силу) предусматривал использование института суда присяжных при рассмотрении ряда уголовных дел. Однако в ст. 9 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. говорилось только, что «граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в деятельности суда по осуществлению правосудия в качестве народных заседателей». Это свидетельствует о том, что суд присяжных на данном этапе в Беларуси отсутствует.

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ СОБСТВЕННОСТИ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

А. О. Терещенко

Белорусский государственный экономический университет

Институт частной собственности был впервые разработан в римском частном праве. Он нередко именуется в литературе, как частное право, право абстрактной личности. Право собственности, называемое в историческую эпоху *dominium* (по квинтитскому праву – *ex iure Quiritium*), является исключительным абсолютным правом, защищаемым в отношениях всех (*egra omnes*) посредством применения вещного иска (*action in rem*). Оно представляет собой парадигму всех вещных прав (*iura in re*).

Право собственности является наиболее широкой по объему юридической категорией, которая регламентирует виды вещных прав и их классификацию. Собственнику принадлежала *ius utendi* (право пользования вещью), *ius fruendi* (право извлечения плодов, доходов), *ius abutendi* (право распоряжения). К этим элементам содержания права собственности можно было бы добавить *ius possidendi* (право владеть вещью), *ius vindicandi* (право истребовать вещь из рук каждого ее фактического обладателя, безразлично – владельца или держателя).

Отсюда следует, что такая широта права собственности требует всеобщей защиты этого института. Обладание исключительным правом

на вещь означает, что все третьи лица обязаны воздержаться от установления какой-либо связи с вещью помимо воли собственника. Это всеобщее требование исходит как от воли собственника, так и из общественного интереса, который отражен в положениях закона.

Самым значительным процессуальным средством в вопросе защиты права собственности является виндикационный иск, прототип вещных исков (*actions in rem*), который принадлежал собственнику (*dominus*), лишенному вещи (обладатель активного права), как правило, против того, кто незаконно владел вещью (обладатель пассивного права). Истом в нем был собственник, ответчиком – владелец. Целью иска было вернуть владение вещью. Виндикация принимала разные формы в трех процессуальных системах в юридической истории Рима: легисакционном, формулярном и экстраординарных процессах.

В системе легисакционного процесса виндикация совершалась по форме вещного иска посредством клятвы. Собственник виндiciровал вещь как свою на основе формулы. Поскольку речь шла о двойном иске, ответчик-владелец, в свою очередь, произносил виндикационную формулу, и оба касались оспариваемой вещи палочкой (*vindicta*). Претор приказывал обоим оставить вещь. Тогда стороны сходились в *sacramentum*, т. е. в определенной сумме, которую должны были уплатить в эрарий в случае проигрыша. Частный судья должен был рассмотреть доказательства, приведенные обеими сторонами, и объявить, какая клятва была законной, а какая нет, т. е. по существу, кто был прав, а кто нет. В последней фазе развития легисакционного процесса был введен вещный иск посредством спонсии, где спонсия (обещание) произносилось только одной стороной, и бремя доказывания лежало только на истце. Этот иск представлял собой переход к последующей формулярной виндикации, в которой приговор после решения о возвращении и оценки тяжбы под присягой был денежным.

В экстраординарном процессе восстанавливается приговор о возврате самой вещи и появляется возможность принудительного исполнения с помощью судебных приставов.

Еще одним иском для защиты права собственности был негаторный иск, который в соответствии с конкретным случаем мог быть иском, отрицающим узурфрукт или сервитут. Его целью было заставить признать право собственности, свободное от обременений, вытекающих из конкуренции на ту же вещь вещного права, предполагаемого третьим лицом, которое принимало роль ответчика. Речь шла об иске об установлении с принуждением мнимого обладателя права узурфрукта или сервитута к обязательству не мешать собственнику пользоваться своим участком без каких-либо препятствий или обременений.

Некоторые ученые выделяют в отдельный вид прогибиторный иск (*action prohibitoria*) – иск о воспрепятствовании на будущее. Этот иск существовал параллельно с негаторным и во многом был с ним схож. Права собственника в римском частном праве защищаются также специальными исками об установлении границ имения (*action finium regundorum*), а также посредством рассмотренных выше исков, которые предупреждают об угрозе ущерба (*actio aquae pluviae arcendae, cautio damni infecti, operis novi nuntiatio*).

Таким образом, частная собственность была основой гражданского оборота в римском частном праве и требовала всесторонней защиты. Это и послужило основанием для появления и развития вещных исков (виндикационный и негаторный), которые сохранили не только название, но и саму суть в современном гражданском праве многих стран мира.

ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. В. Дмитриев

Белорусский государственный университет

Особое значение для правотворческих отношений имеет реализация принципа гласности, заключающегося в возможности общественных структур и граждан оказывать влияние на правотворческие органы, поскольку демократический по своей сущности правотворческий процесс лежит в сфере взаимных контактов гражданского общества и государства, что предполагает наличие определенных форм участия граждан и их объединений в правотворческой деятельности. К числу таких форм можно отнести: референдум; общественные обсуждения (консультации); народную правотворческую инициативу; выявление и учет мнений граждан их представителями.

Для того чтобы политико-правовой институт референдума был действенным средством влияния на государство, законом должен быть определен круг важнейших вопросов, решение по которым может быть принято исключительно путем народного голосования (так называемый обязательный референдум). Референдум должен предоставлять участвующим в нем гражданам реальную возможность выбора, что может быть обеспечено вынесением на референдум альтернативных проектов законов. Институт референдума стоит дополнить всенародным обсуждением проекта решения, которое выносится на голосование. Это способствует обеспечению подлинно демократического характера процедуры принятия решения, при которой народ принимает непосредственное участие в подготовке проекта выносимого на голосование решения, а затем высказывает в отношении него свое мнение.

Институт общественных обсуждений (консультаций) не нашел должного практического применения в правотворческом процессе. Важное значение для повышения роли этого правового института будет иметь правовое закрепление его обязательного характера путем законодательного закрепления обязанности правотворческого органа в ряде случаев выносить проект своего решения на всенародное обсуждение.

Народ должен иметь право не только самостоятельно решать вопросы государственной и общественной жизни, но также должен быть наделен возможностями ставить такие вопросы перед государственными органами и должностными лицами, предлагать свои проекты их разрешения. По этой причине само право правотворческой инициативы граждан должно быть надлежащим образом обеспечено правовыми и организационными гарантиями реализации. Самостоятельным институтом реализации принципа гласности в правотворческой деятельности должно выступать право на внесение правотворческого обращения гражданами и их объединениями. Рекомендации, содержание которых направлено на совершенствование правовых актов, должны иметь несколько иной правовой статус, чем остальные формы обращений.

Выявление и учет мнения граждан в надлежащей степени должны быть реализованы в процессе осуществления своей деятельности представителями избирателей. Выявление и учет мнений избирателей их представителями не должно ограничиваться в рамках правотворческого процесса только широко известными в практике формами депутатской деятельности, к числу которых можно отнести встречи с избирателями, отчетные собрания, наказы избирателей и т. д. Для того чтобы общественная воля трансформировалась в государственную как можно полнее, нужны определенные формы выявления мнения избирателей, к числу которых можно отнести: встречи избранных народа с избирателями перед каждой сессией в целях выяснения их позиции по всем рассматриваемым вопросам, заблаговременное обнародование вопросов, выносимых на рассмотрение предстоящей сессии, а также опубликование проектов законов и других решений, намеченных к принятию.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

М. В. Туминская

Белорусский государственный университет

У многих из нас на слуху фраза: «Современный человек живет в эпоху глобализации». Глобализация представляет собой процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Она напрямую затрагивает в том числе и государство, которое является основным институтом политической и социальной системы. Оно претер-

певае трансформацию. На смену национальному государству приходит государство, чей суверенитет изменяется и сокращается. Такое положение дел обусловлено рядом факторов глобализации:

1. Государства делегируют все больше полномочий влиятельным международным организациям, таким как ООН, ВТО, ЕС, НАТО, МВФ и др.

2. С созданием надгосударственных институтов происходит добровольное ограничение и делегирование части суверенных прав: международное законодательство приобрело верховенство и высшую юридическую силу по сравнению с национальным.

3. За счет сокращения государственного вмешательства в экономику увеличивается политическое влияние субъектов хозяйствования (особенно крупных транснациональных корпораций), которые наряду с государствами претендуют на выполнение роли субъектов международного права.

4. В процессе развития международного сотрудничества увеличивается число вопросов, которые постепенно перестают относиться исключительно к внутренней компетенции государства и подпадают под международно-правовое регулирование (вопросы обороны, экономического развития, прав человека).

5. Государство все чаще сталкивается с проблемами, источник которых находится за его пределами (экологические проблемы, международная организованная преступность и пр.).

6. Определенную легитимность приобретает концепция внешнего военного вмешательства для защиты прав и свобод человека (например, военные операции в Ливии, Ираке и др.).

В настоящее время сосуществует два типа государств: современные, или национальные, и постсовременные. Английский дипломат Р. Купер писал: «Важная особенность современного порядка (который я называю современным не потому, что он новый, а потому, что он связан с национальным государством) состоит в признании государственного суверенитета и последовательном разделении внутренних и иностранных дел с запретом на внешнее вмешательство во внутренние дела». В качестве основных черт постсовременных государств можно назвать стирание различия между внутренней и внешней политикой, взаимное вмешательство государств во внутреннюю политику друг друга и взаимное наблюдение друг за другом, все большая утрата значения границ, безопасность, основанная на прозрачности, взаимной открытости и взаимной зависимости.

Таким образом, несмотря на трансформацию, сущность государства, как совокупность его внутренних, устойчивых, существенных сторон остается неизменной. Государство – это организация, предназначение которой состоит в управлении обществом и обеспечении его социального прогресса.

ВИДЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

М. В. Янгуразов

Белорусский государственный университет

Субъект – сложная философская категория. Правовая категория субъекта права представляет собой специфическое преломление в правовой науке общеправовой категории субъекта. Субъект права является участником общественных отношений, которого юридическая норма наделила правами и обязанностями. Всех субъектов права можно разделить на две группы: индивидуальные и коллективные субъекты. Современная реальность обуславливает необходимость объединения индивидов в те или иные общности, которые преследуют достижение совместных целей, несводимых к целям конкретного лица.

Коллективные субъекты – это организованные, обособленные, самоуправляемые группы людей, наделенные правами выступать в отношениях с другими субъектами как единое целое, персонифицированно. Коллектив, как правило, объединен каким-то интересом, целью, он функционально дифференцирован, действует на законном основании, имеет свои механизмы управления, в нем определены роли каждого.

В зависимости от степени организационной самостоятельности, целей и вытекающих обязанностей, правового положения в большой и сложной системе коллективных субъектов можно выделить:

- 1) трудовые, территориальные и иные коллективы;
- 2) организации;
- 3) государство.

Трудовые, территориальные и иные коллективы являются коллективными субъектами права. Они наделены административной, трудовой, процессуальной правосубъектностью. Особенностью коллектива является, во-первых, то, что он призван выражать и защищать свои интересы; во-вторых, то, что в нем нет иерархических связей, все его члены равны. Членство в коллективе является следствием поступления на работу, местожительства.

Организация, являясь одним из коллективных субъектов права, представляет собой совокупность людей, объединенных определенным образом. В результате этого организация начинает функционировать как единое целое, обладающее свойствами, не сводимыми к свойствам отдельных личностей, входящих в эту организацию. Представляется некорректным сведение рядом ученых понимания организации к термину «юридическое лицо». При данном подходе игнорируются многочисленные объединения, не имеющих статуса юридического лица, правосубъектность которых признается правом, таких как Совет Министров Республики

Беларусь, религиозные группы, первичные профсоюзные организации и т. д.

В юридической науке государство рассматривается в качестве юридического лица (корпорация, учреждение) или в качестве особого субъекта (субъект *sui generis*). Рассмотрение государства в качестве особого субъекта права является более корректным. Правосубъектность формируется из функциональной правоспособности, существующей *ipso facto*, и дееспособности, которую государство приобретает через действующий механизм осуществления государственной власти. Государство приобретает свою дееспособность через механизм осуществления государственной власти, без которого невозможно осуществление его функций и задач в правовых отношениях. В международном праве при определенных условиях в качестве коллективных субъектов права, близких по статусу к государству, могут признаваться государст्वоподобные образования и национально-освободительные движения.

СОВЕСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОСЛАВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Д. А. Гончарова

Белорусский государственный университет

Даже светские правоведы, время от времени высказывают догадки о том, что моральные и правовые ценности являются выражением универсальных закономерностей бытия. Так, представитель утилитаризма Нового времени Юм признавал, что кроме начала пользы у человека присутствует особое нравственное чутье, которое служит источником всех нравственных действий и мерилом нравственных суждений человека.

В России же всегда признавалось существование естественной духовности, свойственной человеческой душе изначально, по самой ее природе. В русском искусстве это называется художественным вкусом, в науке – чувством истины, в религии – Богосозерцанием, а в правовой сфере – совестью.

Совесть можно определить как специфическую способность нравственного суждения, с помощью которой человек в каждом конкретном случае определяет, что делать и как поступать.

Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего полицейского понуждения. Совесть является особой формой выражения таких основополагающих понятий православного христианина, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, справедливость. Совесть свидетельствует о богоподобии человека и необходимости исполнения Божьих заповедей.

Законы государства и общества могут быть противоречивыми, провальными, недоступными для понимания, и во всех этих случаях на выручку приходит совесть – прямая связь с Богом.

Любой Божий закон нравственный, но нормы, созданные человеком, нравственны далеко не всегда. Чем слабее связь человека с Богом, тем острее общество нуждается в светском нормотворчестве и более безнравственными оказываются результаты. С приданием праву нравственной ипостаси суть права не изменилась – оно остается абсолютным добрым человеческим взаимоотношением. Заметив благодаря совести в себе дурное качество, человек всеми силами старается его преодолеть, исправиться, не отдаляться дальше от Бога. Никто не может заставить человека признать что-нибудь, захотеть, подумать – тут законы государства бессильны, однако право действует через совесть человека. Совесть и есть основа человеческой нравственности и права.

Право – это победа совести в человеке, общая совесть всего общества. С учетом такого правопонимания можно утверждать, что правосознание – это форма совести. Получается что между понятием совести и понятием правосознания, по сути, нет разницы. Можно сказать, что правосознание есть акт совести человека, проявление духа, направляющее и укрепляющее волевые усилия субъекта права.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Е. И. Шульмина

Белорусский государственный университет

Концепция прав человека по сути своей была порождена христианской религией, где человек, сотворенный Богом, является образом и подобием Божиим (Быт. 1, 26). Однако, в современном мире понятия «прав» и «свобод» человека, являющиеся важнейшими принципами либеральной ценностной системы, все больше приобретают антихристианскую направленность.

История становления либеральной системы ценностей связана с историей западноевропейской секулярной мысли, которая поставила на второй план религиозные христианские ценностные установки, а в дальнейшем и вовсе отказалась от них. Таким образом, хотя и в христианской, и в либеральной мировоззренческих системах важнейшее место занимает ценность личности, а также ценности ее прав и свобод, все же данная схожесть является иллюзорной, поскольку имеют место принципиальные отличия: в христианстве рассматриваемые ценности имеют абсолютный божественный источник (так как человек сотворен по образу Божьему), а в либеральной идеологии эти ценности имеют исключитель-

но человеческий источник, а значит, лишены абсолютного нравственного измерения.

Права человека в современной трактовке не могут реализовываться на практике в чистом виде, так как в тех или иных культурных условиях они приобретают разное прочтение. Попытку адаптации концепции прав человека к православному мировоззрению осуществила Русская Православная Церковь в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

В определенном смысле права человека отождествляются со свободой личности. Церковь различает понятия «свобода выбора» (внешняя свобода) и «свобода от зла». «Свобода от зла» – духовная свобода, которая означает власть человека над своими страстями, – является наиважнейшей для христианина. Господь Иисус Христос говорит: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными ... всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 32, 34). Апостол Павел говорит: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). Внешние свободы и права рассматриваются в Православии лишь как условия, причем не самые важные, а только желательные для приобретения подлинной свободы – духовной. Для всего современного мира и светского гуманизма первичной является внешняя свобода. Таким образом, слабость института прав человека заключается в том, что он, защищая свободу выбора, все менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха, что не соответствует христианскому вероучению, где свободы внешние хотя и являются желаемыми, но не могут быть целью сами по себе. Общественное и государственное устройство должно ориентироваться на обе свободы, гармонизируя их реализацию в публичной сфере.

Права человека не должны быть основанием для принуждения христиан к нарушению заповедей Божиих. К сожалению, зачастую в правовые акты вводятся нормы, размывающие и отменяющие не только евангельскую, так и естественную мораль. Получают законодательную поддержку различные пороки – половая распущенность, культ наживы и насилия, а также безнравственные и антигуманные действия по отношению к человеку – аборт, эвтаназия, использование человеческих эмбрионов в медицине, эксперименты, меняющие природу человека и т. п.

Однако, безусловно, Русской Православной Церковью признается то, что политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. С этой целью признание прав индивидуума должно уравниваться утверждением ответственности людей друг перед другом.

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ГОСУДАРСТВУ

Д. И. Бондарук

Белорусский государственный университет

Христианство не является политико-правовым учением, но место государства как неотъемлемого общественного института в христианской доктрине отражено. Существовая фактически на определенной территории, Церковь вступает в контакт с государством. Исполняя миссию спасения человечества, она не может не взаимодействовать с государством, даже если оно не носит христианского характера.

По Священному Писанию государство – богоустановленный институт, который благословляется Богом. Необходимость государства вытекает из последствий грехопадения. Цель государства как земного института видится в обеспечении земного благополучия людей, в ограничении зла и поддержании добра, в противодействии греху.

В христианстве взаимоотношение Церкви и государства строятся по принципу: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22. 21) и подчеркивается божественный источник каждой земной власти: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению ...; ибо начальник есть Божий слуга» (Рим. 13. 1-4);

Церковь предписывает своим членам не только повиноваться государственной власти независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее. Одновременно христиане должны уклоняться от абсолютизации власти. По христианскому учению, сама власть также не вправе себя абсолютизировать, расширяя свои границы до полной автономии от Бога и установленного им порядка вещей, что может привести к злоупотреблению властью и даже к обожествлению властителей.

Церковь и государство имеют свои отдельные сферы деятельности и независимы друг от друга. Независимость эта, однако, не носит абсолютного характера. Церковь есть «Царство не от мира сего» (Ин 18. 36), но она пребывает в земном мире, поэтому ее члены должны быть в то же время гражданами государства, следовательно, подчиняться как церковным, так и государственным нормам. Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству. В то же время она может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса лежит за государством.

Государство, в свою очередь, также не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, равно как и вообще в деятельность

канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям.

Несмотря на то, что Церковь и государство не должны вмешиваться в деятельность друг друга, они могут и должны сотрудничать в определенных социальных сферах. В связи с этим между Белорусской Православной Церковью и Правительством Республики Беларусь заключено Соглашение о сотрудничестве, которое легло в основу соответствующих соглашений с отдельными министерствами и ведомствами. В Соглашении указано, что отношение к Республике Беларусь как государству базируется на принципе уважения к нему как социальному институту, призванному обеспечивать общественный порядок, защищать национальные интересы, нравственность, охранять духовные и культурные ценности народа. Сотрудничество с государством способствует активизации духовной и социальной деятельности Православной Церкви, расширению возможностей для совместного противодействия псевдорелигиозным структурам, представляющим опасность для личности и общества.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. Н. Гусакова

Белорусский государственный университет

На период 2011–2015 гг. предусмотрена разработка Государственной программы «Информационное общество» в рамках утвержденной постановлением Совмина № 1174 стратегии развития информационного общества в Беларуси до 2015 г. Такое общество предполагает увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества; создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах; развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, электронных социальных и хозяйствующих сетей и др.

Развитие в Республике Беларусь, как и во всем мире, электронных технологий и телекоммуникационных сетей, всеобщая доступность в Интернете различных информационных ресурсов наряду с положительными моментами создает и предпосылки к активному проявлению принципиально нового вида преступности – киберпреступности. Поскольку Интернет-СМИ отличаются от обычных средств массовой информации тем, что

публикация новостей происходит оперативно, обладает трансграничностью, но и, что самое примечательное, анонимностью, это делает их идеальным инструментом для различного рода провокаций, оскорблений, статей клеветнического характера, подстрекающих к нарушению законодательства. Мировой практике известны случаи, когда социальная сеть служила для организации беспорядков и тому подобных явлений. Распространение информации расистского и другого характера, подстрекающей к насильственным действиям, ненависти или дискриминации отдельного лица или группы лиц, основывающейся на расовой, национальной, религиозной или этнической принадлежности, в сети Интернет остается безнаказанным именно благодаря анонимности авторов. В сети также существуют сайты, дискредитирующие политику целых государств, осуществляя тем самым информационные атаки на государственный суверенитет.

Преступления в сфере информационных технологий очень часто являются международными (преступники – в одном государстве, их жертвы – в другом), поэтому для борьбы с такими преступлениями особое значение имеет международное сотрудничество. Таким образом, согласно с высказыванием Г. Василевича на пресс-конференции по итогам заседания Координационного совета генпрокуроров стран СНГ 14.09.11 г. о необходимости подготовки соответствующего международного договора, который бы упорядочил пользование Интернетом. И, возможно, что такого рода документ мог бы быть подготовлен на уровне ООН. Возможно создание своеобразного «виртуального паспорта», отличающегося от обычной авторизации, приближенного по значению к отпечаткам пальцев. Минимизация анонимности и вымышленности поможет сократить под угрозой наказания количество желающих нарушить моральные или правовые запреты и восполнить пробелы в информационном законодательстве. Ограничение прав и свобод личности допускается в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Национальной и международной правовой базы информационного законодательства, существующей на нынешний день, недостаточно для регулирования всей сферы информационных отношений, которая чрезвычайно объемна и разнообразна! Необходимо создать правовые условия, обеспечивающие развитие процессов информатизации для защиты прав и законных интересов граждан и государств, с целью перехода к новому этапу развития на международном уровне. Нужно быть на несколько шагов впереди как в технологическом, организационном, так и в правовом аспекте, касающемся информационной безопасности, чтобы предотвратить угрозу безопасности личности, обществу, государству, мировому сообществу.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: НОВАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

О. С. Пахучая

Белорусский государственный университет

С принятием 13 января 2011 г. Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании) положено начало систематизации обширного массива законодательства, регулирующего образовательные отношения, а также отношения, связанные с ними. В данной области Республика Беларусь является первопроходцем, поскольку опыта создания законодательного акта, обеспечивающего комплексное регулирование данных отношений, в мире нет.

В системе прав и свобод человека и гражданина право каждого человека на образование занимает одно из главенствующих положений. Впервые оно было закреплено в ч. 1 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и получило свое дальнейшее развитие в ч. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

Тем не менее термин «образовательное право» звучит довольно непривычно. Он нигде легально не закреплён, а в белорусской правовой системе образовательное право не выделяется специально в отдельную отрасль. Однако Кодекс об образовании закрепил специфический предмет и метод правового регулирования образовательного права, а также деление всех норм на общую и особенную части, что свидетельствует о наличии отличительных признаков образовательного права как комплексной отрасли законодательства.

Предмет образовательного права составляют две группы отношений: 1) общественные отношения по освоению обучающимися содержания образовательных программ (образовательные отношения) и 2) общественные отношения, связанные с созданием условий для реализации права граждан на образование.

Эквивалентом термина «образовательное право» с советских времен выступает понятие «законодательство в сфере образования». Поэтому система национального образования в настоящее время представляет собой переход с административно-властного взаимоотношения субъектов образовательного процесса на уровень автономного, независимого состояния в рамках правовых, нравственных, гуманистических начал с использованием гражданско-правового метода регулирования. Административно-правовая составляющая метода заключается в государственно-властном характере формирования системы образования, установлении образовательных программ, развитием сети учреждений образования и др. Однако, Кодекс об образовании закрепил ряд инноваций, среди кото-

рых особое место занимает гражданско-правовой (диспозитивный) метод регулирования. Так, главным основанием возникновения образовательных отношений является договор (например, договора о подготовке специалиста (рабочего, служащего) за счет средств республиканского (местного) бюджета и др.).

Таким образом, Кодекс об образовании заложил основу формирования новой отрасли национальной системы законодательства. Поэтому перспективным является проведение фундаментальных научных исследований в данной области, а также приведение законодательства в соответствии с положениями кодекса, что предоставит возможность выхода Республики Беларусь на мировой рынок образовательных услуг (например, подготовка, переподготовка, повышение квалификации иностранных специалистов, распространение передового опыта и др.) с целью привлечения дополнительных инвестиций в страну. Кроме того, эффективность реализации данных положений будет способствовать вступлению Беларуси в Болонский процесс (единое Европейское пространство высшего образования), который позволит расширить доступ к европейским программам академического и научного сотрудничества, международным интеллектуальным ресурсам, развитию системы высшего образования в национальных интересах с учетом международного опыта.

Раздел II

КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО ИТ-СЕКТОРА ПРИ ПОСТРОЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

М. С. Абламейко

Белорусский государственный университет

В настоящее время все государства, как и Беларусь, идут по пути построения информационного общества (ИО). Основным инициатором и идеологом этого движения во всех странах является государство. Не является исключением и Беларусь. Однако очень большую роль в этом движении играет частный ИТ-сектор, институты гражданского общества и другие структуры. Рассмотрим вопросы взаимодействия государственных и частных структур при построении информационного общества.

Роль государства в формировании информационного общества, по нашему мнению, может быть сведена к следующему: 1) принятие законов, регулирующих введение и продвижение ИО; 2) регулирование деятельности государственных органов, направленных на развитие информационной сферы общества; 3) обеспечение сохранения конкуренции, борьба с монополизмом; 4) создание условий для развития частного ИТ-сектора; 5) вовлечение гражданских институтов.

Именно государство инициировало во всех странах процесс построения ИО. После подготовительной работы в 1990-е гг. НАН Беларуси подготовила и Совет Министров Республики Беларусь утвердил в декабре 2002 г. Государственную программу «Электронная Беларусь».

Правовое обеспечение построения ИО основывается на ряде существующих нормативных актов, анализе мировой практики, корректировке существующих и принятии новых нормативных актов по следующим основным направлениям: 1) информационное взаимодействие государства, бизнеса и общества; 2) разработка и внедрение электронных административных регламентов; 3) защита интеллектуальной собственности, трансграничной передачи объектов интеллектуальной собственности через Интернет; 4) внедрение электронного документооборота; 5) обеспечение информационной безопасности. В Беларуси за последние десять лет принято много законодательных актов, регулирующих сферу информатизации, и создана правовая основа для построения ИО.

Задача институтов гражданского общества состоит в том, чтобы выполнять функцию связующего звена, обеспечивающего взаимодействие граждан с государством и бизнесом, как основными инициаторами процессов информатизации. У нас в Беларуси основным таким институтом является общественное объединение «Информационное общество», которое, действительно, играет связующую роль между государственными структурами и частным ИТ-сектором.

В Беларуси динамично развивается частный ИТ-сектор. Этому существенно способствовало решение Президента Республики Беларусь о создании Парка высоких технологий (ПВТ), в котором сейчас зарегистрированы 94 компании-резидента. Общая численность работающих на 1 января 2011 г. составила 9421 человек. Объем производства компьютерных программ резидентами ПВТ в 2010 г. составил 590 млрд рублей и вырос по сравнению с предыдущим годом на 47 %. Однако, надо отметить, что очень мало компаний-резидентов ПВТ участвовали в Программе «Электронная Беларусь» и сейчас также не очень активно принимают участие в создании электронного правительства. Здесь есть еще большой резерв. Правовое поле для этого полностью разработано.

В заключение подчеркнем, что в Беларуси достаточно хорошо происходит взаимодействие государства и частного ИТ-сектора при построении информационного общества.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО АКТА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Т. Ф. Третяк

Белорусский государственный университет

Вот уже более десяти лет существует Союзное государство России и Беларуси. Говоря о характере данного объединения, некоторые считают, что это «мягкая конфедерация» (например, данного определения придерживался Президент Республики Беларусь А. Лукашенко при подписании Договора о создании Союзного государства), некоторые считали, что создание Союзного государства приведет к вхождению Беларуси в состав Российской Федерации. Однако этот тезис можно оспорить, ведь провозглашаемая многовекторная внешняя политика нашей страны есть подтверждение отсутствия планов о вхождении в состав РФ. Обращаясь к тексту проекта Конституционного Акта Союзного государства, последнее определяется как государство «нового типа». Также не вызывает сомнений, что Союзное государство есть наднациональность, страны-участницы осуществляют свою власть через наднациональные органы. Можно поспорить с мнением, что надгосударственность есть федерализм, так как федерализм предусматривает государственность.

Сейчас Союзное государство функционирует плодотворно, ежегодно утверждается единый бюджет и из него происходит финансирование более 100 совместных программ в различных сферах. Отдельно хотелось бы остановиться на безопасности. Ежегодные военные программы «Союз», сотрудничество силовых структур, из которых в качестве примера можно привести оперативное реагирование ФСБ РФ на теракт в минском метро, свидетельствуют о функционировании системы безопасности. Представляется, что впоследствии необходимо принять единый документ (например, Концепцию), регулирующий сферу безопасности. Но сначала нужно принять Конституционный Акт Союзного государства и сделать это как можно скорее ввиду построения единой правовой системы, унификации и гармонизации законодательства двух государств.

Беларусь и Россия как суверенные государства вправе придать Конституционному Акту любой характер. Наиболее распространенные предположения: Конституционный Акт как международный договор или как внутригосударственный документ. Выскажусь за первый вариант. Во-первых, Беларусь и Россия являются суверенными государствами и любые соглашения, заключаемые между ними, носят характер международного договора. Также определена процедура применения «права вето», когда одна из стран-участниц не согласна принимать какое-либо решение, она может им воспользоваться. Некоторые ученые, например И. Кунц, считают, что «международное право в целом должно быть надгосударственным». Принятие Конституционного Акта приведет к образованию Валютного союза. И возникает еще одна проблема: количество Эмиссионных центров. Российская сторона выступает за единый Эмиссионный центр в г. Москве. На наш взгляд, это серьезно повлияет на суверенитет нашей страны в экономической сфере. Эмиссионный центр также должен быть создан в г. Минске.

В построении двусторонних отношений между Беларусью и Россией были периоды напряженности, в которые авторитет Союзного государства резко снижался. Эти конфликты носили характер «молочных войн» и «информационных войн». Представляется, что последние были инициированы статьей журналиста газеты «Московский комсомолец» Мостовщикова «Страна огурцов», которая была посвящена созданию Союзного государства. После этого были многочисленные двусторонние конфликты, носившие характер информационных войн. С идеологической точки зрения, эти конфликты разрушают представление населения о Союзном государстве как форме взаимовыгодного сотрудничества двух государств.

Отдельной темой является разработка процедуры принятия Конституционного Акта. Вероятнее всего, это будет происходить в соответствии

с процедурами, определенными в национальных законодательствах стран-участниц. Если Конституционный Акт будет носить характер внутригосударственного документа, то необходимо проведение референдумов в России и Беларуси по изменению Конституций.

Еще один повод для дискуссии – само название Союзного государства, которое в научной литературе может быть приравнено к понятию «федерация». На наш взгляд, уместнее употребление названия «Союз Беларуси и России».

ЗАЩИТА ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ГРАЖДАНАМИ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

И. А. Дурнова

Саратовская государственная юридическая академия

Конституция Российской Федерации 1993 г. и Конституция Республики Беларусь 1994 г. закрепляют в первой главе (в первом разделе) основы конституционного строя. Под ними принято понимать закрепленные в конституции основополагающие начала организации общества и государства, характеризующие Россию (Республику Беларусь) как конституционное государство.

Обе конституции в качестве одной из основ конституционного строя закрепляют народовластие – носителем суверенитета и единственным источником власти является народ. В таком случае именно народ, а не отдельные органы государственной власти или местного самоуправления является основным субъектом механизма защиты основ конституционного строя. Защита основ конституционного строя может осуществляться народом в целом, более того, защищать конституцию и основы конституционного строя могут отдельные граждане или группы граждан.

Народ является самостоятельным субъектом защиты конституции, поскольку, принимая конституцию, именно народ устанавливает важнейшие гарантии самозащиты основ конституционного строя и основного закона.

Народ в лице избирательного корпуса принимает участие в выборах Президента, Государственной Думы (Палаты представителей), а также в выборах других должностных лиц и органов и референдумах.

Группы граждан могут принимать участие в митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях, направлять коллективные обращения.

Отдельные граждане могут устраивать одиночные пикеты или обращаться в суд за защитой своих прав и соответствующих им основ конституционного строя. В Российской Федерации в последнее время одиночные пикеты получили широкое распространение, поскольку в соответст-

вии со ст. 7 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» проведение одиночного пикета не требует подачи уведомления о его проведении.

Ряд последних изменений российского законодательства (отмена прямых выборов высших должностных лиц субъектов федерации; законодательное ограничение права граждан на проведение референдумов, митингов и публичных собраний; изменение порядка формирования Совета Федерации и др.) свидетельствует об ограничении народовластия. Правильно подчеркивает Н. М. Добрынин, что «именно народ вопреки Конституции страны старательно вытесняется за рамки политической системы. В сложившихся условиях кризис конституционализма неизбежен. Он состоит в отсутствии одного из главных признаков конституционализма – наличия действенных норм и процедур, ограничивающих власть» (*Добрынин Н. М. Деконституционализация – ожидаемое или норма жизни? // Государство и право. 2010. № 5. С. 12*).

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, народ должен использовать все имеющиеся в его распоряжении законные средства для защиты основ конституционного строя от посягательств со стороны государственных органов и должностных лиц. Советская практика наглядно показала, что отрыв фактической конституции от юридической – это тупиковый путь развития государства.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ «КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО» И «КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС»

И. Д. Русецкая

Белорусский государственный университет

Согласно ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. (в ред. от 18.07.2011 г.) (далее – Кодекс о судостроительстве и статусе судей) судебная власть в Республике Беларусь осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного, административного судопроизводства. Конституционное судопроизводство в Республике Беларусь является относительно новым видом судебного производства, и оно существенно отличается от судебных процедур судов общей юрисдикции.

Следует отметить, что в некоторых источниках наряду с термином «конституционное судопроизводство» встречается и такое понятие, как «конституционный процесс», причем зачастую они употребляются как равнозначные. Согласно Большому юридическому словарю судопроизводство представляет собой порядок рассмотрения дел судами. В этом же словаре встречается термин «конституционный процесс», который рас-

смачивается в двух смыслах. В широком смысле – это вся деятельность высших органов государственной власти, протекающая в формах, установленных нормами конституционного права, а также процесс развития и усовершенствования всех конституционно-правовых институтов в конкретном обществе или в мире в целом. В узком смысле конституционный процесс – урегулированная процессуальными нормами конституционного права деятельность конституционных судов и квазисудебных органов конституционного контроля по рассмотрению и разрешению конституционно-правовых споров и дел о конституционных правонарушениях. Именно в этом смысле конституционный процесс весьма схож с конституционным судопроизводством.

Проанализировав законодательство о Конституционном Суде Республики Беларусь, мы выявили, что для обозначения процессуальной деятельности Конституционного Суда преимущественно используется термин «конституционное производство». Интересно отметить, что термин «процесс», как синоним «производства», употреблен лишь однажды в Кодексе о судостроительстве и статусе судей (ст. 8) и в нескольких статьях Регламента Конституционного Суда Республики Беларусь от 18 сентября 1997 г. № Р-58/97 (в ред. от 7 октября 2009 г. № Р-362/2009) (далее – Регламент) (ч. 4 ст. 17, ч. 2 ст. 35, ч. 1 ст. 55 Регламента). Гораздо чаще термин «процесс» используется для обозначения отдельных стадий, этапов судебного производства (к примеру, в ч. 3 ст. 17, ч. 4 ст. 24, ч. 1 ст. 34 Регламента).

В то же время и в гражданском, и в уголовном праве процесс определяется значительно шире – как совокупность действий и отношений, складывающихся между судом и другими субъектами при рассмотрении и разрешении гражданского дела; деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда по возбуждению, расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Полагая, исходя из приведенных выше определений, конституционный процесс следует рассматривать как более широкое понятие, включающее в себя всю деятельность органов конституционного контроля, их взаимоотношения с другими субъектами. В то время как судопроизводство необходимо понимать как более узкое понятие – это непосредственно порядок рассмотрения дел в суде.

На основании вышеизложенного считаем, что понятия конституционного процесса и конституционного судопроизводства не должны употребляться как синонимы. Представляется целесообразным данные понятия в теории конституционного права рассматривать как самостоятельные термины и соответственно использовать их в актах законодательства.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО» И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. В. Липницкий

Белорусский государственный экономический университет

Важную роль в точном и единообразном регулировании общественных отношений играет терминология правовых актов. Данная статья посвящена анализу терминологии белорусского законодательства в сфере национальностей и национальных меньшинств.

Основы правового регулирования национальных отношений заложены в ст. 14 и 15 Конституции Республики Беларусь 1994 г., в которых употребляется термин «национальные общности». Определение данного понятия в белорусском законодательстве отсутствует. В то же время в Законе «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» и в Конвенции СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 г. защищаются права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Возникает проблема соотношения данных правовых категорий.

Белорусский ученый И. Левяш полагает, что в современных условиях белорусского государства понятие «национальное меньшинство» не вполне отражает сложившуюся национальную обстановку, и что наиболее адекватное и научно обоснованное понятие – «национальная общность». В то же время С. А. Цюга, опираясь на данные переписи населения Беларуси, отождествляет понятия «национальная общность» и «национальное меньшинство», утверждая, что «национальные общности составляют в Республике Беларусь меньше 20 % от общего числа населения. Это позволяет говорить о том, что они представляют собой национальные меньшинства».

Определение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, содержащееся в ст. 1 Закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», не содержит критерия давности проживания. Следовательно, права представителей русского, польского, украинского, еврейского, татарского, цыганского и иных этносов, проживающих на территории Беларуси на протяжении последних нескольких столетий, не отличаются от прав представителей мигрантов последнего времени. В этом заключается одно из главных отличий белорусского подхода к регулированию вопросов национальных меньшинств от общеевропейского, где защищаются, как правило, права лишь коренных, традиционных национальных меньшинств. Таким образом, следует признать, что в нашей стране понятие национального меньшинства приближается по содержанию к понятию национальной общности.

По нашему мнению, в Конституции термин «национальные общности» носит наиболее широкий характер и распространяется на все возможные разновидности национальных групп, в том числе на национальные, этнические меньшинства (как автохтонные, коренные, так и недавно прибывшие), на трудящихся-мигрантов, беженцев и др. Национальное меньшинство являет собой частный случай национальной общности. К национальной общности можно отнести и белорусов, составляющих большинство, и меньшинством не являющихся. Более того, термин «национальная общность» применяется в контексте установления запрета дискриминации по признаку национальности, и не может заменить собой термин «национальное меньшинство», имеющего более узкое значение. Правовое положение отдельных категорий национальных общностей должно развиваться и уточняться в законах (о национальных меньшинствах, о беженцах, о мигрантах, о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и др.) и иных нормативных правовых актах.

Выводы. В законодательстве Республики Беларусь обосновано употребление понятий «национальная общность» и «национальное меньшинство». Смещение данных понятий или замена одного другим недопустимы. Национальное меньшинство представляет собой частный случай национальной общности и является базовым понятием для развития специального законодательства о национальных меньшинствах.

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Т. М. Киселева

Белорусский государственный университет

Проблема субъектного состава конституционно-правовой ответственности является одной из самых сложных. Субъектный состав конституционно-правовой ответственности не закреплён на законодательном уровне, так как на данный момент не закреплена и сама конституционно-правовая ответственность. Однако для принятия такого нормативно-правового акта необходимо четко определить круг субъектов, подлежащих конституционно-правовой ответственности и их правовое положение в данном статусе. Вопрос о субъектах конституционно-правовой ответственности имеет также большое значение для ее характеристики в целом и отграничения от других видов юридической ответственности по основанию специфичности субъектного состава. Особое место занимает проблема отнесения физических лиц к субъектам конституционно-правовой ответственности.

Выделение физических лиц в качестве субъектов конституционно-правовой ответственности поддерживается не всеми авторами.

Действительно, физические лица в основном являются субъектами уголовной, административной, дисциплинарной, а не конституционно-правовой ответственности. Однако исключать физических лиц из числа субъектов конституционно-правовой ответственности только на этом основании является неверным.

Следует отметить, что ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Беларусь содержит общую норму, устанавливающую конституционно-правовую ответственность граждан за неисполнение обязанностей, возложенных на них Конституцией. Помимо этого, конституционным законодательством устанавливается ряд случаев, когда за определенные нарушения предусматривается наступление неблагоприятных последствий в отношении физических лиц. И эти последствия не являются санкциями иных видов юридической ответственности. Как правило, конституционно-правовая ответственность физических лиц заключается в лишении определенного правового статуса, например, отмена решения о принятии в гражданство, отказ в регистрации в качестве кандидата в депутаты и т. п.

Так, статья 21 Закона «О гражданстве Республики Беларусь» устанавливает, что решение о приобретении или прекращении гражданства Республики Беларусь отменяется, если оно было принято на основании представленных заведомо ложных сведений или подложных документов.

Таким образом, физические лица выступают в качестве субъектов конституционно-правовой ответственности в случае нарушения норм конституционного законодательства, когда в отношении них предусмотрено наступление неблагоприятных последствий, не являющихся мерами иной юридической ответственности.

ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

О. В. Бучик

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Проблема сохранения окружающей человека среды выдвинулась в наше время в число наиболее серьезных глобальных проблем, так как загрязнение ее приобрело такие масштабы, что поставило под угрозу само существование человечества. Не случайно практически нет ни одной конституции, принятой в последние два-три десятилетия, которая не затрагивала бы данную проблему. Конституционные положения возлагают на государство обязанность обеспечивать сохранность и улучшение окружающей среды, а на физических и юридических лиц – обязанность соблюдать требования экологии в своей производственной и иной деятельности. В конституциях зарубежных стран можно увидеть кое-что новое

для белорусского конституционного строительства, почерпнуть поучительное и, критически, творчески используя, применить к условиям правового развития нашей страны. Заслуживают обсуждения проблемы выбора уровня закрепления экологических предписаний, повышения их до конституционного статуса или перенесения в иной закон либо подзаконный акт. Для Республики Беларусь представляется целесообразным перенять зарубежный опыт регулирования экологических отношений по следующим направлениям:

1. Важным средством обеспечения права на окружающую среду является получение соответствующей экологической информации. Так, в Республике Казахстан сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью людей, влечет ответственность в соответствии с законом. Конституции Молдовы и Украины гарантируют каждому право на свободный доступ к достоверной информации о состоянии природной среды, условиях жизни и труда, качестве продуктов питания и предметов быта и на распространение этой информации. Утаивание или искажение информации о вредных для здоровья людей факторах запрещается молдавской конституцией, в Украине такая информация никем не может быть засекречена. В статье 34 Конституции Республики Беларусь гарантируется право граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды.

Считаем целесообразным дополнить ст. 34 Конституции Республики Беларусь нормой об ответственности должностных лиц государства за утаивание информации о состоянии окружающей среды.

2. Публичные власти должны поддерживать действия граждан, направленные на охрану и улучшение состояния окружающей среды. Такое положение закреплено в ст. 74 Конституции Республики Польша. Идентичное положение необходимо закрепить и в белорусской конституции, а конкретные меры государства по поддержанию действий граждан, направленных на охрану и улучшение состояния окружающей среды – в актах законодательства.

3. Важным вопросом охраны окружающей среды является ее защита при градостроительстве. Для активизации градостроительной деятельности и благоустройства владельцы недвижимости в принудительном порядке участвуют в предоставлении (без компенсации) необходимой территории для сооружения улиц, площадей, а также берут на себя расходы по благоустройству и сооружению мест и объектов общего пользования на основе утвержденного плана, как это определено в ст. 24 Конституции Греции. Включение такой нормы в Конституцию Республики Беларусь позволит активизировать благоустройство объектов общего пользования в государстве.

ПРАВО ВЕТО ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

И. Е. Белоножко

Белорусский государственный университет

Одним из элементов системы сдержек и противовесов, посредством которого реализуется принцип разделения властей, является право президента отклонить закон, принятый парламентом, но не вступивший в силу. В теории конституционного права это именуется правом вето.

Данный институт возник давно, но применяется не везде. Не было и нет подобного права у коллегиальных глав государств, как, например, в Швейцарии. Однако в этой стране существует особая разновидность вето – народное, которое закреплено ст. 89 Конституции. Народное вето – институт непосредственной демократии, разновидность отклоняющего референдума.

Несмотря на то, что не все главы государств имеют право вето, их подпись требуется всегда. Так, президенты парламентарных республик на сегодняшний день правом вето не наделены (например, Президент ФРГ).

Иная ситуация существует в президентских и смешанных республиках. Как правило, глава государства имеет право отлагательного вето на законы. Подобная норма содержится и в Конституции Беларуси. Это не противоречит принципу разделения властей, оставляя окончательное решение за законодательным органом государства.

В некоторых странах отлагательное вето преодолевается абсолютным, а не квалифицированным большинством (Болгария, Польша). Таким большинством голосов его преодолеть, конечно, проще. В нашей стране нужно набрать не менее 2/3 голосов от полного состава каждой палаты Парламента. Необходимость квалифицированного большинства числа голосов в каждой палате является препятствием для преодоления вето Президента.

Вето главы государства, как правило, не применяется к конституционным законам. Такие законы принимаются квалифицированным большинством голосов, и предполагается, что вето главы государства изначально преодолено. Республика Беларусь в этом аспекте является исключением из данного правила. В нашей стране вето Президента применяется как к обычным, так и к конституционным законам. Вето не распространяется на законы, принятые путем референдума. По моему мнению, так и должно быть, так как в демократических государствах источником власти является народ, и его решения должны быть окончательными.

В ряде стран (Бразилия, Франция) применяется выборочное вето, налагаемое на отдельные статьи. Из Конституции нашей страны вытекает,

что Президент также имеет право выборочного вето. Положения закона, относительно которых разногласий не возникает, вступают в силу без дополнительных промедлений, а процедура рассмотрения спорных статей более оперативна, чем рассмотрение всего закона.

Следует сказать, что с 1996 г. вето Главы нашего государства приобрело черты так называемого «карманного» вето: закон не считается подписанным, если он не мог быть возвращен в Парламент в связи с окончанием сессии (ст. 100 Конституции). Некоторые ученые называют «карманное» вето пассивным абсолютным вето. Такая ситуация складывается в силу объективных причин, поэтому ничего предосудительного в ней нет.

Практически ни одна конституция мира не закрепляет точный перечень оснований для использования права вето. Исключением не является и белорусская Конституция. Некоторые авторы отмечают, что можно было бы закрепить в законодательстве основания для возвращения Главой государства законов в Парламент. Но это не закреплено и в Конституции США, что не мешает этой стране быть эталоном принципа разделения властей.

Таким образом, можно констатировать, что право вето существует во многих государствах. Посредством права вето реализуется система сдержек и противовесов, являющаяся неотъемлемой частью принципа разделения властей.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ

К. А. Кострикова

Белорусский государственный университет

В современном обществе появилась тенденция к формированию международных правовых стандартов в избирательном праве. Такие стандарты принимаются под влиянием общепризнанных принципов международного права, приоритет которых закрепляет ст. 8 Конституции Республики Беларусь.

Особое внимание необходимо уделить стандартам ОБСЕ и СНГ. Представители этих организаций приглашаются Республикой Беларусь на выборы в качестве международных наблюдателей.

Основным международным правовым стандартом ОБСЕ по выборам является Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. Копенгагенский документ – это акт международной организации ОБСЕ. Копенгагенский документ устанавливает, что выборы должны быть честными, справедливыми, свободными, равными при тайном голосовании, и что необходимо присутствие наблюдателей для обеспечения большей открытости обязательств госу-

дарств-участников. Но данные положения сформулированы в общем виде, по ним сложно однозначно оценить выборы. Следует отметить, что невыполнение обязательств государствами-участниками влечет политические последствия: непризнание выборов другими государствами, политические санкции. Однако не все государства следуют стандартам Копенгагенского документа. Так, Великобритания, США, Польша, Германия не приглашают на выборы международных наблюдателей. Но избирательный процесс в данных странах не подвергается критике.

Проблему общего характера стандартов разрешила Конвенция о стандартах демократических выборов СНГ 2002 г., которая представляет собой попытку кодификации и конкретизации общепризнанных принципов избирательного права. Впервые в международно-правовом документе четко определены принципы избирательного права, в полной мере раскрыт правовой статус наблюдателей, финансирование выборов, обжалование и ответственность за нарушение избирательных прав, а также проведение выборов независимыми избирательными органами. В отличие от Копенгагенского документа, Конвенция – международный договор, к которому Беларусь на данный момент не присоединилась. Стоит отметить, что Конвенция не является общепризнанным документом, закрепляющим международно-правовые стандарты выборов.

Таким образом, на сегодняшний день нет общепризнанного документа, который четко закреплял бы порядок проведения и критерии оценки выборов. Необходимо продолжить работу по систематизации международных избирательных стандартов, их уточнению и усилению в них гарантий избирательных прав и свобод граждан.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ОМБУДСМЕНА (УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)

О. В. Лаевская

Белорусский государственный университет

Омбудсмен (уполномоченный по правам человека) – специальное должностное лицо парламента, наблюдающее за законностью действий государственных органов и соблюдением прав и свобод граждан. Омбудсмен, кроме прочего, занимается рассмотрением жалоб пострадавших лиц на государственные органы, служащих, нанимателей или действует по своему усмотрению, и уполномочен проводить расследование, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады. Принципами его деятельности является законность, эффективность, целесообразность, добросовестность, справедливость. При этом решения омбудсмена, по общему правилу, носят рекомендательный характер.

Институт омбудсмена возник в Швеции XVI в. и в то время выполнял контрольные функции королевской власти по отношению к судебным чиновникам. Первый омбудсмен был назначен в 1810 г., но спустя почти два столетия Парламентские Омбудсмены следуют основным принципам, которые сохранились с тех пор. Возможно поэтому данный институт и получил законодательное и общественное признание в странах с разнообразными формами правления: конституционных монархиях, президентских и парламентских республиках и успешно функционирует в государствах, принадлежащих к семьям англо-саксонского и континентального права. В настоящее время уже в 100 странах мира омбудсмены стоят на страже прав человека. В частности, омбудсмены работают в большинстве стран бывшего СССР: в Российской Федерации, Азербайджане, Армении, Казахстане, Грузии, Кыргызстане, Латвии, Украине, Таджикистане. Следует отметить, что в Российской Федерации должность омбудсмена существует на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации.

Анализируя существующие модели института омбудсмена, представители юридической науки зарубежных стран отмечают, что парламентские омбудсмены учреждаются в государствах с традиционно сильным парламентом (парламентских монархиях и парламентских республиках), а исполнительные – в президентских и полупрезидентских республиках. Д. Якоби выделяет третью модель института омбудсмена – «гибридную», весьма развитую в постсоциалистических государствах (Босния и Герцеговина, Македония, Польша, Россия, Украина, Венгрия, Молдова, Словения, Хорватия), где омбудсмен помимо двух своих основных функций (контрольной и защитной) осуществляет функции комиссии по правам человека.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь отсутствуют нормы об омбудсмене, однако вопрос о возможном введении данной должности обсуждается в правовой литературе. Ключевым основанием учреждения омбудсмена является создание условий для более полной реализации в правозащитной сфере ст. 2 Конституции Республики Беларусь, закрепляющей, что человек, его права, свободы, гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. По мнению ряда белорусских правоведов, омбудсмен сможет служить средством косвенного доступа граждан к конституционному правосудию.

Важное значение для развития исследуемого института имеет включение положений, касающихся омбудсмена, в Конституцию Республики Беларусь, что потребует внесения в нее изменений и дополнений. Дальнейшая конкретизация правового положения омбудсмена должна найти закрепление в специальном законе. Полагаю, что независимо от избранной модели, учреждение омбудсмена актуально для Беларуси, так как это дополнит систему гарантий защиты прав граждан и организаций, не угрожая ей, а укрепляя доверие к ней.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н. В. Логинова

Белорусский государственный университет

Публичные мероприятия, собрания и шествия во всех демократических странах мира являются одним из основных способов реализации свободы слова, как фундаментального права человека. Сегодня право на свободу мирных собраний гарантировано в таких важнейших международно-правовых документах, как Всеобщей декларации прав человека (ст. 20), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 22), Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 11), обязательствах ОБСЕ и Руководящих принципах ОБСЕ по свободе мирных собраний.

Проблема заключается в том, что хотя право на свободу мирных собраний имеет фактически разрешительный порядок и гарантии их реализации закреплены во всех демократических странах, однако при этом в ряде случаев соответствующие статьи конституций снабжены некоторыми оговорками. Ни в одном государстве мира свобода собраний и митингов не регламентируется только лишь конституционными положениями и ограничена специальными законами, конкретизирующими условия реализации этих свобод. Так, Конституция Бельгии (ст. 26) устанавливает право собираться мирно и без оружия без предварительного разрешения только в помещении. Собрания же под открытым небом регулируются законодательством о полиции. Аналогичные требования содержатся и в законодательстве Германии. Например, ст. 8 Основного Закона ФРГ провозглашается право всех немцев собираться мирно и без оружия без предварительного разрешения. Однако для собраний, проводимых вне помещений, это право может быть ограничено законом. В большинстве же стран Конституции закрепляют свободу собраний, но с предварительным уведомлением властей и в порядке, установленном законом. Здесь важно понимать, что государству действительно необходимо устанавливать некоторые ограничительные рамки при проведении тех или иных массовых мероприятий. Однако это не должно приводить к сужению важнейших политических свобод человека. Зарубежный опыт в этом отношении далеко не однозначен, и к его использованию следует подходить достаточно осторожно.

Возможно, во избежание нарушения важнейших политических прав человека следует разработать единый для всех стран правовой стандарт, закрепляющий основы проведения массовых мероприятий? С одной сто-

роны, в рамках глобализации это представляется перспективным, с другой стороны, необходимо учитывать постоянную модификацию общественных отношений, различную ментальность граждан, которые определяют неоднозначность в регулировании проведения массовых мероприятий в тех или иных странах.

Статьей 35 Конституции Республики Беларусь установлена гарантия государства на свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь. Порядок же проведения указанных мероприятий определяется Законом «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» от 30.12.1997. Ввиду изменяющихся общественных отношений и белорусское законодательство претерпевает некоторые изменения, о чем свидетельствует принятый недавно в двух чтениях законопроект «О внесении изменений и дополнений в закон о массовых мероприятиях в Республике Беларусь». Он в первую очередь направлен на усиление мер по обеспечению общественной безопасности граждан при проведении данных мероприятий. Указанный законопроект предусматривает возможность оборудования мест проведения акций средствами видеонаблюдения и другими техническими средствами, расширения перечня мест, где нельзя проводить массовые мероприятия и др. Также законодателем пересмотрены и некоторые определения понятий: уточнен термин «пикетирование». Теперь к нему относят организацию несанкционированных сборов граждан, в том числе с помощью социальных сетей и Интернета.

Таким образом, государству постоянно необходимо отслеживать происходящие изменения в обществе. Возможным является построение абсолютно сбалансированной системы отношений власти и общества в системе волеизъявления. Прежде всего, необходимо разумно сочетать определенную степень свободы и необходимые ее ограничения, чтобы не допустить агрессивных, угрожающих или оскорбительных, а также насильственных форм выражения мнений.

СТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е. В. Змушко

Белорусский государственный университет

На протяжении своего существования территория Республики Беларусь либо была раздроблена, либо находилась в составе каких-либо государств. Процесс становления и формирования нового государства был сложным, а потому требует детального анализа и познания. Следует определиться, когда же Республика Беларусь стала юридически суверенным государством.

Рассмотрение этапов юридического закрепления суверенитета начнем с Декларации о государственном суверенитете, которая была принята Верховным Советом БССР 27 июля 1990 г. Согласно Декларации Белорусская ССР провозглашалась суверенным государством (ст. 1). Но, как известно, в этот период времени Беларусь находилась в составе СССР.

Не стоит считать Декларацию документом, который окончательно юридически оформил суверенитет страны. Скорее это был один из этапов к обретению суверенитета. Она носила рекомендательный характер, провозглашала идеи, или, как отмечает М. Ф. Чудаков, была скорее Декларацией о намерениях, а не Декларацией реального суверенитета государства. Чтобы нормы Декларации стали юридически обязательными, следовало бы закрепить ее положения в Конституции и законах.

В день принятия Декларации Верховный Совет принял постановление, в котором провозгласил 27 июля Днем независимости Беларуси.

25 августа 1991 г. был принят Закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета БССР о государственном суверенитете БССР». Декларация становилась конституционным законом, и в случае противоречия между Конституцией 1978 г. и Декларацией надлежало руководствоваться Декларацией. Но данный документ, став конституционным законом, продолжал оставаться внутренне противоречивым, еще функционировали некоторые союзные органы и действовали законы Советского Союза.

Завершающим этапом к обретению суверенитета стало подписание Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. Не допускалось применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР (ст. 11). Соглашение предусматривало прекращение деятельности органов бывшего Союза ССР на территориях государств-членов Содружества (ст. 14). 10 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Беларусь ратифицировал это Соглашение и принял постановление «О денонсации Договора 1922 г. об образовании СССР». Эту дату юридически можно считать датой обретения суверенитета Республики Беларусь.

15 марта 1994 г. была принята первая Конституция Республики Беларусь как суверенного государства, 30 марта она вступила в силу. В ней получили закрепление основные идеи Декларации о государственном суверенитете.

На сегодняшний день День независимости Республики Беларусь ежегодно празднуется 3 июля, в День освобождения г. Минска от немецко-фашистских захватчиков. Стоит отметить, что Беларусь в годы Великой отечественной войны была в составе СССР несмотря на немецкую оккупацию. Советский Союз продолжал существовать как суверенное государство. Отмечаемый 3 июля праздник День независимости установлен исходя не из юридических, а исторических и политических предпосылок.

Проведенный анализ показывает, что юридически датой обретения суверенитета можно считать 10 декабря 1991 г. В любом случае это был целый путь государства к обретению суверенитета.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

О. Ю. Готовцева

Белорусский государственный университет

Конституция Республики Беларусь как Основной Закон государства четко и лаконично определяет социально-экономические устои общества и основы экономической системы государства.

В настоящее время в научной литературе отсутствует определенный подход к понятию «экономическая система». При этом в экономической теории экономическая система понимается как сложное образование, совокупность экономических элементов, экономических процессов и экономических отношений.

В действующей Конституции Республики Беларусь нет прямого закрепления положений об экономической системе государства, в отличие от предыдущей Конституции БССР 1978 г., которая полно регулировала экономическую систему страны. Такой подход был обусловлен тем, что на начальном этапе проведения экономических реформ было необоснованно закреплять положения, регламентирующие экономическую систему, поскольку не был определен ее тип.

В Законе Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» социально ориентированная рыночная экономика определяется как тип экономической системы Республики Беларусь.

Несмотря на отсутствие прямого закрепления положений об экономической системе, в Конституции Республики Беларусь содержится фрагментарная регламентация основных элементов экономической системы. Одним из основных элементов экономической системы Республики Беларусь является ее государственное регулирование. Так, в ст. 13 говорится, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. При этом такое регулирование осуществляется косвенно через полномочия органов государственной власти и управления. Также в ст. 13 содержится право государства определять правовой режим имущества, находящегося на территории государства. При этом конституционно-правовое регулирование отношений собственности име-

ет определенную специфику, которая заключается в юридическом закреплении форм собственности, а также в сохранении баланса частной и государственной форм собственности, каждая из которых должна, способствовать формированию эффективной экономики.

Важным элементом экономической системы Республики Беларусь является финансово-кредитная система, которая регулируется Разделом VII Конституции. Однако в данном разделе отсутствует норма, прямо регулирующая национальную валюту как фактор стабильности экономики Республики Беларусь. Следовательно, прослеживается необходимость создания детально разработанного механизма правового регулирования национальной валюты в виде конституционного Закона «О национальном платежном средстве Республики Беларусь», а также правового механизма защиты и обеспечения устойчивости национального платежного средства.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время Конституция Республики Беларусь содержит фрагментарную регламентацию основных элементов экономической системы. На конституционном уровне отсутствует комплексный, системный подход к регулированию экономической системы. Следовательно, представляется целесообразным совершенствование законодательства в данной сфере, синхронизация положений, определение конкретного типа экономической системы, что будет способствовать финансовой стабильности национальной экономики и благосостоянию белорусского народа.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Р. А. Абрамович

Академия адвокатуры Украины

Смертная казнь представляет собой установленное законом наказание в виде лишения человека жизни. Вопрос о применении ее в современном обществе остается весьма актуальным. Во-первых, около шести-десяти стран сохраняют в законе и на практике данный институт наказания. Во-вторых, существуют разные способы приведения приговора о смертной казни к исполнению. Кроме того, некоторые из способов можно отнести к разряду пыток, благодаря которым человек лишается жизни. Например, распространенным способом исполнения смертной казни в деликтном праве мусульманских стран является забрасывание камнями преступника, которое приводится в исполнение публично.

Подобные способы приведения смертной казни в исполнение, а также ряд других факторов порождают аргументы, доказывающие ее анти-

гуманный характер и нецелесообразность применения. В обоснование данной позиции приведем следующие аргументы:

1. Институт наказания в виде смертной казни нарушает фундаментальное и естественное право человека на жизнь, закрепленное как на духовном уровне (например, в Библии), так и на уровне международно-правовом – Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская Конвенция по защите прав человека и основополагающих свобод 1950 г.

2. Характер способов исполнения наказания. С позиции защиты прав человека, пытки являются неприемлемыми даже к преступникам. В частности, в принятой Экономическим и Социальным советом ООН Резолюции № 1984/50, устанавливается, что в случае приведения смертного приговора в исполнение, эта процедура должна осуществляться таким образом, чтобы причинить как можно меньше страданий. К слову, на данный момент в мире существует около семи способов исполнения смертного приговора: расстрел, повешение, смертельная инъекция, отсечение головы, электрический стул, смертельный газ, забрасывание камнями. Соответственно, при использовании вышеупомянутых способов не существует гарантий, что преступник не ощутит мучений. По нашему мнению, остается открытым вопрос о том, имеют ли данные методы характер пытки, приведшей к смерти преступника. Стоит отметить, что к рассматриваемой категории о способах исполнения наказания, относится и вопрос о времени. Как правило, между вынесением и исполнением смертного приговора проходит достаточно большой срок. Например, в 1994 г. в США казнили тридцать одного осужденного, каждый из которых ожидал казни, в среднем, около десяти лет. Уже сам факт ожидания при подобных обстоятельствах можно расценить как психологическую пытку, способную свести человека с ума;

3. Судебная ошибка. Ошибки при вынесении смертных приговоров встречаются, увы, довольно часто. Согласно исследованиям смертных приговоров, вынесенных в США, около трехсот были ошибочными, а двадцать из них были приведены в исполнение. В данном контексте речь идет даже не столько о нарушении незыблемого права человека на жизнь, сколько о невозможности исправить судебную ошибку или предоставить реальную защиту жертве, поскольку преступник на свободе и неизвестно кто он.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы считаем, что на данном этапе развития человечества, следует серьезно задуматься над вопросом применения смертной казни. К сожалению, очень часто аргументы, которые доказывают необходимость данного наказания, являются всего лишь оправданием возможного нежелания искать причины преступлений или выстраивать нормальную систему исправления преступников и возврата их к полноценной жизни.

СВОБОДА ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Е. О. Котельник

Белорусский государственный университет

Право на свободу публичных мероприятий – одно из фундаментальных прав гражданина. Как политическое право оно является формой публичного выражения коллективного или индивидуального мнения по любому вопросу, а также основой функционирования демократического общества.

Согласно Конституции Республики Беларусь порядок проведения публичных мероприятий определяется законом. Так, в Беларуси законодательно установлен разрешительный порядок проведения подобных мероприятий: организатор должен подать заявление в местный исполнительный и распорядительный орган, руководитель или заместитель руководителя которого принимает по нему решение, в котором должно быть указано о разрешении или запрещении проведения массового мероприятия. Однако важно отметить, что решение о запрещении проведения массового мероприятия либо об изменении даты, места и времени его проведения может быть обжаловано в судебном порядке.

Свобода собраний как одна из основных политических свобод гарантирована в различных международно-правовых документах. Так, например, презумпция в пользу проведения собраний названа в Руководящих началах ОБСЕ по свободе собраний одним из основополагающих принципов и означает, что все, что закон непосредственно не запрещает, следует считать разрешенным, и от желающих принять участие в собрании не следует требовать получения разрешения на его проведение. Многие страны строят свое законодательство о публичных мероприятиях на основании данного принципа. Так, в России на федеральном уровне установлен уведомительный порядок проведения публичных мероприятий. В Испании же правило о невозможности истребования разрешения для проведения собраний граждан установлено непосредственно Конституцией.

В 2010 г. в Избирательный кодекс Республики Беларусь была введена новая статья, которая прямо устанавливает уведомительный порядок проведения публичных мероприятий на время предвыборной агитации. Так, местные исполнительные и распорядительные органы по согласованию с соответствующими избирательными комиссиями определяют места, в которых кандидаты в Президенты Республики Беларусь, в депутаты, их доверенные лица могут проводить подобные мероприятия лишь направив уведомление о своем намерении не позднее чем за два дня до предполагаемой даты его проведения.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ (ОПРОТЕСТОВАНИЕ) ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

А. М. Толочко

Белорусский государственный университет

Право на обжалование (опротестование) постановления по делу об административном правонарушении является одной из важнейших конституционных гарантий защиты прав и свобод физических и юридических лиц. Несмотря на наличие ряда позитивных изменений в развитии данного института, наблюдаются и некоторые проблемы в его правовом регулировании.

Так, в ч. 1 ст. 12.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) в числе лиц, имеющих право обжаловать постановление по делу об административном правонарушении, не указан законный представитель физического лица. Возможным объяснением подобного положения является наличие ч. 2 ст. 4.3 ПИКоАП, в соответствии с которой законный представитель пользуется всеми правами лица, интересы которого он представляет. Тем не менее, представляется, что было бы целесообразным дополнить перечень лиц, обладающих правом на обжалование, законным представителем. В этом смысле следует сослаться на нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (ст. 25.3) и Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (ст. 370), которые прямо закрепляют законного представителя в качестве одного из субъектов права на обжалование.

Небесспорной на наш взгляд является одна из новелл законодателя, в соответствии с которой два вида постановлений по делам об административных правонарушениях могут быть обжалованы руководителем органа, направившего дело об административном правонарушении на рассмотрение.

Полагаем, что данное правомочие руководителей органов, направивших дело на рассмотрение, противоречит сути института жалобы на решение по делу, природа которого основана на необходимости более эффективной защиты прав лиц, прямо заинтересованных в результатах процесса. Закрепление подобного права у руководителя органа, направившего дело на рассмотрение, фактически приравнивает его к лицам, имеющим личный интерес в исходе дела. Исходя из подобной нормы, можно сделать вывод о том, что задачей органа, ведущего административный процесс, является привлечение большего количества лиц к административной ответственности. Это в корне неверный подход, искажающий

предназначение подобных органов. Задачей органов публичной власти является выявление административных правонарушений и привлечение виновных лиц к ответственности. В случае недоказанности вины лица, в отношении которого ведется административный процесс, административный процесс для органа публичной власти должен быть завершен. Если руководитель органа, направившего дело на рассмотрение, полагает, что компетентным органом вынесено неправильное решение, то у него существует возможность обратиться к прокурору, наделенному правом опротестования постановления.

Считаем возможным и в данном вопросе сослаться на опыт российского законодателя, который, несмотря на наличие научных дискуссий по рассматриваемой проблеме, принципиально не включил подобных субъектов в перечень лиц, имеющих право на обжалование.

В русле разрешения других проблем следует изменить формулировку ч. 2 ст. 12.1 ПИКоАП, в соответствии с которой постановление по делу об административном правонарушении может быть опротестовано прокурором. Считаем, что опротестование незаконных и необоснованных постановлений по делам об административных правонарушениях является не правом, а обязанностью прокурора, что прямо вытекает из п. 7 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ТАМОЖЕННОГО КОДЕКСА ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Ж. А. Яковук

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Как известно, 6 июля 2010 г. вступил в силу Таможенный кодекс таможенного союза. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России – форма торгово-экономической интеграции, предусматривающая единую таможенную территорию, единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли с третьими странами.

На фоне этого события произошли некоторые сбои в работе таможенных органов. В частности, вопросы возникли о применении методических рекомендаций, разработанных Государственным Таможенным Комитетом Республики Беларусь, к перемещению товаров для личного пользования физическими лицами через таможенную границу и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском.

Ранее действующие методические рекомендации были разработаны для детального уточнения Указа Президента Республики Беларусь от

15.10.2007 № 503 «О льготном перемещении через таможенную границу товаров для личного пользования». Однако с 6 июля 2010 г. вступило в силу Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском, к которому методические рекомендации разработаны не были. Некоторые товары по новому таможенному законодательству начали относиться не к товарам для личного пользования. Например, отопительные котлы. Это создавало определенные трудности при таможенном оформлении.

Не была доработана под вступившие изменения программа DOKA5, используемая сотрудниками таможенных органов для вычисления подлежащих уплате таможенных платежей. Например, она отказывалась рассчитывать совокупный платеж. В результате сотрудникам приходилось производить все вычисления вручную и вносить уже готовые данные в указанную программу. Это способствовало большим затратам времени при оформлении и, как результат, росту очередей на границе в пунктах таможенного оформления.

Также произошли некоторые изменения в осуществлении таможенного контроля. Например, ранее Таможенный кодекс Республики Беларусь в ч. 5 ст. 292 закреплял необязательность составления акта таможенного осмотра («По результатам таможенного осмотра может быть составлен акт по форме, утверждаемой Государственным Таможенным Комитетом Республики Беларусь,...»). Ныне же действующий Таможенный кодекс таможенного союза в ч. 5 ст. 115 предписывает обязательность составления данного акта, но на практике сотрудники пунктов таможенного оформления и контроля составляют акты таможенного осмотра лишь в случае требования лица, обладающего полномочиями в отношении товара. Это нарушение связано с тем, что акт таможенного осмотра достаточно объемный и его заполнение требует значительных временных затрат, что также порождает очереди на границе.

Давней проблемой является распределение пунктов таможенного оформления. В частности, таможенную границу с Республикой Польша в ПТО «Переров» в сутки пересекает около 10-20 лиц. В то же время в ПТО «Песчатка» число транспортных средств достигает 400-450 в одну сторону (на въезд либо на выезд) за одну смену (примерно половина суток).

В результате можно сделать вывод, что таможенные органы нуждаются в совершенствовании организации своей деятельности, переработке своего программного обеспечения, а также в разработке новых методических документов.

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Д. Г. Полещук

Белорусский государственный университет

На сегодняшний день сложились два основных подхода в определении понятия и структуры информационной безопасности. Представители гуманитарного направления связывают информационную безопасность только с институтом тайны. Представители силовых структур предлагают распространить сферу информационной безопасности практически на все вопросы и отношения в информационной сфере, отождествляя информационную безопасность с информационной сферой. Закрепление в национальном законодательстве сразу двух подходов одновременно, на наш взгляд, приводит к неоднозначному толкованию самого термина «информационная безопасность», а также затрудняет четкое определение общественных отношений, связанных с указанным понятием. Например, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, информационная безопасность определяется как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. В данном случае информационная безопасность понимается достаточно широко и проблемы возникают лишь с конкретизацией информационной сферы как таковой. С другой стороны, в белорусском законодательстве существуют акты, раскрывающие понятие в более узком значении. Закон Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. № 1904-XII «О Вооруженных Силах Республики Беларусь» в ст. 3 закрепляет, что обеспечение информационной безопасности деятельности вооруженных сил – одна из основных задач вооруженных сил в мирное время. Соответственно, информационная безопасность – это состояние защищенности информации строго определенных государственных структур, то есть информации, имеющей особый государственный интерес. Несмотря на это, такое состояние присуще и другим субъектам – различным организациям и гражданам. В связи с этим возникает вопрос: обеспечение информационной безопасности со стороны государства должно носить жесткий централизованный характер и в определенных случаях даже ограничивать права иных субъектов, или же диспозитивный, с участием иных субъектов в этой сфере свободно и самостоятельно (за исключением вопросов, относящихся к безусловной прерогативе государства: например, военная сфера, государственные секреты и др.). Кроме того, узкое понимание понятия прослеживается в Уголовном кодексе Республики Беларусь, что имеет огромное значение в силу охранительного характера уголовно-правовых норм. Так, глава 31 кодекса содержит составы преступлений против информационной безо-

пасности. Но в этом случае информационная безопасность соотносится лишь с состоянием эффективного функционирования компьютерных систем и защитой компьютерной информации. В то же время, если обратиться к такому примеру, как распространение в сети Интернет заведомо ложной информации относительно функционирования институтов государства, становится совершенно очевидной проблема защиты государственного суверенитета в контексте правильной правовой оценки информационной безопасности и ее охраны.

Таким образом, необходимо выделить следующие составляющие понятия информационной безопасности: 1) защита информации (в смысле охраны персональных данных, государственной и служебной тайны); 2) компьютерная безопасность; 3) защищенность потребностей граждан, отдельных групп и социальных слоев, массовых объединений людей и населения в целом в качественной (ценной) информации, необходимой для их жизнедеятельности (функционирования), образования и развития; 4) защищенность поддерживающей информацию инфраструктуры; 5) приоритет защиты национальных интересов от «информационных войн».

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КУРСАНТОВ. ПРОБЛЕМАТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ

М. А. Шляжко

Белорусский государственный университет

В настоящее время порядок привлечения к административной ответственности курсантов военных учебных заведений, других учреждений образования, осуществляющих подготовку офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь, является вопросом дискуссионным и малоизученным.

В соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 100-З (ред. от 27.12.2010 г.) «О статусе военнослужащих» курсанты военных учебных заведений, других учреждений образования, осуществляющих подготовку офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь и других войск и воинских формирований Республики Беларусь, являются гражданами, имеющими статус военнослужащих. Исходя из вышеизложенного, следует определить, что в соответствии с ч. 1 ст. 4.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) курсанты несут ответственность за совершение административных правонарушений на общих основаниях. Кроме того, данная норма четко определяет особенности привлечения курсантов к административной ответственности. Так, к ним не могут быть применены

административные взыскания в виде исправительных работ или административного ареста.

Что же касается военнослужащих срочной военной службы, то помимо указанных выше мер, к данной категории не может быть применено административное взыскание в виде штрафа.

Если учитывать тот факт, что конкретно статус курсанта в Законе Республики Беларусь «О статусе военнослужащих» не закреплён, то стоит обратить внимание на пробел в административном законодательстве, который касается привлечения курсантов к штрафу.

Согласно ч. 8 ст. 43 Закона Республики Беларусь от 05.11.1992 г. (ред. от 19.07.2010 г.) «О воинской обязанности и воинской службе» в срок срочной военной службы курсантам засчитывается продолжительность военной службы во время обучения в военном учебном заведении из расчета два месяца военной службы в военном учебном заведении за один месяц срочной военной службы. Это значит, что только по окончании 3 курсов курсантам засчитывается полный срок срочной службы. До этого времени они являются военнослужащими, проходящими службу по призыву. Таким образом, к административной ответственности курсанты должны привлекаться на тех же основаниях.

В соответствии с ч. 5 ст. 43 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» с гражданами, зачисленными в военные учебные заведения, заключаются контракты о прохождении военной службы. Согласно ч. 4 ст. 43 вышеназванного Закона военнослужащие, обучающиеся в военных учебных заведениях, являются курсантами. Следовательно, курсант имеет статус военнослужащего, проходящего военную службу по контракту.

Анализируя вышеизложенное, следует отметить, что нормативные правовые акты, регламентирующие правовой статус курсантов, обладают явным противоречием норм. С одной стороны курсант является военнослужащим, проходящим срочную военную службу, а с другой – военнослужащим, проходящим военную службу по контракту. Таким образом, вопрос о привлечении данной категории военнослужащих к административной ответственности в виде штрафа является нерешённым.

На наш взгляд, в случае определения курсантов как военнослужащих срочной военной службы, законодателю следует уточнить содержание норм Закона Республики Беларусь «О статусе военнослужащих»: уравнять курсантов в правах с военнослужащими, проходящими срочную военную службу. В случае если же определение статуса курсанта производить исходя из статуса военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, то, соответственно, ч. 1 ст. 4.7 КоАП определить следующим образом: после слов «военнослужащим срочной военной службы» добавить слова «(кроме курсантов)».

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

Н. А. Лопуть

Белорусский государственный университет

В соответствии с Бюджетным кодексом Республики Беларусь (далее – БК) внешний государственный долг – сумма основного долга Республики Беларусь по внешним государственным займам и подлежащие исполнению обязательства по выданным гарантиям Правительства Республики Беларусь по внешним займам на определенный момент времени.

Государственными займами называются займы (кредиты), по которым возникают долговые обязательства Республики Беларусь как заемщика, эмитента ценной бумаги.

Таким образом, одной из форм государственных займов, посредством которой формируется государственный долг, являются государственные ценные бумаги, т. е. ценные бумаги, выпускаемые от имени Республики Беларусь.

При этом некоторые положения БК о государственных ценных бумагах противоречивы. Так, критерием разграничения государственного долга на внутренний и внешний служит субъектный состав кредиторов – государственный долг перед резидентами относится к внутреннему, а перед нерезидентами – к внешнему. В то же время согласно ст. 56 БК внешний государственный долг формируют государственные ценные бумаги, размещенные на внешних финансовых рынках (за пределами территории Республики Беларусь). В этом случае критерием является не субъектный состав, а территория размещения займа.

Вместе с тем если на внутреннем рынке республики государственные ценные бумаги заняли значительную нишу, то на внешнем этот инструмент привлечения денежных средств республикой стал использоваться только в 2010 г. Выпуск государственных облигаций осуществлен на сумму в 1 млрд 800 млн долларов, кроме того размещены рублевые облигации на российском рынке на сумму 7 млрд руб.

Использование такого инструмента привлечения денежных средств как указанные ценные бумаги вызвало необходимость нового правового регулирования складывающихся отношений. Принят Указ Президента Республики Беларусь от 13.05.2010 № 245 «О выпуске государственных облигаций Республики Беларусь», которым, в частности, предоставлено право Совету Министров Республики Беларусь осуществлять в 2010–2011 гг. выпуски облигаций на сумму до 2 млрд долларов США со сроком обращения не менее пяти лет и размещением их за пределами территории Республики Беларусь (в соответствии со ст. 56 БК государственные

ценные бумаги выпускаются от имени Республики Беларусь Министерством финансов).

Отметим следующие отдельные черты государственных ценных бумаг, размещаемых за пределами территории Республики Беларусь:

- являются источником покрытия дефицита республиканского бюджета. Одновременно операции по уплате дохода по указанным облигациям отражаются в расходах бюджета;
- их правовое регулирование осуществляется на основании специальных, единичных норм, носящих узкий характер, привязанных к конкретному выпуску;
- превалирующую роль в правовом регулировании играют общие положения международного частного права и обычаи делового оборота;
- привлечение средств посредством указанного инструмента возможно без выполнения определенных условий, как то проведение реформ, замораживание зарплат и т. д.;
- ставка дохода зависит от кредитного рейтинга государства-заемщика;
- дифференцированный широкий круг кредиторов;
- сложный механизм размещения, которому предшествует долгий подготовительный этап, широкий круг участников выпуска.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДОХОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ ГРУПП ПЛАТЕЛЬЩИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. С. Ульянова

Белорусский государственный университет

В перспективе в белорусском законодательстве целесообразно закрепить понятие «консолидированная группа плательщиков налогов» в отношении совместного обложения подоходным налогом доходов членов семьи. Совместное налогообложение отвечает принципам налоговой справедливости, равенства, соразмерности, учета фактической способности к уплате налогов, удобства взимания, способствует реализации гражданами своих конституционных прав.

Для установления круга лиц, входящих в консолидированную группу, необходимо воспользоваться уже сформулированным подходом законодателя в ст. 153 Налогового кодекса Республики Беларусь, определяющей круг лиц, состоящих в отношениях близкого родства.

Лица, желающие перейти на совместное налогообложение, должны будут соответствовать определенным условиям:

- 1) быть налоговыми резидентами Республики Беларусь;
- 2) состоять в соответствии с семейным законодательством в брачных отношениях, отношениях родства или свойства, усыновителя и усыновленного, попечителя и опекаемого (т. е. должны быть близкими родственниками или состоять в действительном браке (брак между лицами должен быть заключен в соответствии с семейным законодательством), быть усыновителями и усыновленными, опекунами, попечителями и их подопечными);
- 3) у них должны быть одинаковые налоговые режимы (общий режим подоходного налогообложения);

Указанные условия должны иметь место к моменту подачи совместного заявления о переходе на совместное налогообложение.

Объектом налогообложения для консолидированной группы плательщиков будет являться совокупный доход семьи, за исключением необлагаемых доходов. На каждого участника группы должен приходиться не облагаемый налогом минимум доходов, равный прожиточному минимуму. При определении налоговой базы подоходного налога с физических лиц учитываются все доходы плательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах. Расчет суммы налога будет осуществляться с объединенного дохода. При введении совместного налогообложения семьи целесообразно установить разные налоговые ставки (прогрессивную шкалу) в зависимости от размера доходов, состава семьи. Прогрессивная шкала ставок по налогу на доходы с физических лиц может послужить средством выравнивания доходов различных социальных групп. Лица, перешедшие на совместное налогообложение, будут нести солидарную ответственность по исполнению обязанностей участников группы по уплате налога на доходы физических лиц.

Предлагается также применять разные прогрессии для налогообложения холостых лиц, семей, семей с двумя и более иждивенцами, причем налоговая нагрузка на последних должна быть самой низкой. Первоначально можно установить совместное налогообложение только для супругов с возможностью присоединения доходов несовершеннолетних детей и вычетами на иждивенцев и нуждающихся родственников.

Таким образом, рассмотрение семьи в качестве консолидированной группы налогоплательщиков может существенно снизить налоговую нагрузку на население, особенно на незащищенные слои, перераспределить доходы, получаемые физическими лицами-резидентами Республики Беларусь, повлиять на улучшение демографической ситуации в стране, упростить процедуру подачи налоговой декларации и исчисления подоходного налога.

ПРАВИЛА «НЕДОСТАТОЧНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ»

А. С. Баянова

Белорусский государственный университет

Актуальным вопросом при налогообложении дивидендов в трансграничных отношениях является закрепление правовых механизмов противодействия уклонению от уплаты налогов. Одним из эффективных способов являются правила недостаточной капитализации. Недостаточная или тонкая капитализация чаще всего возникает в ситуациях, когда финансирование деятельности компании осуществляется за счет заемных средств. Экономическая доктрина называет недостаточной капитализацией стремление к уменьшению налогооблагаемой базы путем искусственного повышения расходов на обслуживание долга.

В налоговом законодательстве многих государств предусмотрены правила недостаточной капитализации. В российском налоговом законодательстве правила недостаточной капитализации необходимо рассматривать как специальный механизм (правило), препятствующий получению налогоплательщиками путем злоупотребления правами так называемой «необоснованной налоговой выгоды» в связи с выплатой дивидендов под видом процентов по долговому обязательству. Они нормативно закреплены в пп. 2 и 4 ст. 269 НК РФ и заключаются в ограничении размера процентов, относимых к расходам по налогу на прибыль организаций. При этом проценты, выплаченные сверх предельного размера, рассчитываемого на основании формулы, подвергаются налогообложению подобно дивидендам. Согласно п. 2 ст. 269 НК РФ при наличии признаков аффилированности (взаимозависимости) российского заемщика и иностранного кредитора (или поручителя) и при превышении суммы займа более чем в три раза размера собственного капитала, задолженность по займу признается «контролируемой задолженностью» и вступает в силу специальное правило налогообложения процентов по займам при возникновении контролируемой задолженности».

Однако налогообложение процентов может быть устранено Соглашением об устранении двойного налогообложения. Следует отметить, что в части Соглашений (Конвенций) об избежании (устранении) двойного налогообложения, заключенных Россией с рядом других стран, существует специальная оговорка о том, что проценты по займам в любом случае и в полном объеме должны относиться на расходы (уплачиваться за счет прибыли до налогообложения). Кроме того, правила недостаточной капитализации не во всех случаях достигают своих целей, оставляя возможность «обхода» данных норм. Так, они не учитывают возможно-

сти получения налогоплательщиками «необоснованной налоговой выгоды» при выплате завышенных процентов российской организацией-заемщиком в пользу «сестринской» иностранной организации или физического лица-нерезидента РФ, выступающих в долговом обязательстве заимодавцами.

Правила недостаточной капитализации закреплены помимо налогового законодательства Российской Федерации в законодательстве Республики Казахстан и Республики Таджикистан, однако находятся на разных ступенях развития. В связи с изложенным в налоговом законодательстве государств-членов ЕврАзЭС предлагается выработать гармонизированные правила недостаточной капитализации, основанные на единой методике определения предельного размера процентов, относимых к расходам по налогу на прибыль (корпоративного налогу). И эти гармонизированные правила недостаточной капитализации должны быть закреплены в налоговом законодательстве всех государств – членов ЕврАзЭС.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИОФШОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. А. Тимонина

Белорусский государственный университет

Как известно, появление оффшорных зон обусловлено естественным стремлением хозяйствующих субъектов перенести центр прибыли в наиболее благоприятную налоговую юрисдикцию. Однако сегодня, в условиях глобализации бизнеса и роста числа транснациональных корпораций, на которые приходится более 70 % мировой торговли, у наших государств возникает острая необходимость всеми способами уменьшить отток капитала из страны за счет ограничений возможностей налогового планирования. Как известно, одним из наиболее эффективных инструментов читаются оффшорные компании.

В России регулирование данного вопроса началось в 2008 г., когда в ст. 284 НК РФ было закреплено понятие «оффшорных зон» в целях установления ограничений для применения ставки 0 % по дивидендам, получаемыми российскими компаниями от иностранных компаний.

Республика Беларусь пошла другим путем – ввела оффшорный сбор. Он был введен с января 2000 г. Указом Президента Республики Беларусь от 14.01.2000 № 17 «О введении оффшорного сбора». В настоящее время порядок взимания оффшорного сбора установлен главой 24 Налогового Кодекса Республики Беларусь от 29.12.2009 № 71-З.

Плательщиками оффшорного сбора признаются белорусские организации и белорусские индивидуальные предприниматели – резиденты Республики Беларусь.

Анализируя положения главы 24 НК Республики Беларусь можно сделать вывод, что введение оффшорного сбора по своей сути является налоговой дискриминацией хозяйственных операций с субъектами так называемых «оффшорных зон».

Стоит также обратить внимание и на установление перечня оффшорных зон. Так, в Российской Федерации он устанавливается Министерством финансов Российской Федерации (на сегодняшний день действует приказ Министерства финансов РФ от 13 ноября 2007 г. № 108н), а в Республике Беларусь – Указом Президента РБ (на сегодняшний день действует Указ Президента Республики Беларусь от 25 мая 2006 г. № 353 «Об утверждении перечня оффшорных зон»).

Итак, антиоффшорное регулирование в Российской Федерации и Республике Беларусь различно и требует существенных доработок в соответствии с международным опытом, а также с учетом рекомендаций таких организаций как ОЭСР и FATF. Это обусловлено тем, что международное давление на оффшорные зоны будет наиболее заметным только в тандеме с эффективными национальными нормами антиоффшорного правового регулирования.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОПРЕЕМСТВА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ

Г. И. Войтович

Белорусский государственный экономический университет

Реорганизация юридических лиц является самостоятельным гражданско-правовым институтом, направленным на изменение субъектного состава в хозяйственном обороте.

Основополагающим признаком реорганизации является правопреемство. Законодатель, говоря о правопреемстве, не конкретизирует, какие именно права и обязанности могут переходить от одного юридического лица к другому в порядке правопреемства при реорганизации. Особый интерес вызывает правопреемство в рамках административных правоотношений в части возможности перехода к правопреемнику обязанности нести административную ответственность.

Законодательная позиция по предложенному вопросу весьма однозначна. Она закреплена в ст. 4.8 Кодекса Республики Беларусь об адми-

нистративных правонарушений (далее – КоАП), анализ которой показывает, что на юридическое лицо, являющееся правопреемником реорганизованного субъекта, закон возлагает обязанность нести административную ответственность за правонарушение, совершенное его правопреемником (праводателем). Стоит отметить, что правоприменительная практика на сегодняшний момент идет именно по указанному пути.

Обращает на себя внимание то, что ст. 4.8 КоАП говорит именно о привлечении к административной ответственности, а не об исполнении административного взыскания. Согласно ч. 2 ст. 4.2 КоАП привлечение к административной ответственности осуществляется не иначе как по постановлению (решению) компетентного органа (должностного лица). Иными словами, ст. 4.8 КоАП описывает модель поведения в ситуации, когда в отношении реорганизованного лица правонарушение еще не выявлено и соответственно не вынесено постановление по делу об административном правонарушении.

Переход обязанности нести административную ответственность на правопреемника, по нашему мнению, нельзя назвать правопреемством в классическом понимании данного явления. Правопреемство представляет собой переход субъективного права (в широком смысле – также правовой обязанности) от одного лица (праводателя) к другому (правопреемнику) в порядке производного правоприобретения (в соответствующих случаях – производного приобретения правовой обязанности). Таким образом, правопреемство является производным способом правоприобретения (приобретения правовой обязанности). Характеризующим признаком такого правоприобретения в отличие от первоначального правоприобретения является связь между приобретенным правом или обязанностью и первоначальным правоотношением. При этом сущность производного правоприобретения не в субъективной стороне (зависимости или независимости от воли предшествующего собственника), а в объективной стороне (зависимости права приобретателя от права правопреемника). Иными словами правопреемство возможно лишь в тех случаях, когда к моменту его осуществления праводатель (ауктор) реально обладает передаваемым правом (обязанностью). Таким образом, если к моменту реорганизации не выявлено правонарушение, не вынесено постановление, а следовательно не возникала соответствующая обязанность нести некие неблагоприятные последствия, то к правопреемнику в данном случае ничего перейти в порядке правопреемства не может. Таким образом, полагаем, что возложение на правопреемника «абстрактной» обязанности нести административную ответственность за не выявленное к моменту реорганизации правонарушение не согласуется с правовой природой правопреемства при реорганизации.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОДЕКСА КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

О. А. Холопик

Академия адвокатуры Украины

Под корпоративным управлением понимают систему отношений между акционерами, органами управления акционерным обществом, кредиторами, покупателями, потребителями, представителями государственной и местных властей, в пределах обеспечения функционирования и развития деятельности компании с целью удовлетворения интересов и нужд владельцев и заинтересованных лиц. В большинстве акционерных обществ данное управление совершается на принципах, которые устанавливаются в кодексах (сводах) корпоративного управления.

Под кодексом корпоративного управления следует понимать документ стандартов и внутренних правил, которые устанавливают и регулируют порядок корпоративных отношений. Содержание кодекса посвящено вопросам подготовки и проведения заседаний общего собрания акционеров, функционирования совета директоров, генерального директора, правления; раскрытию информации о деятельности акционерного общества; подготовки и проведения крупных корпоративных решений; регулирования корпоративных конфликтов.

Правовой статус кодексов корпоративного управления отличается характером обязательности его принятия. В некоторых государствах кодекс носит лишь рекомендательный характер и не связан с какими-либо обязательными требованиями. В других он является частью общего пакета обязательных условий, которых необходимо придерживаться для того, чтобы ценные бумаги компании продавались на бирже.

Сегодня во многих странах действуют кодексы корпоративного управления, разработанные по инициативе как государственных, так и негосударственных различных профессиональных организаций, которые широко используются в современном обществе без принуждения. К их числу относятся: «Рекомендации по корпоративной практике», разработанные Австралийской ассоциацией инвестиционных менеджеров; «Принципы корпоративного управления», разработанные Калифорнийским пенсионным фондом государственных служащих; «Принципы корпоративного управления», разработанные Федерацией бельгийского бизнеса; «Неотложные рекомендации по корпоративному управлению», разработанные Японской федерацией бизнес-организаций.

В Украине на национальном уровне Государственная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку в 2003 г. утвердила «Принципы

корпоративного управления», которые носят рекомендательный характер. Базой для разработки данных принципов послужили «Принципы корпоративного управления» (OECD Principles of Corporate Governance), принятые Советом Организации экономического сотрудничества и развития в 1999 г., измененные в 2004 г. Соответственно акционерные общества принимают их на свое усмотрение в виде кодексов и только после утверждения на общем собрании акционеров они становятся обязательными для компании, которая их приняла.

Таким образом, исходя из вышеуказанного следует вывод, что необходимость наличия в компании кодекса корпоративного управления заключается в повышении прозрачности ведения бизнес-процессов в рамках правового и экономического поля, и как следствие увеличение доверия акционеров, потенциальных партнеров и инвесторов.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Я. В. Лукашевич

Белорусский государственный университет

Основными источниками формирования государственных финансов в Республике Беларусь за счет имущества, находящегося в государственной собственности, является приватизация и вовлечение в хозяйственный оборот государственного имущества.

Правовое регулирование вовлечения в хозяйственный оборот государственного имущества осуществляется Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 14 сентября 2006 г. «О порядке распоряжения государственным имуществом».

Госкомимуществом подготовлена новая редакция Указа Президента Республики Беларусь «О порядке распоряжения государственным имуществом» (далее – проект Указа) в целях реализации Директивы № 4 от 31 декабря 2010 г. «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь».

Проектом Указа предусмотрено упрощение процедур принятия решений о распоряжении имуществом государственной формы собственности путем передачи ряда полномочий, осуществляемых Президентом и Правительством Республики Беларусь, Госкомимуществу, республиканским органам государственного управления, местным исполнительным и распорядительным органам. Предусмотрена также следующая схема понижения начальной цены продажи неиспользуемого недвижимого имущества республиканской собственности. Так, имущество, за исключени-

ем расположенного в г. Минске и областных центрах, после первых нерезультативных либо несостоявшихся торгов сразу выставлять на аукцион с применением метода понижения начальной цены, после чего непроданное имущество продавать на аукционе с установлением начальной цены продажи, равной одной базовой величине. Что касается имущества, находящегося на территории г. Минска и областных центров, предполагается дополнительно одна стадия: после первых нерезультативных либо несостоявшихся торгов – понижение цены на 50 %.

В целях реализации положения подпункта 2.6 п. 2 Директивы № 4 проектом Указа предусмотрено предоставление права преимущественного приобретения находящегося в государственной собственности имущества субъектам предпринимательской деятельности, арендующим данное имущество не менее трех лет, по рыночной стоимости с рассрочкой платежа на пять лет.

Во исполнение подпункта 2.5 п. 2 Директивы № 4 проектом Указа предусматривается норма, в соответствии с которой по решению Госкомимущества на основании предложений местных исполнительных и распорядительных органов предлагается осуществлять передачу безвозмездно из республиканской собственности в коммунальную собственность не использовавшихся более двух лет объектов недвижимости и не завершенных строительством объектов в целях их последующего отчуждения инвесторам за одну базовую величину для реализации этими инвесторами инвестиционных проектов.

По нашему мнению, принятие проекта Указа усовершенствует правоприменительную практику отчуждения государственного имущества, будет содействовать развитию рыночных отношений в Республике Беларусь и способствовать увеличению государственных доходов.

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. А. Полиенко

Саратовская государственная юридическая академия

В настоящее время во многих регионах нашего государства идет процесс модернизации системы органов финансового контроля. Анализируя Конституцию РФ можно сказать, что одним из принципов государственного устройства является единство финансовой политики на всех уровнях Российской Федерации и субъектов РФ с учетом особенностей и традиций муниципальных образований. Финансовый контроль как категория науки финансового права – это специальная область знаний, связанная с изучением деятельности по контролю за расходованием госу-

дарственных и муниципальных денежных средств, целесообразностью их использования и соблюдения действующего законодательства в области финансов.

Следует отметить, что государственная финансовая политика – это часть социально-экономической политики государства по обеспечению сбалансированного роста финансовых ресурсов во всех звеньях финансовой системы страны, финансовому обеспечению выполнения социально-экономических программ страны и регионов, ставящих своей целью рост уровня и качества жизни населения. Под государственным финансовым контролем понимается контроль, осуществляемый на всей территории РФ федеральными органами государственной власти и специально созданными для этого федеральными структурами. Объектом такого контроля выступают прежде всего денежные средства федерального бюджета, а также имущество, находящееся в собственности Российской Федерации.

При этом государственная региональная финансовая политика является частью общей государственной финансовой политики. Думается, что финансовая политика региона должна быть направлена на сочетание финансового обеспечения выполнения текущих задач и программ региона, выполнения среднесрочных и долгосрочных программ развития, на повышение финансовой самообеспеченности региона, а также на развитие финансовых рынков. Направления деятельности региональной финансовой политики имеют свою специфику, которая заключается в контроле сбора денежных средств, контроле в процессе распределения и перераспределения денежных средств и также контроле за использованием этих денежных средств.

Отметим, что проблемы, связанные с осуществлением регионального финансового контроля является актуальным вопросом в системе контрольной деятельности Российской Федерации. Для этого создать целостную систему государственного и муниципального контроля, а также необходимо сформулировать единые методы и подходы к организации и деятельности финансово-контрольных органов.

На сегодняшний день требуется создание целостной системы государственного и муниципального финансового контроля, основанного на единых подходах и принципах организации. Одной из создавшейся причин ситуации является «отсутствие признанной обществом научно обоснованной концепции государственного финансового контроля».

Представляется, что для решения данной проблемы необходимо выделить и закрепить основы проведения финансово-правовой политики для осуществления финансового контроля в специальном законе «О государственном бюджетном контроле в РФ», которые способствовали бы эффективному и бесперебойному осуществлению финансового контроля на региональном уровне.

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА: ГЕНЕЗИС И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И. В. Салей

Белорусский государственный университет

В силу своей значительной специфики как особо рискованной деятельности и экономической значимости для государства игорный бизнес на протяжении всего существования Республики Беларусь как независимого государства имел императивную базу правового регулирования, предусматривающую жесткий контроль со стороны государства. Данный вид предпринимательской деятельности, каковым без сомнения является игорный бизнес, на протяжении названного периода всегда признавался лицензируемым. Однако законодательство в данной сфере не отличалось стабильностью, неоднократно подвергалось изменениям. В настоящее время основным источником правового регулирования лицензирования игорного бизнеса является Положение о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 (глава 16).

Изменение правового регулирования по вопросам лицензирования игорного бизнеса зачастую предусматривало смену собственно органа, лицензирующего такую деятельность. В период с 1991 г. по настоящее время в качестве лицензирующих органов выступали различные органы: изначально местные исполнительные и распорядительные органы, впоследствии – республиканские органы государственного управления.

Считаем, что общая тенденция передачи функций по лицензированию игорного бизнеса на республиканский уровень является обоснованной, поскольку в большей степени соответствует значению и специфике игровой деятельности. Вместе с тем неоднозначной оценке может быть подвергнута передача компетенции в области лицензирования игорного бизнеса от Министерства спорта и туризма Министерству по налогам и сборам Республики Беларусь. С одной стороны, такая замена предполагает значительные экономические и организационные затраты (передача архивов и реестра лицензий, формирование отдела и назначение новой коллегии по лицензированию, обмен опытом); с другой стороны, позволяет более жестко сконцентрировать государственный контроль за осуществлением игорного бизнеса в целом.

Изменения законодательства в сфере лицензирования связаны с ужесточением требований к субъектам лицензирования и условиям получения ими лицензии, что уже привело к значительному сокращению субъектов игорного бизнеса (по состоянию на 1 июля 2011 г. – до 115 субъектов). Во-первых, с 1 января 2011 г. субъектами лицензирования в сфере

игорного бизнеса могут выступать только юридические лица. Во-вторых, серьезно ужесточились требования к руководителю или заместителю руководителя организации по игорному бизнесу. В-третьих, изменения коснулись качественных характеристик помещений, предназначенных для организации деятельности в сфере игорного бизнеса. В-четвертых, для получения лицензии необходимо согласие соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа на размещение игорного заведения на их территории.

На основе вышеизложенного, считаем, что установление более жестких правил при регулировании игорного бизнеса с учетом характера такой деятельности является оправданным. Тенденции в развитии правового регулирования в сфере лицензирования игорного бизнеса носят положительный характер и призваны сохранить на данном рынке лишь наиболее крупных «игроков», стабильных участников экономического оборота. Вместе с тем, основываясь на том, что игорный бизнес есть предпринимательская деятельность, государство должно обеспечить стабильность ее правового регулирования.

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Титов, П. В. Кривко

Саратовская государственная юридическая академия

Финансовая деятельность государства играет значительную роль в развитии любого современного общества. От того, как эффективно государство осуществляет регулирование в сфере финансов, зависит реализация задач социально-экономического развития, поддержания обороноспособности и безопасности страны, а также обеспечение финансовыми ресурсами деятельности государственных органов. Неотъемлемой частью финансовой деятельности государства является финансовый контроль, который предполагает контроль за соблюдением законности и целесообразности действий при осуществлении финансовой деятельности. Создание эффективной системы органов контроля в сфере финансов является необходимым условием социально-экономического развития России в целом и ее регионов, борьбы с криминализацией экономики, нецелевым расходованием бюджетных средств, вывозом капитала за границу.

Базовым документом, определяющим основополагающие начала осуществления финансового контроля, является правовой акт международного значения – Лимская декларация руководящих принципов контроля, принятая IX Конгрессом Международной организации высших контрольных органов (ИНТО-САИ) в 1977 г.

Устанавливая принципы финансового контроля, декларация уделяет особое внимание двум важнейшим основам построения системы органов финансового контроля – независимость данных органов и четкое разграничение их полномочий.

На сегодняшний день, рассматривая российскую систему органов финансового контроля, с трудом можно сказать о ее соответствии стандартам, установленным декларацией. Существует ряд серьезных проблем системы данных органов.

Решением данных проблем мы считаем следующее:

1. Учитывая огромное количество пробелов в нормативном регулировании деятельности финансовых контрольных органов, неясность в разграничении полномочий между ними – разработка и принятие кодифицированного нормативного акта или специального федерального закона, четко устанавливающего и регулирующего полномочия органов федерального финансового контроля РФ и их систему.

2. В целях обеспечения принципа независимости и самостоятельности финансового контроля в РФ выделить Федеральное казначейство и Федеральную службу по финансово-бюджетному надзору из ведения Министерства финансов РФ в третью группу органов исполнительной власти, подведомственную непосредственно Правительству РФ.

3. Внесение изменений в ФЗ «О Счетной палате РФ», а именно в ст. 22, с указанием точного порядка взаимодействия Счетной палаты РФ с Федеральным казначейством, Федеральной службой по финансово-бюджетному надзору. Внести соответствующие изменения в Положения о данных федеральных службах;

4. Переименовать «Федеральную службу по финансово-бюджетному надзору» в «Федеральную службу по финансово-бюджетному контролю».

ОСОБЕННОСТЬ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Т. Н. Тимофейчик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Всемирная торговая организация (ВТО) (англ. World Trade Organization (WTO)) – международная организация, созданная в 1995 г. для объединения различных стран в экономической сфере и установления правил торговли между государствами-членами. ВТО является преемницей соглашения под названием Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Штаб-квартира ВТО расположена в Женеве (Швейцария).

ВТО относится к числу международных межправительственных организаций, а ее особенностью является отсутствие устава, роль которого играют Соглашение об учреждении ВТО и Договоренность о правилах и процедурах разрешения споров. С этими двумя международными Соглашениями и связано появление ВТО. Во всем остальном ВТО функционирует так же, как и ГАТТ. Новым по сравнению с ГАТТ является то, что государство – член ВТО не может не участвовать в соглашениях, составляющих часть пакета документов, принятых в результате Уругвайского раунда переговоров. Кроме того, ВТО (в отличие от ГАТТ) осуществляет контроль за более широким спектром торговых соглашений (например, о торговле услугами, торговых аспектах прав интеллектуальной собственности), а также имеет гораздо большие полномочия в связи с совершенствованием процедур принятия решений и разрешения межгосударственных споров. ВТО представляет собой не только систему взаимосвязанных международных соглашений по вопросам международной торговли; она создает общие институциональные рамки для осуществления торговых отношений между ее членами в вопросах, относящихся к соглашениям и к связанным с ними правовым документам, включенным в приложения к настоящему Соглашению.

Функцией ВТО является выполнение Соглашения о создании ВТО, а также многосторонних торговых соглашений, обязательных для членов ВТО. Иными словами, ВТО – это форум для переговоров между ее членами по вопросам многосторонних торговых отношений, где переговоры ведутся как по вопросам соглашений, составляющих часть ВТО, так и по вопросам будущих соглашений.

ВТО не предполагает создание наднациональных международных органов. В этом ее принципиальное отличие от организаций интеграционного типа, таких, например, как Европейский Союз. Все государства-участники, основываясь на своем суверенитете, разрабатывают и принимают нормы правового регулирования внешнеэкономических отношений, действующие на территории этих государств. Нормы соглашений ГАТТ/ВТО вводятся в действие на территории этих государств в том же порядке, в каком вводятся нормы международных договоров.

Таким образом, указанные особенности позволяют характеризовать ВТО как многостороннюю торговую систему. Такая система создает для производства и предпринимательства атмосферу стабильности и предсказуемости, которая является необходимым условием для развития международной торговли на условиях справедливой конкуренции. Существование международной торговой системы способствует увеличению объемов торговли и инвестиций, что связано с созданием новых рабочих мест и экономическим развитием участвующих в ВТО стран.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. Д. Кириченко

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

В последнее время в Республике Беларусь полным ходом осуществляется активизация нормотворческой деятельности государственных органов в отношении регулирования предпринимательской деятельности субъектов хозяйствования. Существенные изменения коснулись, прежде всего, правового регулирования создания и ликвидации юридических лиц. Принятие Президентом Республики Беларусь Декрета № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» от 16 января 2009 г. (далее Декрет № 1) является прямым доказательством эволюционного характера произошедших изменений.

Данным документом впервые введен полноценный заявительный принцип государственной регистрации всех субъектов хозяйствования, при реализации которого государство рассчитывает на честность и ответственность со стороны субъектов хозяйствования как за соответствие законодательству представленных для регистрации документов, так и за достоверность сведений, указанных в них. Одновременно сокращен срок государственной регистрации и закреплён минимальный исчерпывающий перечень документов, предоставляемых для осуществления данной процедуры.

В Декрете № 1 содержится еще целый ряд правовых новаций, направленных на упрощение процедур регистрации и ликвидации. Отменена необходимость указания в учредительных документах о предполагаемых к осуществлению видах деятельности, а также внесения в них изменений при изменении местонахождения организации. Исключены требования к минимальному размеру уставного фонда коммерческих организаций, кроме акционерных обществ, банков, страховых организаций.

В значительной степени упрощена процедура ликвидации субъектов хозяйствования: закреплён принцип «одно окно» во взаимоотношениях государственных органов при проведении ликвидационной процедуры, установлен исчерпывающий перечень оснований для ликвидации юридических лиц и прекращении деятельности индивидуальных предпринимателей.

Практика применения Декрета № 1, а также зарубежный опыт государств-лидеров в сфере государственной регистрации субъектов хозяйствования позволяет сделать вывод о том, что совершенствование процеду-

ры государственной регистрации, создание еще более комфортных условий для функционирования субъектов хозяйствования могут иметь место в законодательстве Республики Беларусь и в дальнейшем. Так, например, на сегодняшний день создан интернет-ресурс, Web- портал, посредством которого планируется в 2011 г. ввести в Беларуси электронную государственную регистрацию субъектов хозяйствования. Для обеспечения качественного ведения данного правового механизма разрабатывается соответствующая нормативная база.

Таким образом, издание Декрета является значительным шагом в направлении либерализации экономики нашей страны, снятия бюрократических барьеров, препятствующих началу ведения бизнеса, свидетельствует о доверии государства к субъектам хозяйствования и готовности государственных органов строить партнерские взаимоотношения с ними. Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, что задача по либерализации правового регулирования деятельности субъектов хозяйствования не ограничивается только вопросами совершенствования законодательства. Необходимо кардинально совершенствовать практику правоприменения, смотреть, как функционируют зарегистрированные субъекты хозяйствования, от результатов, деятельности которых зависит успешное развитие экономики страны.

Раздел III

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ, ПРИНОСЯЩИХ ДОХОДЫ

Н. А. Плохотская

Белорусский государственный университет

Правовое регулирование вопросов, связанных с реализацией предоставленного учреждениям как некоммерческим организациям права на осуществление приносящей доходы деятельности является весьма неоднозначным в Республике Беларусь и порождает проблемы как при толковании соответствующих норм, так и в процессе правоприменительной деятельности.

В соответствии с п. 8 Устава БГУ, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2006 г. № 586 «Об Уставе Белорусского государственного университета» (далее – Указ № 586) Белгосунiversитету предоставляется *право самостоятельно распоряжаться доходами* (выручкой), полученными в результате оказания платных услуг (работ).

Отметим, что БГУ, будучи государственным учреждением образования, находящимся в республиканской собственности, помимо Указа № 586, подпадает под правовое регулирование иных актов, причем различной юридической силы, императивные нормы которых вступают в противоречие между собой.

Пункт 2 ст. 134 Кодекса Республики Беларусь об образовании устанавливает, что имущество учреждений образования, приобретенное в результате осуществления приносящей доходы деятельности, независимо от формы собственности, на которой они созданы, поступает *в самостоятельное распоряжение* учреждения образования, и свидетельствует о неприменении п. 14 Положения о порядке создания унитарных предприятий, учреждений, имущество которых находится в республиканской собственности, их реорганизации и ликвидации, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 июля 2004 г. № 913, применительно к учреждениям образования.

Пункт 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 126 «О некоторых вопросах платного обучения в государственных учреждениях, обеспечивающих получение высшего и среднего

специального образования», устанавливает исключение в отношении правового режима *средств*, полученных *от платного обучения* в *государственных учреждениях* образования. Такие средства поступают в оперативное управление учреждения.

С позиции доктринального анализа встает вопрос об обоснованности и практической целесообразности установления исключений из п. 2 ст. 279 ГК применительно к учреждениям, имущество которых находится в республиканской собственности, и в отношении правового режима средств, полученных от платного обучения в государственных учреждениях образования.

Ввиду неоднозначности законодательного регулирования правового режима имущества, приобретенного учреждениями образования в результате осуществления приносящей доходы деятельности, в том числе деятельности по оказанию платных образовательных услуг, считаем необходимым привести выше упомянутые нормы к единому правовому регулированию в соответствии со сложившимся в доктрине гражданского права подходом о признании права самостоятельного распоряжения учреждения самостоятельным вещным правом и основанной на таком подходе дифференциации правового режима имущества учреждения на – закрепленное собственником и – приобретенное в результате осуществления приносящей доходы деятельности. Такой подход позволит, на наш взгляд, участвовать учреждению как некоммерческой организации в гражданском обороте более эффективно и нести адекватную характеру осуществляемой деятельности (деятельности, приносящей доходы) гражданско-правовую ответственность.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

К. В. Марчук

Белорусский государственный университет

Вопрос о правовой природе недействительных сделок в теории гражданского права является спорным. Ряд специалистов в области гражданского права считают недействительную сделку действием неправомерным, поскольку такая сделка не соответствует требованиям закона и не влечет за собой тех последствий, на которые была направлена воля сторон. Сторонники данного подхода утверждают, что термин «правонарушение» не надо понимать узко как виновное противоправное деяние участника правоотношения. Некоторые правонарушения являются таковыми и без наличия вины, но присутствие такого свойства правонарушения как противоправность является обязательным. Многие сторонники данного подхода «наталкиваются на очевидные трудности классификации: уста-

новив, что неправомерную сделку нельзя отнести к деликтам, они пытаются отыскать среди неправомерных действий “подходящую” категорию, к которой недействительные сделки можно было бы отнести». В частности, делаются попытки выделить неправомерные сделки в самостоятельную категорию правонарушений (например, Н. В. Рабинович).

На наш взгляд, правонарушение – понятие объективное. Субъект правоотношения либо нарушает норму права, либо нет. Если исходить из того, что недействительная сделка является правонарушением, то как быть, например, со сделками, совершенными несовершеннолетними в возрасте до 14 лет. В пункте 2 ст. 173 ГК Республики Беларусь определено, что в интересах малолетнего совершенная им сделка может быть по требованию его родителей, усыновителей или опекуна признана судом действительной, если она совершена к выгоде малолетнего. То есть, согласно данному подходу, совершено противоправное действие, но по требованию родителей, усыновителей или опекуна несовершеннолетнего, совершившего сделку, оно может быть признано правомерным. По логике неправомерное действие не может стать правомерным только по заявлению какого-либо лица.

Вторая точка зрения о правовой природе недействительных сделок – это их рассмотрение как одного из видов сделок. Сторонники данного подхода исходят из буквального толкования ст. 154 ГК Республики Беларусь (сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей). В самом определении, данном на законодательном уровне, не говорится о значении наступления ожидаемых последствий. Важна лишь направленность действий участников сделки на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако многие недействительные сделки влекут для той или иной стороны убытки. Но убытки – форма ответственности, которая наступает за правонарушение. Если недействительная сделка не является правонарушением, то на каком основании можно взыскать убытки? В этом случае недействительные сделки надо относить к правонарушениям.

Очевидно, что в двух концептуально противоположных позициях есть недостатки и противоречия. Вследствие этого существует множество смежных (промежуточных) взглядов.

Представляется, что для устранения указанных противоречий необходимо пересмотреть классификацию юридических фактов. Согласно устоявшейся классификации юридические факты подразделяются на действия и события (на основе критерия: зависит ли наступление юридического факта от воли человека). Действия бывают правомерными и неправомерными. Выделяют правомерные действия: юридические поступки и

юридические акты. К юридическим актам относятся сделки, административные акты, судебные акты. На наш взгляд, целесообразно и неправомерные действия классифицировать на акты (сделки, административные акты, судебные акты) и поступки. Таким образом, противоречия исчезнут, так как недействительные сделки могут быть как правомерными, так и неправомерными действиями.

СООТНОШЕНИЕ ОБЫЧНЫХ, СЛУЧАЙНЫХ И СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

И. А. Знак

Белорусский государственный университет

Условия гражданско-правового договора как юридического факта традиционно делятся на 3 группы: существенные, обычные и случайные.

В настоящее время законодательно закреплена лишь одна группа условий – существенные, а выделение случайных и обычных условий проводится только в доктринальных источниках гражданского права. Это является причиной отсутствия единого мнения ученых относительно целого ряда вопросов об обычных и случайных условиях, а именно: что собственно следует понимать под обычными и случайными условиями; какую роль играют данные группы условий при заключении гражданско-правового договора; как соотносятся между собой обычные, случайные и существенные договорные условия.

Обычные условия вытекают из норм законодательства, установленных для конкретного вида договорных отношений. При этом надо учитывать, что нормы законодательства, как известно, могут быть императивными и диспозитивными. Если стороны не посчитали необходимым изменить диспозитивную норму, закрепленную в действующем законодательстве, то отсутствует практическая необходимость включения таких обычных условий в договор. Контрагенты, заключая договор, тем самым выражают свое согласие со всеми императивными нормами и диспозитивными правилами, указанными в актах законодательства.

Случайные условия – условия, которые представляют собой отступление от диспозитивной нормы, указанной в законодательстве, либо сконструированные самими сторонами за пределами урегулированных законодательством положений, вне связи с конкретными нормами законодательства. В силу практической значимости важным является выделение среди случайных, так называемых типичных условий, которые в силу сложившейся договорной практики традиционно включаются в гражданско-правовой договор для регламентации отношения в части, не урегулированной законодательством.

Актуальным является вопрос о моменте, когда обычные и случайные условия приобретают характер существенных. Полагаем, что условия становятся существенными благодаря признанию сторонами необходимости включения их в договор. Такая инициатива охватывает и императивные положения законодательства, воспроизводимые в договоре, и положения, отличные от диспозитивных норм законодательства, и положения, сконструированные сторонами при отсутствии какого-либо регулирования по этому вопросу. Моментом придания обычным и случайным условиям статуса существенных следует считать момент согласования их контрагентами.

Алгоритм взаимодействия существенных, обычных и случайных условий легально не закреплён, что является существенным пробелом в действующем законодательстве. В качестве общей схемы можно предложить следующую: в законодательстве существует диспозитивная норма, т. е. обычное условие; стороны решают отступить от предложенной законодателем позиции и сконструировать свое «правило», т. е. возникает случайное условие, инициированное сторонами; при согласовании данного условия контрагентами оно приобретает статус существенного условия.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ РЕШЕНИЙ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

С. В. Елисеев

Белорусский государственный университет

Часть 7 ст. 45 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. (далее – Закон о хозяйственных обществах) закрепляет право на обжалование в судебном порядке решений общего собрания участников хозяйственного общества, определяя круг управомоченных на то субъектов, устанавливая основания для обжалования таких решений и сроки реализации права на обжалование. Данная категория споров относится к подведомственности хозяйственных судов, что вытекает из ст. 47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь и подтверждается положениями постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 19 мая 2005 г. № 19 «Об отдельных вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением условий учредительства юридических лиц и законодательства о хозяйственных обществах» (далее – постановление Пленума ВХС № 19).

Правом на обжалование решений общего собрания обладают только участники хозяйственных обществ. Более того, законодатель ограничил

круг таких управомоченных на обжалование субъектов, предоставив право на обращение в суд лишь тем участникам, которые – либо не принимали участие в общем собрании, – либо голосовали против принятия соответствующего решения. Иные участники хозяйственных обществ правом на обжалование решения общего собрания не обладают.

Решение общего собрания участников хозяйственного общества следует расценивать как решение самого общества, поскольку оно отражает общую волю высшего органа управления хозяйственного общества. В связи с этим ответчиком по данным спорам выступает само хозяйственное общество.

Основаниями для обращения в суд для обжалования решения общего собрания признаются: нарушение Закона о хозяйственных обществах; нарушение требований иных нормативных правовых актов; нарушение положений устава конкретного хозяйственного общества; нарушение прав и законных интересов участника хозяйственного общества.

Обратим внимание на то, что любого из перечисленных оснований достаточно для обращения в суд для обжалования решения, вынесенного хозяйственным обществом. В связи с таким подходом, закрепленным в Законе о хозяйственных обществах, встает вопрос о том, можно ли рассматривать как форму реализации права на обжалование решения общего собрания, закрепленного в ст. 47 Закона, иски о признании недействительными решений собраний участников хозяйственных обществ. Согласно п. 9 постановления Пленума ВХС № 19 оценивая законность принятого собранием участников решения, хозяйственные суды должны исходить из того, что к нарушениям законодательства, которые могут служить основаниями для удовлетворения иска о признании недействительным решения собрания участников, относятся, только существенные нарушения законодательства и требований учредительных документов. При разрешении споров о недействительности решений общих собраний хозяйственный суд вправе с учетом всех обстоятельств дела отказать в иске, если допущенные нарушения не являются существенными.

При обжаловании решений общих собраний Закон о хозяйственных обществах устанавливает сокращенный срок для защиты участником хозяйственного общества нарушенного права. Так, для участников акционерного общества этот срок составляет шесть месяцев, для участников обществ с ограниченной ответственностью и обществ с дополнительной ответственностью – 2 месяца. С нашей точки зрения, закрепление специальных сокращенных сроков является обоснованным и целесообразным, поскольку позволяет повысить степень стабильности отношений в хозяйственном и гражданском обороте. Такой срок следует расценивать как пресекательный.

УПРАВЛЕНИЕ В УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

А. М. Ковель

Белорусский государственный университет

С принятием Закона Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 97-З «О внесении дополнений и изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь» (далее – ГК) в правовом регулировании деятельности унитарных предприятий (далее – УП) произошли существенные изменения, в том числе касающиеся вопросов управления в УП. Толкование отдельных гражданско-правовых норм об управлении в УП вызывает проблемы при практическом применении и вступает в конфликт с нормами трудового права.

В соответствии с действующим гражданским законодательством в зависимости от того, кто выполняет функции руководителя унитарного предприятия можно выделить следующие варианты управления унитарным предприятием:

- исполнительным органом унитарного предприятия является руководитель – физическое лицо, назначаемое собственником;
- функции руководителя выполняет непосредственно собственник имущества – физическое лицо;
- руководителем может быть назначена другая коммерческая организация (управляющая организация) по решению собственника.

В первом случае буквальное толкование нормы п. 4 ст. 113 ГК, согласно которой органом унитарного предприятия является руководитель – физическое лицо, который *назначается* собственником и ему подотчетен, предполагает достаточность выражения односторонней воли собственника, что порождает проблему правового оформления такого решения собственника и согласование с трудовым законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. На практике основанием возникновения у физического лица функций руководителя является заключаемый с ним в соответствии с трудовым законодательством трудовой договор (контракт).

Второй вариант, предусмотренный в отношении УП в п. 4 ст. 113 ГК, согласовывается с общей нормой о юридических лицах. В соответствии с п. 2 ст. 49 ГК в предусмотренных законодательными актами случаях юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через собственника имущества. При этом совпадение в одном лице руководителя и собственника имущества унитарного предприятия возможно, по нашему мнению, лишь в частном унитарном предприятии, когда собственником имущества является физи-

ческое лицо. При этом, буквально воспринимая норму права, собственник имущества УП вправе *непосредственно* осуществлять функции руководителя. Встает вопрос: нужно ли правовое оформление собственника в качестве руководителя? С нашей точки зрения, безусловно, поскольку руководитель УП будет выступать в гражданском обороте уже от имени юридического лица. При этом может быть заключен как трудовой договор, так и гражданско-правовой договор. Заключать договор с собственником о выполнении им функций руководителя, во избежание совпадения сторон в договоре и признании его недействительным, должно УП.

Согласно действующему гражданскому законодательству в отношении управления УП независимо от того, в чьей собственности они находятся, допускается передача функций управления управляющей организации. В настоящее время применительно к УП такой вариант не является распространенным, поскольку традиционно функции руководителя выполняет физическое лицо. Правовые отношения между УП и управляющей организацией, являющейся юридическим лицом, оформляются посредством заключения между ними гражданско-правового договора.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДОБРОГО ИМЕНИ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Е. Н. Гацук

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Гражданское законодательство в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) причисляет к объектам гражданских прав помимо прочего и нематериальные блага. Отдельно в ст. 151 ГК помимо прочих к нематериальным благам отнесены доброе имя и деловая репутация.

Существующий в действующем законодательстве подход к определению термина «деловая репутация», позволяет сделать некоторые выводы относительно соотношений терминов «деловая репутация» и «доброе имя». На наш взгляд, необходимо разграничение данных терминов.

В частности, термин «деловая репутация» должен использоваться только в сфере предпринимательской деятельности (ст. 1 ГК). Поскольку деловая репутация характеризует только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, выступает одним из условий их успешной профессиональной деятельности. Полная утрата деловой репутации этими субъектами обычно приводит к прекращению их деятельности (ликвидации юридического лица или аннулированию государственной регистрации индивидуального предпринимателя). Порядок защиты деловой репутации данных субъектов регламентирован постановлением Пленума

Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации».

В то же время термин «доброе имя» должен употребляться в отношениях с участием граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, поскольку оценка их деловых и профессиональных качеств при выполнении ими трудовых, служебных и общественных обязанностей не связана с предпринимательской деятельностью. Несмотря на употребление термина «деловая репутация гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем», порядок защиты доброго имени, на наш взгляд, регламентирован в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести достоинства и деловой репутации». Соответственно, целесообразно под термином «доброе имя» понимать приобретаемую гражданином, не являющимся индивидуальным предпринимателем, общественную оценку его деловых и профессиональных качеств при выполнении им трудовых, служебных и общественных обязанностей. Подобное разграничение потребует внесения соответствующих изменений в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации».

На наш взгляд, разграничение терминов «деловая репутация» и «доброе имя» позволит избежать коллизий при осуществлении права на защиту деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и доброго имени граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Д. В. Козловская

Белорусский государственный университет

В юридической науке достаточно много исследований посвящено вопросам гражданско-правовой ответственности. Однако единого подхода к определению данного понятия правоведы-цивилисты так и не выработали. Отсутствие единообразного доктринального определения гражданско-правовой ответственности предопределяет и отсутствие его легального определения. До настоящего времени понятие гражданско-правовой ответственности не закреплено на законодательном уровне, что в значительной степени осложняет практическое применение данного института гражданского права.

В специальной литературе данный термин трактуется с помощью различных правовых категорий. Так, О. С. Иоффе утверждал, что гражданско-правовая ответственность представляет собой санкцию за правонарушение, вызывающую для нарушителя отрицательные последствия. Данная позиция не лишена недостатков. Во-первых, она отождествляет понятия «санкция» и «ответственность», поскольку любая санкция, которая предусмотрена в нормативном правовом акте, опирается на принудительную силу государства. Во-вторых, такой подход исключает возможность разграничения меры гражданско-правовой ответственности и иных предусмотренных законом санкций, реализация которых гражданско-правовой ответственностью не является.

В. А. Тархов и С. С. Алексеев определяют ответственность, как способность лица отдавать отчет в своем поведении. Такое определение гражданско-правовой ответственности также подлежит критической оценке, поскольку прежде всего влечет утрату исследуемой категорией практического значения. Обязанность давать отчет о своих действиях может иметь место и тогда, когда правонарушение вовсе отсутствует.

Н. С. Малеин характеризует гражданско-правовую ответственность через категорию правоотношения, в силу чего возникает представление, что гражданско-правовая ответственность наступает в момент совершения правонарушения. Вместе с тем правонарушитель никаких имущественных потерь на этой стадии не несет. Правоотношение есть форма реализации ответственности, но не сама ответственность.

В общей теории права традиционно гражданско-правовая ответственность рассматривается как разновидность юридической ответственности, поэтому для нее характерны все признаки последней: нормативная определенность, государственно-властный принудительный характер, реализация в установленном законодательством порядке. В то же время исследуемая категория обладает особенностями. Анализ специальной литературы позволяет выделить следующие: имущественный характер и компенсационная природа гражданско-правовой ответственности, равноправие и экономическая независимость субъектов, применение равных по объему мер ответственности к различным участникам имущественного оборота, возмещение имущественного вреда по принципу эквивалентности.

С учетом вышеизложенного под гражданско-правовой ответственностью следует понимать самостоятельный вид юридической ответственности, который выражается в возложении на правонарушителя за совершенное им противоправное деяние мер имущественного характера в виде лишения субъективных гражданских прав или возложения дополнительных гражданско-правовых обязанностей.

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ, В СОСТАВ КОТОРОГО ВХОДИТ УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

А. А. Гудым

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Процесс либерализации экономики и дальнейшее расширение предпринимательского сектора предполагает количественное увеличение субъектов хозяйствования на внутригосударственном рынке. Принимая во внимание тот факт, что зачастую участниками подобных хозяйственных обществ являются граждане, состоящие в браке, встает вопрос о законодательном урегулировании порядка и последствий раздела супругами принадлежащей им на праве общей совместной собственности доли в уставном фонде коммерческих юридических лиц как в случае развода, так и в период брака.

Унитарное предприятие представляет собой наиболее выгодную организационно-правовую форму коммерческой организации для начала ведения бизнеса, которая позволяет осуществлять коммерческую деятельность единолично без участия других лиц. В случае, если собственником унитарного предприятия является супружеская пара, при разводе режим имущества (предприятия как имущественного комплекса) изменяется. В процессе раздела имущества важно учитывать период его возникновения: до брака или в период брака. Касательно имущества, которое возникло в период брака, законодателем закреплены и конкретизированы варианты решения судьбы унитарного предприятия в случае расторжения брака. Так, бывшие супруги могут реорганизовать унитарное предприятие либо преобразовать его в юридическое лицо иной организационно-правовой формы, передать одному из супругов право собственности на данное унитарное предприятие с выплатой другому бывшему супругу соответствующей части доли в денежном эквиваленте, ликвидировать либо продать унитарное предприятие. Если собственником имущества является один из супругов, а второй супруг посредством своего влияния произвел его значительное увеличение, то при разводе возникают проблемы с разделом соответствующего имущества. Поэтому наличие факта приращения имущества одного супруга за счет навыков, профессиональных знаний, деловых связей другого супруга порождает необходимость выработки и создания четкого механизма денежной оценки данного вклада, за счет которого имущество супруга было значительно увеличено, либо без этого вклада произошло бы его уменьшение.

Представляется необходимым и целесообразным со стороны законодателя скорректировать порядок раздела унитарного предприятия, при-

надлежащего на праве совместной собственности супружеской паре, а именно порядок раздела имущества, приобретенного одним из супругов до брака, учитывая факт приращения данного имущества в период брака другим супругом. На наш взгляд, в основу подобного механизма следует положить сбалансированную систему критериев, позволяющих выделить соответствующие имущественные части, принадлежащие каждому супругу в отдельности. Такими критериями могут стать уровень образования, профессиональный стаж, объем сделок юридического лица, а также объем прибыли, дохода и размера сбереженного в результате сделок имущества, заключению которых поспособствовал супруг-несобственник.

К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВЕННОМ ПРАВЕ ПОКУПКИ ДОЛИ УЧАСТНИКА В УСТАВНОМ ФОНДЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

А. Н. Секацкая

Белорусский государственный университет

Важной гарантией прав и законных интересов участников гражданского оборота является закрепленное законодателем в рамках правового регулирования корпоративных отношений преимущественное право покупки отчуждаемой доли (части доли) участника в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью. При этом легальное определение такого преимущественного права отсутствует. Комплексный анализ норм действующего законодательства (в том числе ст. 92, 97, 253 ГК Республики Беларусь, ст. 98 Закона «О хозяйственных обществах» и др.) позволяет говорить о преимущественном праве покупки как предоставленной возможности осуществления права с привилегиями перед другими лицами.

Нормы, содержащиеся в ст. 98 Закона «О хозяйственных обществах» и специально предназначенные для регулирования вопросов, связанных с реализацией преимущественного права покупки отчуждаемой доли (части доли) участника в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью, практически не подвергались изменениям с момента принятия новой редакции Закона от 10.01.2006 г., за исключением незначительной корректировки ч. 6 данной статьи (Закон Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 168-З). Следует констатировать, что сформулированные в анализируемой статье положения носят весьма схематично-фрагментарный характер, что при толковании порождает проблемы правоприменения. Можно выделить, в частности, следующие проблемные вопросы:

- неясна правовая регламентация уведомления обладателя преимущественного права о предстоящей продаже. Если в законодательстве Российской Федерации в ч. 5 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» прямо указано, что данное уведомле-

ние является офертой, то в национальном законодательстве такое положение не закреплено. Вместе с тем в соответствии с общими положениями п. 2 ст. 405 ГК срок отзыва оферты весьма ограничен, фактически делая невозможным отказ от отчуждения доли. На наш взгляд, данное уведомление не стоит понимать как оферту, так как преимущественное право покупки не имеет характера права требования, а заключение договора с обладателем преимущественного права не является обязанностью продавца;

- в Законе «О хозяйственных обществах» четко не регламентированы правовые последствия ответа на извещение о продаже доли и не определен момент заключения договора с лицом, реализующем свое преимущественное право при получении им согласия на продажу доли (части доли) именно ему;

- Закон не регламентирует ситуацию, которая может возникнуть, если обладатель преимущественного права захочет приобрести только часть причитающегося ему размера отчуждаемой доли (как это имеет место в рамках отношений между акционерами закрытого акционерного общества). Толкование норм законодательства не исключает вариант, когда реализация преимущественного права связывает продавца обязанностью произвести отчуждение только в отношении части доли. По нашему мнению, если рассматривать предложение участника общества как вызов на оферты, то соглашаться с предложением лица, реализующего свое преимущественное право покупки, только в части предлагаемой доли есть право, а не обязанность продавца;

- в отношении сроков защиты преимущественных прав можно сделать вывод о том, что предусмотренный ч. 7 ст. 98 Закона «О хозяйственных обществах» трехмесячный срок, является специальным пресекательным сроком исковой давности и исчисление данного срока следует вести с того дня, когда обладатель преимущественного права узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Ю. В. Шапорова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Институт недействительности сделок известен давно, однако в науке гражданского права до сих пор не существует единого мнения по вопросу о понятии и правовой природе недействительных сделок. Критический анализ имеющих место в специальной литературе весьма противоречивых точек зрения о правовой природе недействительных сделок и их месте в системе юридических фактов приводит к выводу о том, что недейст-

вительная сделка есть сделка, но в то же время содержит и признаки правонарушения, так как она нарушает норму права, что влечет применение гражданско-правовых санкций. Данная позиция не вступает в противоречие с легальной концепцией сделки. Определение сделки, данное в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), не содержит указаний ни на характер действия (правомерное оно или нет), ни на ее последствия. Не сказано, что сделкой является действие, влекущее за собой правовые последствия, желаемые сторонами (такой вывод обычно делается из негативного определения, данного в п. 1 ст. 168 ГК: недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью).

Исходя из буквального толкования положений ГК, можно прийти к заключению, что сделками являются и действительные, и недействительные сделки, главное – направленность на возникновение, изменение, прекращение правоотношений. Действительные сделки порождают правовые последствия, желаемые сторонами, а недействительные – те последствия, которые указаны в законодательном акте. Другими словами, недействительные сделки приводят к определенным последствиям, связанным с устранением последствий ее недействительности.

Поскольку недействительные сделки имеют основополагающий волевой признак, необходимый для сделок, – направленность действий на возникновение правового результата (данный признак есть у всех недействительных сделок, кроме мнимых), причем, как на наш взгляд, правильно отмечают некоторые авторы, от наличия данной направленности зависит как наступление желаемых сторонами правовых последствий, так и наступление отрицательных правовых последствий, то недействительные сделки следует считать именно сделками, а не иными правовыми явлениями. Кроме того, само по себе употребление термина «недействительная сделка» означает, что сделка может быть как действительной, так и недействительной, и исключает противопоставление сделок и недействительных сделок. Исходя из этого следует признать, что данная конструкция вполне адекватно отражает суть сделки как таковой, потому имеет право на использование в законодательстве, доктрине права и практике правоприменения.

Вместе с тем в основе недействительной сделки лежит действие (юридический факт), хотя и направленный на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, но не дозволенный законодательством и не порождающий тех правовых последствий, которые желали субъекты, влекущий иные для сторон правовые последствия. Это роднит недействительную сделку с правонарушением, влечет применение гражданско-правовых санкций, так как нарушаются права и интересы субъектов гражданского права.

Таким образом, логично утверждать, что недействительная сделка по форме и направленности есть сделка, а по содержанию и правовым последствиям – гражданское правонарушение, влекущее применение гражданско-правовых санкций.

ПОНЯТИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Е. В. Кубрак

Белорусский государственный экономический университет

Многие специалисты, рассматривая проблему оспаривания реорганизации хозяйственных обществ, оперируют таким понятием как «недействительность реорганизации». Причем исковые требования о признании недействительности реорганизации встречаются в судебной практике Республики Беларусь, а также особенно часто в судебной практике Российской Федерации. Д. И. Степанов, рассматривая проблему недействительности реорганизации, отмечает необходимость законодательного закрепления оснований признания реорганизации недействительной: это должны быть грубейшие, носящие неустранимый характер нарушения законодательства. В качестве примера таких нарушений, дающих право обратиться в суд с иском о признании реорганизации недействительной, называется, в частности, неуведомление кредиторов. Однако высказывается и иная точка зрения. Как отмечает Е. П. Дивер, заявление искового требования о признании реорганизации недействительной некорректно с терминологической точки зрения, так как реорганизация представляет собой процедуру перемены участников правоотношения. Представляется, что возможность признания реорганизации недействительной есть исключительное следствие рассмотрения реорганизации хозяйственных обществ как гражданско-правовой сделки. Если допустить, что реорганизация является сделкой в понимании ст. 153 ГК Республики Беларусь, то правомерно и существование недействительной реорганизации (как сделки) в понимании ст. 168 ГК. Получается, что реорганизация, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна (ст. 169 ГК). В литературе отмечается, что несоблюдение правила об уведомлении кредиторов может привести к признанию реорганизации недействительной на основании ст. 169 ГК, если это повлекло нарушение законных прав и интересов кредиторов. В таком случае рассмотрение реорганизации как сделки допускает в случае ее ничтожности предъявление требований о применении последствий недействительности сделки и без предъявления самостоятельного иска о признании ее ничтожной (п. 1 ст. 167 ГК). Кроме того, при недействительности оспоримой реорганизации можно применять все последствия, перечисленные в ст. 168 ГК.

Полагаем, что нельзя согласиться с авторами, рассматривающими реорганизацию хозяйственных обществ как сделку. Анализ норм ГК, Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах», посвященных реорганизации, позволяет сделать вывод о том, что реорганизация – сложный процесс, состоящий из ряда этапов, каждый из которых имеет самостоятельное юридическое значение, объединяющий как юридические факты, так и сделки, в совокупности своей обеспечивающие правопреемство. Безусловно, решения собственников юридического лица о проведении реорганизации, утверждении разделительного баланса, а также решение регистрирующего органа о регистрации выделившегося юридического лица по своему характеру нельзя отнести к сделкам. Напротив, договор о слиянии (присоединении), учредительный договор, заключенный участниками выделившегося юридического лица, а также отдельные действия по передаче имущества кредиторам юридического лица являются сделками.

Вместе с тем это не служит достаточным основанием для того, чтобы отождествлять реорганизацию хозяйственных обществ, которая прежде всего является процедурой, с такой правовой конструкцией, как сделка. Полагаем также, что в связи с этим нельзя согласиться и с возможностью признания недействительной реорганизации и применения к реорганизации последствий недействительности сделок. Если же рассматривать реорганизацию не как сделку, а как процедуру (порядок действий), опосредующую переход прав и обязанностей одного хозяйственного общества к другому в порядке правопреемства, то получается, что собственно факт признания ее судом недействительной не может влечь никаких правовых последствий: ни возврата полученного имущества, ни аннулирования акта государственной регистрации.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В. В. Акуленец

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

В соответствии с нормами гражданского законодательства компенсации морального вреда осуществляется в денежной форме. Принимаемые в литературе исследования процедуры определения размера компенсации морального вреда свидетельствуют о ее неоднозначном понимании и применении. Так, вопрос определения размера компенсации морального вреда на практике действительно является краеугольным «камнем» как для лиц, заявляющих соответствующие требования о такой компенсации, так и для судов, принимающих окончательные решения. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от

характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. Проблемные вопросы, возникающие в связи с определением размера компенсации морального вреда, как представляется, это один из наиболее принципиальных и наименее урегулированных вопросов.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда», сформулирован ряд положений, позволяющих достаточно объективно определить размер компенсации морального вреда в соответствии с предписаниями закона. Так, в п. 15 указанного постановления предусмотрено, что требования о размере компенсации должны быть основаны на конкретных обстоятельствах. По исковому заявлению истца суд может согласиться с размером компенсации морального вреда, заявленным потерпевшим либо уменьшить размер компенсации по сравнению с заявленным. При определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать степень вины причинителя вреда и индивидуальные особенности потерпевшего.

Оценивая необходимость учета при определении размера компенсации морального вреда таких индивидуальных особенностей потерпевшего, как условия жизни, материальное положение, нельзя сказать однозначно, что Пленумом найдено бесспорное решение. Сомнение в первую очередь вызывает обоснованность расширительного толкования употребленного законодателем в ст. 970 ГК понятия «индивидуальные особенности». Весьма сложно проследить и какие-либо критерии, которыми руководствуются суды при принятии собственного решения о размере компенсации. Например, в п. 16 рассматриваемого постановления Пленума говорится, что если возникновению или увеличению морального вреда содействовала неосторожность самого потерпевшего, то применительно к ст. 952 ГК размер компенсации определяется с учетом степени вины потерпевшего. Суд вправе также учесть имущественное (финансовое) положение причинителя вреда. В то же время, положения, содержащиеся в приведенных выше п. 15 и 16 постановления Пленума, не содержат ответов на отдельные вопросы в силу несовершенных законодательных формулировок, часть из которых носит достаточно спорный характер.

Таким образом, исследование вопроса об определении размера компенсации морального вреда позволяет сделать вывод о том, что требуется более детальная разработка и совершенствование данного института в белорусском законодательстве. В частности, представляется необходимым создание механизма установления индивидуальных особенностей личности, методики определения глубины страданий, которые позволили бы, в свою очередь, дифференцированно подойти к вопросу определения размера компенсации морального вреда.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Е. И. Тупилова

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Гражданским правоотношениям свойственно использование так называемых оценочных категорий. К их числу можно отнести добросовестность. Понятие «добросовестность» было известно уже римскому праву, где оно впервые приобрело правообразующее значение, поскольку входило в состав условий, необходимых для приобретения права собственности в силу приобретательной давности и защиты по Публицианову иску, а также приобретения права собственности на плоды.

Заслуживает внимания определение добросовестности, применимое ко владению вещью, сформулированное Б. Виндшейдом, который понимал добросовестность как честное убеждение владельца в том, что присвоение им вещи не составляет материальной неправды.

В современном белорусском гражданском законодательстве понятие «добросовестность» используется в качестве характеристики субъекта правоотношения или его поведения. Принцип добросовестности заложен в абз. 8 ч. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), которым закреплено правило, что при осуществлении гражданских прав участники правоотношений должны действовать добросовестно и разумно. При этом в ряде случаев предусматривается наступление определенных правовых последствий. Например, в силу предписаний ч. 2 ст. 633 ГК в случае внесения арендатором улучшений в арендованное предприятие арендодатель может быть освобожден судом от обязанности возмещения арендатору стоимости таких улучшений, если докажет, что при их осуществлении были нарушены принципы добросовестности и разумности.

По мнению М. Ф. Лукьяненко, в случае применения гражданско-правовых норм с оценочным понятием «добросовестность» следует исходить из совокупности объективных и субъективных элементов. Применительно к обязательственным отношениям объективный элемент добросовестности состоит в необходимости обеспечения баланса интересов сторон, каждая из которых может ждать от другой поведения, соответствующего закону и договору, т. е. такого поведения, какое данный субъект мог и должен был бы одобрить. В субъективном смысле – это честность, искренность, сознательность, старательность и аккуратность в исполнении гражданско-правовых обязательств.

По мнению В. В. Подгруши лицо действует добросовестно, когда оно осуществляет принадлежащие ему субъективные права без умысла

причинить вред другому лицу, не допускает самонадеянности и небрежности по отношению к возможным негативным последствиям.

Таким образом, категория добросовестности используется в правоприменительной практике, однако оценочный характер анализируемого понятия не предполагает необходимости законодательного закрепления конкретных его признаков. Поэтому оценка добросовестности целиком зависит от субъективного восприятия конкретных обстоятельств дела соответствующим правоприменителем.

Между тем, наличие общих подходов в оценке добросовестного поведения стороны все же имеет большое юридическое значение. Это связано с тем, что отсутствие таких подходов может привести, с одной стороны, к нарушению прав и интересов участника гражданского оборота, а, с другой – к вынесению судом необоснованного постановления и, как следствие, к его отмене. Потому полагаем возможным в актах высших органов судебной власти отразить основные подходы, которыми должны руководствоваться суды, давая оценку добросовестному поведению лица при рассмотрении споров.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ЛИЦЕНЗИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Р. Я. Гулбис

Латвийский университет

Экземпляр компьютерной программы является самостоятельным объектом гражданского оборота, свойства которого, в том числе экономическую ценность, главным образом определяет его нематериальная составляющая – компьютерная программа как объект авторского права. Учитывая функциональный характер компьютерной программы и специфику ее гражданского оборота, ошибка компьютерной программы является недостатком экземпляра компьютерной программы как вещи. Экземпляр компьютерной программы является материальной (физической) вещью в понимании Гражданского закона Латвийской Республики в отличие от компьютерной программы как объекта авторского права. Последний в силу его нематериальной природы не может быть признан материальной вещью. Вследствие того, что Гражданский закон Латвийской Республики признает существование как материальных, так и нематериальных (идеальных) вещей, доктринально наиболее обоснованным является отнесение компьютерных программ к классу нематериальных вещей, что в силу узкой трактовки этого вида вещей в Гражданском законе Латвийской Республики на данный момент затруднительно.

Закон об авторском праве Латвийской Республики основывается на дуалистической доктрине авторского права. Отчуждение имущественных прав автора на компьютерную программу как самостоятельных объектов гражданского оборота может осуществляться при помощи договоров, которые уже прямым образом регулируется Гражданским законом Латвийской Республики. Однако в Законе об авторском праве необходимо предусмотреть, что при отчуждении имущественных прав автора нормы Гражданского закона применяются к такого рода договорам, если иное не вытекает из Закона об авторском праве. В Законе следует также указать заключение вышеуказанных договоров только в письменной форме и потребовать перечисления отчуждаемых имущественных прав автора. В случае отсутствия такого перечисления в договоре следует исходить из того, что приобретателю прав должны перейти те имущественные права автора, которые необходимы для осуществления цели договора. Права на еще не созданные авторские работы в Законе следует определить как неотчуждаемые.

Представляется, что признание Законом об авторском праве Латвийской Республики лицензионных соглашений особым видом (*sui generis* – лат.) договоров не имеет достаточного доктринального обоснования. В данном Законе следует регулировать только специфические вопросы отчуждения прав на использование произведения, не устанавливая при этом новый вид договора. Приобретение прав использования произведения на все время их существования соответствует купле прав в понимании Гражданского закона Латвийской Республики. Лицензионное соглашение, на основе которого права использования произведения временно передаются лицензиату, является соответственно договором аренды.

В соответствие с латвийским гражданским правом оборотные лицензии (*shrink-wrap licenses* – англ.) по причине отсутствия отправки оференту акцепта на предложение заключить лицензионное соглашение не приводят к заключению такого соглашения. Законом об авторском праве Латвийской Республики необходимо предусмотреть возможность заключения подобных договоров, установив, что такого рода договоры признаются заключенными, если отсылка акцепта оференту не предполагается в силу установившегося обычая гражданского оборота.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ И СМЕЖНЫХ ПРАВАХ

О. О. Завалей

Белорусский государственный университет

В рамках реализации государственной программы в области охраны интеллектуальной собственности в Республике Беларусь 17 мая 2011 г.

принят Закон Республики Беларусь № 262-З «Об авторском праве и смежных правах». Закон вступает в силу с 1 декабря 2011 г.

В новом Законе круг охраняемых объектов и возможных правообладателей, принципы предоставления правовой охраны произведениям и объектам смежных прав и срок ее действия не изменились.

Изменения претерпели: терминология, правовой режим отдельных объектов авторского права и смежных прав, перечень допускаемых случаев свободного использования охраняемых произведений и объектов смежных прав, а также договорные отношения, возникающие по поводу их создания и использования. Закон дополнен новыми определениями, некоторые из них изменены, уточнены, либо исключены.

Произошли изменения и в системе объектов смежных прав: театральные постановки прямо отнесены к категории исполнений. Режиссеры-постановщики спектаклей названы в числе исполнителей.

Расширен круг лиц, признаваемых авторами аудиовизуальных произведений. Наряду с режиссером-постановщиком, автором сценария, автором специально созданного для аудиовизуального произведения музыкального произведения в него включены оператор-постановщик и художник-постановщик. Решен вопрос о судьбе аудиовизуального произведения в случае ликвидации юридического лица либо смерти физического лица, являющихся его производителями.

В новом Законе содержится открытый перечень действий, которые может осуществлять обладатель исключительного права на используемое произведение. В части 3 п. 2 ст. 17 Закона предусмотрено, что если наниматель в течение 5 лет со дня, когда к нему перешло исключительное право на служебное произведение, не начнет использовать его или не передаст это право другому лицу, исключительное право переходит автору, если иное не предусмотрено договором.

В Законе уточняются правила свободного использования произведений и объектов смежных прав, усовершенствовано регулирование существующих договорных конструкций.

Новый Закон содержит отдельную главу, посвященную коллективному управлению имущественными авторскими и смежными правами, где регламентируются возможные формы организаций по коллективному управлению имущественными правами, механизмы государственного контроля за деятельностью таких организаций, условия государственной аккредитации и другие вопросы деятельности этих организаций.

Некоторые изменения претерпели способы защиты нарушенных имущественных прав. Так, из их числа исключено требование о взыскании дохода, полученного нарушителем. Уточнены правила применения такого способа взыскания, как компенсация.

Таким образом, можно констатировать, что в новом Законе устранены очевидные недостатки, существовавшие в правовом регулировании отношений в рассматриваемой сфере.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. И. Пенкрат

Белорусский государственный университет

Франчайзинг является новым договорным типом, урегулированным ГК Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК). Легальное определение договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) дано в ст. 910 ГК: по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока комплекс исключительных прав (лицензионный комплекс), включающий право использования фирменного наименования правообладателя и нераскрытой информации, в том числе секретов производства (ноу-хау), а также других объектов интеллектуальной собственности (товарного знака, знака обслуживания и т. п.), предусмотренных договором франчайзинга, для использования в предпринимательской деятельности пользователя. Данный договор двусторонний, возмездный, консенсуальный и, как правило, срочный. Отношения франчайзинга урегулированы главой 53 ГК, Законом Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания», Законом Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки, договоров залога прав на объекты права промышленной собственности и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)» и другими нормативными правовыми актами. Совершение франшизных сделок между партнерами из разных стран подпадает еще и под валютное регулирование.

Практика заключения договоров франчайзинга в Республике Беларусь немногочисленна. Первый договор франчайзинга зарегистрирован в Национальном центре интеллектуальной собственности Республики Беларусь только 23 января 2006 г. (франчайзер – ООО «НТС», франчайзи – ООО «Центр»). Основное место занимают договоры национального франчайзинга. В сфере ритейла электробытовыми товарами работают по договорам франчайзинга ООО «Электросервис и Ко» (около 20 договоров) и ООО «Тотлер». Что касается реализации одежды, то здесь преобладает ООО «Оранжевый верблюд». Имеются также и международные

договоры франчайзинга: по договору международного франчайзинга функционирует ресторан «Фрайдис»; в сфере розничной торговли обувью работает сеть салонов «Opinions» (правообладатель Опинионс Лимитед (Кипр), Лимассол); на белорусский рынок пришел гостиничный франчайзинг – правообладателем выступает Сикс Континентс Хотелс, Инк., Атланта, Джоржия (США), а пользователем Иностранное частное унитарное гостиничное предприятие «Минск Принцесс Отель» Акционерного общества «Ирада» (Республика Беларусь).

Договор франчайзинга является выгодной схемой ведения бизнеса как для правообладателя, так и пользователя. Огромный потенциал франчайзинга подтверждается тем, что «франчайзинг в США создает 10 % национального богатства страны, в Австралии свыше 90 % общей торговли на предприятиях быстрого обслуживания осуществляется на условиях франчайзинга. Имеются официальные данные о том, что франчайзинг используется более чем в 70 странах мира». В Республике Беларусь франчайзинг не получил существенного развития. Даже такие всемирно известные франчайзеры, как Coca Cola и McDonalds не представлены на белорусском рынке по классической франчайзинговой схеме. Участвуя во франчайзинговых соглашениях с известными зарубежными производителями, белорусский малый и средний бизнес мог бы способствовать решению таких важных проблем национальной экономики, как создание новых рабочих мест, обеспечение мирового качества услуг, поступление валюты, однако стремительное развитие франчайзинга в Беларуси сдерживается, на наш взгляд, как правовыми факторами, так и недостаточной изученностью его правовой природы.

ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫЕ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

В. В. Рачковский

Белорусский государственный университет

Инновационный курс развития в совокупности с экспортной ориентацией экономики Беларуси предопределяют актуальность интенсификации присутствия (охраны, использования, коммерциализации) прав интеллектуальной собственности (далее – ИС) отечественных субъектов на внешних рынках. Охрана объектов ИС, особенно тех, которые требуют прохождения установленных государством формализованных процедур удостоверения исключительного права (патентование, регистрация), невозможна без уполномоченного на ее осуществление субъекта (правообладателя). Его однозначное определение по законодательству страны происхождения охраняемого объекта ИС имеет ключевое значение.

Указ Президента Республики Беларусь от 31 августа 2009 г. № 432 «О некоторых вопросах приобретения имущественных прав на результаты научно-технической деятельности и распоряжения этими правами» (далее – Указ) является основной законодательной базой для разрешения указанного вопроса в отношении объектов интеллектуальной собственности, относящихся к результатам научно-технической деятельности, созданным полностью или частично за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, в том числе средств государственных целевых бюджетных фондов, а также за счет средств государственных внебюджетных фондов (далее – государственные средства). Он с одной стороны устанавливает весьма специфичный (отягощенный производными от административных отношений условиями) алгоритм распоряжения правами на такие результаты, с другой стороны – фактически оставляет вопрос распределения прав на эти результаты на усмотрение государственного заказчика и исполнителя в рамках договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

Данный подход нельзя назвать удачным, поскольку чрезмерная обусловленность предложенного в Указе алгоритма распоряжения правами специальными требованиями отдалает его от общих алгоритмов, установленных Гражданским кодексом Республики Беларусь и специальными законами об интеллектуальной собственности, что усложняет правоприменение. Представляется более правильным разделить предложенный в Указе универсальный алгоритм на два самостоятельных, решающих разные с точки зрения распорядителя государственных средств задачи:

1) обеспечение нужд заказчика (что следует толковать буквально как необходимость использования создаваемого результата непосредственно заказчиком и (или) подчиненными ему организациями), интересов обороны и государственной безопасности. При этом права на объекты ИС должны принадлежать заказчику, если иное (в части прав или территории их действия, не интересующих заказчика) не будет установлено в договоре между ним и исполнителем;

2) обеспечение научного и технологического развития Республики Беларусь. При этом права на результаты интеллектуальной деятельности сохраняются у исполнителя, а положительный для экономики эффект достигается опосредованно за счет использования объекта ИС (новые производства, рабочие места, повышение технологического уровня экономики, налоговые поступления).

В дополнение необходимо установить, что распоряжение правами на объекты интеллектуальной собственности, созданные с привлечением государственных средств, осуществляется в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности, т. е. в общем порядке. Присутствующие в Указе административные ограничения в части контро-

ля за распоряжением объектами ИС (например, право заказчика на безвозмездную передачу неиспользуемого в течение года результата, регулирование цены соответствующих сделок) излишни, так как входят в известное противоречие с гражданско-правовой природой исключительного права.

ДОГОВОР СОЗДАНИЯ ОБЪЕКТА ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

М. Ю. Халецкая

Белорусский государственный университет

Договор создания объекта долевого строительства не урегулирован Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК). Его правовую основу составляют: Указ Президента Республики Беларусь от 15.06.2006 г. № 396 «О долевом строительстве многоквартирных жилых домов» (далее – Указ № 396), Указ Президента Республики Беларусь от 19.07.2011 г. № 324 «О внесении дополнений и изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 396» (далее – Указ № 324) и другие акты.

Несмотря на то, что Указом № 324 уже внесены колоссальные изменения в правовое регулирование данного договора, на наш взгляд, пробелы в этой области законодательства по-прежнему существуют.

Институт продажи товара, которого еще нет у продавца, но который он может приобрести либо создать, был известен еще гражданскому праву Древнего Рима. В действующем же ГК содержится ст. 425, в соответствии с которой договор купли-продажи может быть заключен на куплю-продажу товара, имеющегося в наличии у продавца в момент заключения договора, а также товара, который будет создан или приобретен продавцом в будущем, если иное не установлено законодательством или не вытекает из характера товара. Существенными условиями такого договора являются наименование и количество товара. Исходя из сущности договора создания объекта долевого строительства, признаками, индивидуализирующими квартиру (объект договора), следует считать: метраж, месторасположение ее в составе жилого дома (этаж, подъезд), состав (количество жилых и вспомогательных помещений), номер и адрес жилого дома, в котором она расположена. Наличие данных в едином государственном реестре недвижимости также является одним из индивидуализирующих недвижимость признаков.

Алгоритм юридических действий застройщика по строительству многоквартирного жилого дома с привлечением средств дольщиков на основании договоров создания объекта долевого строительства включает 17 этапов, и все они являются обязательными. Судебная практика показала, что споров, касающихся данного договора, огромное количество. В

основном это споры: о заключении договора создания объекта долевого строительства, о его изменении и расторжении, об ответственности за нарушение обязательств и иные споры. Показательным является разбирательство по делу ЗАО «Террастройинвест», когда на одну квартиру оказались заключены договоры сразу с несколькими дольщиками. Примером также может послужить следующее судебное разбирательство, возникшее между инвестором и застройщиком. Руководствуясь условиями договора, инвестор предъявил иск о взыскании с застройщика пени за просрочку ввода объекта в эксплуатацию, убытков и процентов за пользование чужими денежными средствами за просрочку в перечислении сумм пени и убытков. Хозяйственный суд удовлетворил иск лишь частично, взыскав убытки и уменьшив пеню в соответствии со ст. 314 ГК ввиду несоразмерности последствиям нарушения обязательства. Во взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за просрочку перечисления сумм пени и убытков судом отказано. В силу ст. 366 ГК проценты за пользование чужими денежными средствами подлежат начислению на сумму денежного обязательства, а условиями заключенного сторонами договора такие обязательства для застройщика не предусматривались, поэтому судом указанная ответственность и не была установлена.

Представляется, что нормы о договоре создания объекта долевого строительства должны быть включены в ГК. В нем необходимо прописать существенные условия этого договора и обязательства сторон, тогда существенных споров применительно к рассматриваемому договору станет меньше. Население вкладывает огромные ресурсы в решение жилищной проблемы, инвесторы – в строительство коммерческой недвижимости, законодательство же должно обеспечить четкую правовую базу рассматриваемых отношений.

КОНФЛИКТ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЕМ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА И ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

О. О. Ядревский

Белорусский государственный университет

Наименование места происхождения товара (далее – НМПТ) и товарный знак как средства индивидуализации товара могут вступать в конфликт между собой. Так, на практике в качестве товарных знаков регистрируются обозначения, содержащие название географических объектов. Если такой географический объект выступает в качестве зарегистрированного НМПТ, то согласно п. 3 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках) он имеет приоритет по отношению к товарному

знаку. Указанная формулировка предполагает отказ в регистрации товарного знака лишь при наличии охраняемого, то есть зарегистрированного в установленном порядке, НМПТ, тождественного либо сходного до степени смешения с заявляемым на регистрацию товарным знаком. В то же время Закон о товарных знаках не содержит указаний на возможность регистрации в качестве товарного знака обозначения, тождественного либо сходного до степени смешения с обозначением, заявленным на регистрацию в качестве НМПТ.

Представляется необходимым внести в п. 3 ст. 5 Закона о товарных знаках дополнения, касающиеся невозможности регистрации в качестве товарного знака также обозначения, тождественного либо сходного до степени смешения с заявленным на регистрацию в качестве НМПТ обозначением до даты подачи заявки на регистрацию товарного знака.

Кроме того, ни Закон о товарных знаках, ни Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях» (далее – Закон о географических указаниях) не предусматривают правового регулирования обратной ситуации, а именно: наличия заявки на регистрацию в качестве НМПТ обозначения, тождественного либо сходного до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком либо заявкой на такой товарный знак, обладающей более ранним приоритетом. Вместе с тем регистрация такого НМПТ может привести к нарушению исключительного права владельца товарного знака.

Следует отметить, что абз. 2 п. 2 ст. 1535 Гражданского кодекса Российской Федерации регулирует указанную ситуацию. Так, если использование наименования места происхождения товара способно ввести потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя в связи с наличием товарного знака, имеющего более ранний приоритет, предоставление правовой охраны указанному наименованию может быть оспорено и признано недействительным в течение пяти лет с даты публикации сведений о государственной регистрации наименования места происхождения товара в официальном бюллетене.

Вместе с тем в данном определении представляется не очень удачным употребление понятия «введение потребителя в заблуждение», что значительно сужает возможность защиты прав владельца товарного знака.

С учетом вышеизложенного, а также необходимости приведения законодательства Республики Беларусь в соответствие с нормами международных соглашений (в частности, с Соглашением TRIPS), гармонизации его с законодательством основных партнеров в рамках интеграционных объединений, представляется возможным дополнить ст. 15 Закона о географических указаниях пунктом 1-1 следующего содержания: «1-1. В течение пяти лет с даты публикации сведений о регистрации наименова-

ния места происхождения товара в официальном бюллетене такая регистрация может быть признана недействительной, если использование наименования места происхождения товара способно вызвать у потребителя смешение относительно товара или его изготовителя в связи с наличием товарного знака, имеющего более ранний приоритет».

НОВОВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. И. Яковлева

Белорусский государственный университет

17 мая 2011 г. принята новая редакция Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), которая вступает в силу с 1 декабря 2011 г. Закон более полно урегулировал права авторов и обладателей смежных прав, но вместе с тем в нем остались некоторые спорные положения.

В целях стимулирования творческой деятельности авторов и исполнителей, состоящих в трудовых отношениях с нанимателем, введены нормы о праве данных субъектов на получение вознаграждения за использование служебных произведений и исполнений «в случаях, предусмотренных договором». Однако диспозитивность данных норм оставляет за нанимателем право решать, как распорядиться денежными средствами, и фактически не меняет прежнего положения авторов и исполнителей в отношениях с ним. Более правильным представлялось бы изложение нормы через формулировку «если иное не предусмотрено договором», что не создавало бы впечатления о возможности получения вознаграждения «в порядке исключения».

Разрешен вопрос о несоответствии положений Закона Гражданскому кодексу Республики Беларусь: постанова отнесена к разновидности исполнения. Однако в ходе исторического развития правовой охраны авторского права и смежных прав в Республике Беларусь постанова всегда являлась самостоятельным объектом охраны, равно как и является на настоящий момент согласно законодательным актам некоторых постсоветских государств. Более того, постанова могла быть признана самостоятельным объектом охраны авторского права, относящимся к категории аудиовизуальных произведений, поскольку отвечает признакам такого объекта. Вместе с тем, режиссер-постановщик спектакля признавался бы автором постановки и одновременно автором «режиссерского плана», который относится к категории сценарных произведений.

Закрепление законодателем понятия «исключительное право», которое означает право автора, обладателя смежных прав и иного правообла-

дателя использовать произведение в любой форме любым способом и разрешать такое использование, стало попыткой поставить точку в дискуссиях о его содержании. Исчерпывающие перечни прав автора и субъектов смежных прав стали открытыми.

Среди положительных черт закона следует отметить изменение объема прав субъектов: за автором и исполнителем закреплено право на неприкосновенность произведения и исполнения, которое обозначает, что без их согласия не допускается внесение в произведение, исполнение любых изменений. За автором архитектурного проекта закреплено право участвовать в разработке строительного проекта и право авторского надзора за строительством объекта. Также за исполнителем закреплено право авторства в отношении исполнения и изменен объем права на имя.

Таким образом, Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» является итогом многолетней работы над достойным закреплением и обеспечением прав авторов и обладателей смежных прав. Однако, как показало исследование норм Закона, несмотря на устранение многих спорных вопросов, Закон в отдельных случаях сам создает предпосылки несоответствия норм фактическому правопорядку в государстве.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В ОБЛАСТИ БЕСПЛАТНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

М. Л. Коян

Белорусский государственный университет

Гражданам Республики Беларусь согласно Конституции гарантирует право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Охрана здоровья является широким понятием и определяется как совокупность политических, экономических, правовых, социальных, культурных, научных, экологических, медицинских, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья настоящего и будущих поколений людей. Таким образом, сохранение, поддержание и восстановление здоровья человека обеспечиваются различными мерами, одной из которых являются меры медицинского характера, реализация которых осуществляется в процессе возникающих правоотношений между медицинским учреждением (врачом) и пациентом.

Медицинская помощь, оказываемая гражданам, может быть двух видов: 1) бесплатная медицинская помощь; 2) платная медицинская помощь

Платные медицинские услуги являются дополнительными к гарантированному государством объему бесплатной медицинской помощи и ока-

зываются гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения на основании письменных договоров возмездного оказания медицинских, за исключением платных медицинских услуг, оказываемых анонимно.

Таким образом, в сфере платного медицинского обслуживания уже действует гражданское регулирование отношений между пациентом и учреждением. Однако, на наш взгляд, возможным и целесообразным является также развитие гражданско-правового регулирования отношений в сфере бесплатной медицинской помощи. Данное регулирование необходимо по ряду причин:

1. Реализация права граждан на бесплатное медицинское обслуживание посредством установления дополнительной гражданско-правовой ответственности для субъектов данных отношений.

2. Круг субъектов, которые обращаются за бесплатной медицинской помощью, очень широк, а механизмы правовой защиты их прав на сегодняшний момент недостаточно проработан. По сути, существует лишь ряд норм, предусмотренных уголовным и административным законодательством, а также такая форма, как согласие пациента на медицинское вмешательство, однако этого, безусловно, недостаточно.

Российские юристы уже довольно активно применяют к услугам по оказанию бесплатной медицинской помощи нормы гражданского законодательства, в частности, договор возмездного оказания услуг в пользу третьего лица. Данная юридическая конструкция логична и вполне применима, исходя из анализа законодательства, и в нашей Республике, однако имеет ряд недостатков, которые затрудняют ее практическое применение. Целесообразно, на наш взгляд, для регулирования отношения по оказанию бесплатной медицинской помощи выделить отдельный гражданско-правовой договор как вид договора по возмездному оказанию услуг, который непосредственно регулировал бы услуги в сфере бесплатной медицины.

ДОГОВОР ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА КАК ВИД КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА

Ю. А. Хватик

Белорусский экономический государственный университет

В статье 1 Конституции Республики Беларусь закреплено положение, что Республика Беларусь является социальным государством. Целям построения социального государства в полной мере соответствует разработка и внедрение на законодательном уровне системы защиты прав физических лиц как участников банковских правоотношений. В настоящее время направление работы с физическими лицами стало приоритетным

для большинства банков Республики Беларусь. Открылось несколько банков, ориентированных исключительно на предоставление потребительских кредитов (ЗАО «Дельтабанк», ЗАО «Хоумкредитбанк»). Это обусловлено развитием потребительского кредитования как одного из приоритетов социально-ориентированной экономики Республики Беларусь.

Потребительский кредит – это достаточно новое явление в экономической и правовой жизни нашего государства, имеющее важное значение для развития рынка банковских услуг и экономики в целом. Как всякая новация данный вид кредитования порождает различные проблемы в правоприменительной практике, которые в большей степени обусловлены отсутствием легального определения договора потребительского кредита в законодательстве Республики Беларусь, неопределенностью существенных условий этого договора, а также прав и обязанностей его сторон. По нашему мнению, обоснованной является позиция о том, что договор потребительского кредита и кредитный договор соотносятся как вид и род. При этом наличие родовидовых связей подразумевает, что понятие, относимое к виду, располагая всеми основными характерными чертами рода, одновременно имеет некоторые специфичные признаки (особенности), которые и позволяют выделить его в отдельный вид родового понятия.

Исследуя правовую природу кредитного договора, следует основываться на положениях ст. 771 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой по кредитному договору банк или иная кредитно-финансовая организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) другому лицу (кредитополучателю) в размере и на условиях, предусмотренных договором, а кредитополучатель обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за нее. Основываясь на приведенном определении, можно выделить следующие признаки кредитного договора: во-первых, кредитный договор порождает *двухстороннее обязательство* – как со стороны кредитора (предоставить кредит), так и со стороны кредитополучателя (возвратить полученный кредит и уплатить за него проценты) возникают права и обязанности – и является казуальной сделкой; во-вторых, данный договор является *возмездным*; в-третьих, *консенсуальность* кредитного договора предопределяется наличием обязательства предоставить кредит второй стороне.

Таким образом, договор потребительского кредита как вид кредитного договора обладает теми же признаками. В то же время как разновидность рода он обладает специфическими признаками, которые обосновывают выделение данного договора в отдельный вид. Так, видообразующими признаками договора потребительского кредита являются: 1) целевой характер данного кредита. Он должен быть использован исключительно на потребительские цели (личные, семейные, бытовые и

иные, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности); 2) субъектный состав данного кредитного обязательства. На стороне кредитополучателя в договоре потребительского кредита может быть только физическое лицо – потребитель банковской услуги; 3) специальное правовое регулирование, отражающее специфику субъектного состава этого правоотношения и обеспечивающее дополнительные гарантии защиты слабой стороны договора – кредитополучателя.

Раздел IV

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ПРЕДЕЛЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ АПЕЛЛЯЦИОННЫМ СУДОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Ю. А. Михеева

Белорусский государственный университет

Пределы рассмотрения дела во второй инстанции все еще остаются одним из наиболее дискуссионных вопросов в современном гражданском процессе. Для гражданского процессуального права Республики Беларусь этот вопрос актуален еще и в связи с предстоящим введением апелляции, которая заменит ныне существующий кассационный порядок проверки не вступивших в законную силу постановлений суда первой инстанции.

В суде второй инстанции дело может проверяться или в полном объеме, или в объеме требований, указанных в жалобе. В Республики Беларусь существует ревизионный порядок пересмотра гражданских дел в суде второй инстанции, что констатируем на основании ст. 423 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК). Суд кассационной инстанции не связан доводами кассационной жалобы или кассационного протеста и обязан проверить дело в полном объеме. Ревизионный порядок пересмотра судебных постановлений судом второй инстанции, с одной стороны, ограничивает принцип диспозитивности, требует полного и всеобъемлющего изучения материалов дела в условиях загруженности судов, но с другой – остается гарантией законности, обеспечивающей восстановление справедливости, даже если кассационная жалоба не содержит ссылок на имевшие место при рассмотрении и разрешении дела нарушения законодательства.

При введении апелляции будет использована с учетом специфики данной формы обжалования вторая модель пересмотра, которая за основу берет принцип, существовавший еще в Древнем Риме: *tantum devolutum quantum appellatum* («сколько жалобы, столько решения»). В силу этого принципа гражданское процессуальное законодательство многих зарубежных стран ограничивает полномочия апелляционного суда пределами требований апелляционной жалобы (§ 525 ГПК Германии, § 462 ГПК Австрии, ст. 562 ГПК Франции и др.). Апелляционный суд должен проверять правильность решения суда первой инстанции в отношении лица, подавшего жалобу, и только в отношении обжалованной части решения.

Однако следует предусмотреть ряд гарантий, обеспечивающих наиболее полную защиту прав и законных интересов граждан, а также соблюдение законности, а именно:

1. Закрепить возможность выхода за пределы жалобы, если во время рассмотрения дела будет установлено неправильное применение норм права, при которых решение в любом случае подлежит отмене.

2. Предусмотреть больший срок для подачи апелляции, чем ныне существующий срок обжалования, с тем чтобы лицо имело достаточно времени для составления полного, обоснованного, юридически грамотного апелляционного заявления. Возможно также использование механизма разного срока обжалования в зависимости от объекта (определения суда первой инстанции могут быть обжалованы в меньший срок, нежели решения).

На сегодняшний день в кассационном производстве установлены элементы апелляции: «...суд по имеющимся в деле и дополнительно полученным доказательствам проверяет...» (ч. 1 ст. 423 ГПК). В развитие этого положения в ст. 423 включена ч. 3, прямо закрепляющая, что суд кассационной инстанции оценивает имеющиеся в деле и дополнительно собранные доказательства, подтверждает указанные в обжалованном решении или устанавливает новые обстоятельства, имеющие значение для дела. Однако ГПК Республики Беларусь не устанавливает каких-либо иных критериев принятия новых доказательств в суд второй инстанции, кроме общих требований, предъявляемым ко всем доказательствам. Поэтому необходимо закрепление условий, при которых новые доказательства могут быть представлены, например, если обоснована невозможность их представления в суде первой инстанции по не зависящим от лица и признанным судом второй инстанции уважительными причинам.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ВЗЫСКАНИЯ РАСХОДОВ, ЗАТРАЧЕННЫХ ГОСУДАРСТВОМ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Е. А. Мухасёва

Белорусский государственный университет

Обусловленное различными причинами значительное увеличение размеров социального сиротства в нашей стране на рубеже XX–XI вв. вызвало острую необходимость в комплексном законодательном урегулировании правоотношений по взысканию расходов с родителей, чьи дети находятся на государственном обеспечении, а также в усилении публичного момента при осуществлении защиты вытекающих из них

прав несовершеннолетних детей и интересов государства. Стало понятно, что существующий на то время арсенал мер воздействия на должников, обязанных возмещать расходы на содержание детей, «практически себя исчерпал».

РевOLUTIONНЫМ шагом в укреплении и совершенствовании системы работы по защите прав и законных интересов детей, повышении ответственности родителей за их воспитание стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее – Декрет № 18), со вступлением в силу которого в республике была создана правовая база для проведения единой государственной политики, обеспечивающей приоритетную защиту прав детей и стимулирование родителей к надлежащему выполнению семейных обязанностей.

В развитие Декрета № 18 принято большое количество нормативных правовых актов различного уровня, а нормы, регулирующие основания и порядок взыскания расходов на содержание детей, стали частью не только семейного, но и гражданского, гражданско-процессуального, административного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального, жилищного законодательства Республики Беларусь.

Таким образом, в праве и законодательстве Республики Беларусь появился новый институт – институт взыскания расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (далее – институт взыскания расходов на содержание детей).

Появление нового института потребовало определения его правовой природы, установления соотношения с институтом алиментных обязательств.

Следует констатировать, что урегулирование на базе Декрета № 18 и изданных в его развитие правовых актов порядка и оснований взыскания расходов на содержание детей привело к появлению качественно нового межотраслевого функционального института, близкого, но не тождественного институту алиментных обязательств, института семейно-правовой ответственности с преобладанием в нем публично-правового интереса.

Перевес публичного начала в рассматриваемых правоотношениях предопределяет основные особенности института взыскания расходов на содержание детей, которые выражаются в устанавливаемых государством дополнительных механизмах, позволяющих усилить эффективность взыскания расходов на содержание детей.

Институт взыскания расходов на содержание детей может быть отнесен к межотраслевым функциональным институтам, так как принадлежит смежным, неоднородным отраслям права: семейному, предусматриваю-

щему основания взыскания расходов на содержание детей; гражданско-му, регулирующему вопросы солидарной ответственности родителей, порядок и условия сдачи в наем жилых помещений обязанных лиц; трудовому, определяющему порядок трудоустройства обязанных лиц; уголовному и административному, устанавливающих ответственность обязанных лиц за уклонение от возмещения расходов на содержание детей и трудоустройства по судебному постановлению; уголовно-процессуальному и административно-процессуальному, регулирующим порядок привлечения таких лиц к уголовной и административной ответственности; гражданскому процессуальному, разрешающему вопросы рассмотрения, разрешения и исполнения судами дел о взыскании расходов на содержание детей.

К ВОПРОСУ О ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

А. Ю. Шершнева

Белорусский государственный университет

Принцип гласности гражданского процесса раскрывается в ст. 17 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь через проведение, по общему правилу, открытого судебного заседания и лишь в отдельных, определенных законом случаях – слушания дела в закрытом судебном заседании. Вместе с тем, современное понимание принципа гласности намного шире и не может ограничиваться только установлением порядка допуска лиц в зал судебного заседания. Так, по мнению профессора В. С. Каменкова, принцип гласности современного правосудия выражается также в доступности и открытости всевозможной информации о работе судов, о времени работы и приема населения, их полномочиях, подведомственных им спорах, порядке приема и рационального рассмотрения обращений, о выездных судебных заседаниях, о назначенных к слушанию общественно значимых процессах, о принятых постановлениях, их исполнении, порядке обжалования отказа в принятии заявления и т. п.

Поэтому в современном гражданском процессе неотъемлемой составляющей принципа гласности становится транспарентность (от англ. *transparency*). Термин «транспарентность» является новым для белорусского гражданского процесса и пока не имеет легального определения. В буквальном переводе он означает «прозрачность». В процессуальном понимании данный термин трактуется неоднозначно. Так, В. С. Каменков отождествляет транспарентность с гласностью, прозрачностью правосудия. Д. И. Гунин определяет транспарентность в праве как правовой ин-

ститут и возникающий на его основе правовой режим, складывающийся из совокупности правоотношений по поводу доступа различных субъектов к интересующей их информации с должной полнотой, достаточностью и достоверностью. Л. К. Терещенко полагает, что термин «транспарентность», заимствованный из зарубежной практики, тесно связан с публичностью, открытостью, доступом к информации, но, по сути, ближе всего к терминам прозрачности и доступности.

В белорусском законодательстве закреплено право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, а также обязанность государственных органов предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы (Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» и др.). В Указе Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» (далее – Указ) установлено, что с учетом современных условий суды должны быть более мобильными и открытыми для населения, а выносимые решения должны быть понятны не только юристам, но и самым широким слоям населения. В Указе определены следующие направления совершенствования деятельности общих судов:

1. Обеспечение дальнейшего повышения качества, оперативности и доступности правосудия, для чего судам необходимо системно взаимодействовать со средствами массовой информации, осуществлять поиск новых форм обратной связи с населением, в том числе путем мониторинга обращений, введения «телефонов доверия», проверки критических публикаций в средствах массовой информации.

2. Разработка специального банка данных судебных решений, интегрированного в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН», для судов, органов прокуратуры, адвокатуры, других организаций и граждан.

3. Обеспечение материально-технической базы и нормативного регулирования фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях.

Все перечисленные выше положения позволяют говорить о предстоящем расширении транспарентности гражданского процесса в Республике Беларусь. Полагаем, что во исполнение норм Указа, касающихся основных направлений развития системы общих судов необходимо закрепление основ транспарентности на уровне отдельного закона о доступе к информации о деятельности судов.

ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА УКРАИНЫ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. И. Попов

*Национальный университет «Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»*

Конституция Украины 1996 г. закрепила статус Конституционного суда Украины (далее – КСУ) как гаранта верховенства Основного Закона государства, юрисдикция которого охватывает все сферы государственной и общественной жизни, урегулированных на законодательном уровне. Не является исключением и сфера гражданского судопроизводства.

За 15-летний период функционирования КСУ вынесено значительное количество решений, которые непосредственно или частично затрагивают сферу гражданского судопроизводства. Так, например, своими решениями № 9-зп/1997 от 25.12.2007 и № 15-рп/2002 от 09.07.2002 КСУ раскрыл содержание конституционных положений о неограниченности судебной юрисдикции и права на судебную защиту. Указанные позиции КСУ нашли свое отображение в современных положениях гражданского процессуального законодательства, в частности нового ГПК Украины, принятого в 2004 г. Ярким примером влияния практики КСУ на гражданское процессуальное законодательство является также решение КСУ № 8-рп/2010 от 11.03.2010, которым был разрешен актуальный вопрос о статусе Верховного Суда Украины в системе судов общей юрисдикции. Впоследствии данное решение легло в основу ныне действующего Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей», принятого в июле 2010 г.

Таким образом, практика КСУ оказывает существенное влияние на развитие гражданского процессуального законодательства, что обуславливает необходимость научного исследования данной проблематики. Следует отметить, что отдельным аспектам указанной проблемы посвящены работы украинских и зарубежных ученых В. В. Комарова, Д. Д. Луспеника, М. К. Треушниковой, О. Ю. Котова, Б. С. Ебзеева и др.

Анализ решений КСУ с позиции их влияния на развитие гражданского процессуального законодательства в первую очередь требует их систематизации, т. е. поиска критерия классификации основных направлений влияния практики КСУ на сферу гражданского процесса. В этом аспекте интересной представляется позиция, высказанная российским ученым О. Ю. Котовым, который предлагает положить в основу данной классификации такой критерий, как «право на судебную защиту». Указанный автор утверждает, что вопрос о влиянии решений конституционного суда на гражданское судопроизводство следует разрешать как с позиции уяснения проблемы расширения сферы судебной защиты, так и с

позиции контроля за доброкачественностью гарантий права на судебную защиту. Каждому праву, в том числе и праву на судебную защиту (ст. 59 Конституции Украины), присущи определенные гарантии его реализации. Отсутствие последних превращает право в декларацию и ставит под сомнение возможность его реализации на практике.

Именно на основе таких гарантий определяются основные направления влияния практики КСУ на развитие гражданского процессуального законодательства, которые предлагается разделить на три группы: 1) решения, которые непосредственно влияют на сферу судебной защиты прав; 2) решения, которыми признаются неконституционными отдельные положения ГПК Украины и иных законов, регулирующих гражданское судопроизводство; 3) решения, которыми преодолеваются коллизии между гражданскими процессуальными нормами.

Решения КСУ зачастую раскрывают содержание различных положений гражданского процессуального законодательства, что способствует в первую очередь возрастанию эффективности правоприменения и предотвращению возникновения различного рода противоречий между гражданскими процессуальными нормами и нормами Конституции Украины.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

А. В. Лаевская

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь*

Обеспечение доказательств является способом собирания доказательств в случаях, когда есть основания полагать, что их представление станет впоследствии невозможным или затруднительным. Обеспечение электронных доказательств путем их осмотра особенно актуально, когда речь идет о доказательствах, размещенных в сети Интернет, так как последние могут быть впоследствии удалены или изменены. Вместе с тем, правовое регулирование порядка обеспечения доказательств в действующем процессуальном законодательстве Республики Беларусь не предусматривает особенностей совершения данного процессуального действия применительно к электронным средствам доказывания, что создает ряд проблем в практике правоприменения. В частности, ч. 3 ст. 109 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) может быть истолкована как устанавливающая исчерпывающий перечень процессуальных действий по обеспечению доказательств, включающий наложение ареста, истребование доказательств от других лиц и организаций и осмотр вещественных доказательств. При таком

толковании обеспечение доказательств в виде Интернет-страниц невозможно, так как исходя из положений ХПК, Интернет-страницы относятся к письменным, а не вещественным доказательствам.

Еще одна проблема в сфере обеспечения электронных доказательств обусловлена нормой ХПК, предусматривающей, что ходатайство об обеспечении доказательств может быть подано только после принятия судом дела к производству. Данная норма требует своего совершенствования, поскольку при подаче ходатайства ответчик уже будет уведомлен о возбуждении дела и сможет удалить или изменить доказательства до начала их обеспечения.

В гражданском процессе заявление об обеспечении доказательств может быть подано как до, так и после возбуждения дела в суде. Однако ч. 2 ст. 235 ХПК предусматривает, что при подаче заявления до возбуждения дела заявитель должен обратиться в суд, в районе деятельности которого должны быть совершены процессуальные действия по обеспечению доказательств. При наличии компьютера, подключенного к сети Интернет, обеспечение доказательств в виде Интернет-страниц может быть осуществлено в любом суде. Однако законодатель оперирует именно глаголом «должны», а не «могут». Цитируемая норма не содержит критериев, позволяющих определить суд, который должен обеспечить доказательства. Эта норма может быть истолкована как обязывающая суд обеспечить доказательства в том случае, если они находятся в районе деятельности суда. При таком подходе на практике возможен отказ в обеспечении доказательств до возбуждения дела. Дело в том, что Интернет-страницы находятся на сервере сети Интернет, и, зачастую, за рубежом, то есть вне района деятельности какого-либо белорусского общего суда.

Проблема состоит также в отсутствии разъяснений вышестоящих судов по технической стороне обеспечения электронных доказательств. Выработка таких рекомендаций помогла бы не только разрешить проблему недостатка навыков работы с компьютером и Интернетом и наличия психологического барьера к новым формам работы, но также послужила бы сигналом для граждан и организаций о действительной возможности обеспечения электронных доказательств через белорусские суды.

На сегодняшний день необходимо констатировать, что стороны избегают обращения в национальные суды для обеспечения электронных доказательств и либо уповают на добросовестность ответчиков, либо обращаются за обеспечением электронных доказательств к нотариусам Российской Федерации. Защита прав и законных интересов участников процесса не может быть поставлена в зависимость от возможности осуществления каких-либо процессуальных действий за рубежом. Необходимы меры, которые позволят осуществлять эффективное обеспечение электронных доказательств в Республике Беларусь.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДЕ

Т. С. Петренко

*Национальный университет «Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»*

Законодательство Украины традиционно основано на возможности представления письменных актов исключительно на бумажных носителях. В связи с этим на сегодняшний день неопределенной остается правовая сущность электронной формы документа. Отсутствует определенность в вопросе допустимости представления электронных документов (далее – ЭД) в качестве письменных доказательств в суде. На раннем этапе развития экономики стран СНГ внимание к ЭД акцентировалось лишь в процессе их использования в отдельных отраслях экономики и права. Сегодня же системы электронного документооборота широко используются почти во всех сферах жизнедеятельности общества. Это обусловило легализацию на законодательном уровне системы электронного документооборота между бизнес-структурами и государственными органами.

Украинский законодатель определил понятие ЭД в ст. 5 Закона Украины «Об электронном документе и электронном документообороте». Так, в соответствии с этим положением, электронным документом является документ, информация в котором зафиксирована в виде электронных данных, включая обязательные реквизиты документа.

Допустимость ЭД как доказательства в суде не может отрицаться или каким-то образом ограничиваться исключительно на основании того, что он имеет электронную форму. В этом случае важным является не форма закрепления и/или фиксации информации, а сама информация, которую несет в себе определенный материальный объект.

На сегодня к ЭД предъявляются определенные Законом требования, что и отличает его от обычной фиксации информации в электронных данных, поскольку оригиналом ЭД считается электронный экземпляр документа с обязательными реквизитами, в том числе с электронной цифровой подписью автора. Анализ совокупности законодательных актов, регулирующих данный вопрос, позволяет определить основные требования, предъявляемые к ЭД, необходимые для использования их в суде. Они состоят в следующем: необходимо соблюдать письменную форму действий, которые совершаются с использованием ЭД; ЭД должен иметь все реквизиты, необходимые для такого вида документа, если бы он составлялся в бумажном виде; наличие электронной цифровой подписи автора (далее – ЭЦП). Наложением электронной подписи завершается образование ЭД.

Прежде всего ЭД по содержанию должны соответствовать документам, которые были бы составлены на бумажном носителе в случае такой необходимости, и требованиям, предъявляемым к этим документам законодательством Украины. При оформлении ЭД также следует учитывать, что они не должны противоречить общим положениям законодательства, даже если действия, которые оформляются такими документами, регулируются специальными законами или иными подзаконными актами. Важно упомянуть о том, что при использовании ЭД необходимо помнить и о процессуальных требованиях ко всем видам доказательств. Несмотря ни на что, любое доказательство и/или средство доказывания (в том числе и ЭД) должно быть надлежащим в процессуальном смысле этого термина.

Процесс подачи таких документов в судебном процессе плохо регламентирован украинским законодательством. Для подачи документа в оригинале, т. е. в электронном виде, необходимо наличие в судах определенного оборудования, компьютеров и программ для ознакомления с такими документами, проверки оригинальной ЭЦП документа и т. д. Но, как свидетельствует практика, далеко не все суды имеют такую техническую возможность. Законодательно подтверждено, что электронная копия ЭД удостоверяется в порядке, установленном законом. Самого порядка удостоверения ЭД нет. Единственный акт, который более или менее регламентирует данный вопрос, является Приказ департамента интеллектуальной собственности от 1 февраля 2011 г. № 24-Н, который утвердил «Временный порядок составления, подачи и экспертизы заявки на объект права интеллектуальной собственности» в форме электронного документа. Ориентируясь на него, можно приблизительно сформировать представление о том, каким образом оформляются такого рода документы. Судебная практика пока что не позволяет делать какие-то конкретные рекомендации, касающиеся процедуры подачи ЭД в судебном процессе.

Таким образом, актуальность данного вопроса состоит в том, что введение в отечественное судопроизводство активного использования института ЭД упростит не только осуществление сделок, документооборот бизнес-структур, но и окажет помощь в процессе доказывания в судопроизводстве.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. М. Беликова

Кубанский государственный университет

Медиация в ее современном понимании начала развиваться во второй половине XX ст. и прежде всего в странах англо-саксонского права. Впоследствии медиация получила признание при урегулировании конфлик-

тов самого широкого круга, начиная от семейных и заканчивая сложными многосторонними разногласиями в коммерческой и публичной сфере.

В середине 2010 г. в Российской Федерации был принят Закон о медиации, и сейчас, спустя некоторое время можно судить о пробелах, допущенных при его разработке.

В соответствии с ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Таким образом, медиация в первую очередь является способом разрешения споров. Очевидно, что не все споры могут быть разрешены с помощью медиации. Она не применима к уголовным и иным отношениям с участием субъекта, наделенного властными полномочиями.

В качестве сторон в процедуре медиации выступают лица, желающие урегулировать спор. Это те, кто может являться субъектами гражданских, трудовых и семейных правоотношений. Если споры, возникающие из указанных правоотношений, могут быть урегулированы с помощью медиации, значит, их субъекты могут быть сторонами в процедуре медиации.

Нельзя обойти стороной вопрос о представительстве в рамках процедуры медиации, который возникает в случае с несовершеннолетними физическими лицами. Закон о медиации никак не регулирует отношения представительства, поэтому нам остается руководствоваться только положениями ГК РФ о дееспособности малолетних и несовершеннолетних и представлениями о сущности процедуры медиации.

Федеральный закон от 27.07.2010 г. различает два вида медиаторов: профессиональных и не профессиональных. Анализ данного акта позволил выявить следующие различия:

1. Только профессиональный медиатор может осуществлять процедуру медиации по спорам, переданным на рассмотрение суда или третейского суда до начала проведения процедуры медиации.

2. Только профессиональный медиатор может вступать в члены саморегулируемой организации медиаторов. Никаких дополнительных прав членство в этой организации не дает, а накладывает обязанности по соблюдению дополнительных требований, установленных непосредственно саморегулируемой организацией. Поэтому логика членства в саморегулируемой организации исчерпывается ускорением профессионального роста и увеличением доверия к медиатору как члену подобной организации.

Законодатель закрепляет диспозитивность нормы касательно утверждения медиативного соглашения в качестве мирового соглашения (ч. 3 ст. 13). Но какой тогда останется смысл заключенного медиативного соглашения? Вступая в процедуру медиации на стадии разрешения спора судом, стороны руководствуются в частности тем, что судебные тяжбы – это затратное дело, результат их неизвестен, поэтому лучше договориться.

Но когда решение суда уже вынесено, все эти доводы теряют значимость, и остается лишь выигравшая сторона с возможностью принудительного исполнения решения суда. Поэтому, на наш взгляд, медиативное соглашение, заключенное после передачи спора на рассмотрение суда, всегда должно оформляться в качестве мирового соглашения.

ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРАВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ УЧАСТВОВАВШИХ В ДЕЛЕ

Ю. И. Стальмахова

Белорусский государственный университет

Решение суда по спору между истцом и ответчиком может повлиять на права третьих лиц. В зависимости от степени заинтересованности в исходе дела Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) предусматривает возможность участия в гражданском процессе третьих лиц заявляющих самостоятельные требования на предмет спора и не заявляющих таких требований и участвующих в деле на стороне истца или ответчика. Чтобы защитить свои права, третье лицо должно принять участие в процессе.

Вступившее в процесс третье лицо с самостоятельными требованиями имеет все права и обязанности истца (ст. 65 ГПК). Отличительная особенность третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, – такие лица не являются субъектами спорного материального правоотношения, и в отношении них судебное постановление не выносится, поскольку в данном процессе вопрос об их правах и обязанностях не разрешается.

Право на обжалование судебного постановления является одним из фундаментальных прав юридически заинтересованных в исходе дела лиц, к которым в соответствии со ст. 54 ГПК относятся третьи лица, и им в полной мере обладают третьи лица, ходатайства которых о допущении к участию в деле судом удовлетворены. Но теоретический и практический интерес представляет вопрос о том, каковы возможности указанных лиц при отклонении судом их ходатайства о вступлении в процесс, когда такое лицо не может быть признано юридически заинтересованным в исходе дела, хотя такой интерес у него имеется. Отметим, что вопрос о реализации права на обращение в суд кассационной инстанции лицами, не привлеченными к участию в деле, возник достаточно давно.

ГПК БССР 1964 г. давал право указанным лицам обжаловать определение судьи об отклонении ходатайства о допущении к участию в деле (ст. 94, 95) путем подачи частной жалобы, до разрешения которой дело в суде первой инстанции не подлежало рассмотрению. При этом право на обжалование вынесенного по делу решения им предоставлено не было.

В действующем ГПК Республики Беларусь 1999 г. указано, что определение суда об отклонении ходатайство третьего лица о рассмотрении его иска совместно с первоначальным либо определение суда о недопущении к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора могут быть обжалованы одновременно с обжалованием решения суда (ст. 65, 67). В то же время в ст. 399 ГПК установлено, что не вступившее в законную силу решение суда может быть обжаловано в кассационном порядке заинтересованными в исходе дела лицами, а также иными лицами, если суд вынес решение об их правах и обязанностях.

При буквальном толковании ст. 65 и ст. 399 ГПК противоречия между ними не усматривается. Как ни толковать термин «одновременно» – «в те же сроки» или «вместе с жалобой на решение суда», третьи лица с самостоятельными требованиями могут защитить свое право на рассмотрение их иска совместно с первоначальным путем подачи частной либо кассационной жалобы. Иначе обстоит дело с третьими лицами без самостоятельных требований. Понимание термина «одновременно» в значении «вместе с судебным решением» ведет к противоречию, так как суд не выносит решение о правах и обязанностях указанных лиц, а, следовательно, у них нет права обжаловать решение суда, если они не допущены к участию в деле. Остается второе толкование – «в те же сроки», которое, на наш взгляд, является правильным и для первого, и для второго случая. То есть, третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора, при недопущении к участию в деле должно обращаться в кассационный суд с частной жалобой на определение суда, которая подается в десятидневный срок со дня объявления решения по делу.

ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА ХУТЫЗА М. Х. НА СИСТЕМУ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

М. А. Ювко

Кубанский государственный университет

С самого появления гражданского процесса началось и продолжается непрерывное развитие его принципов. Постепенное развитие естественным образом сопровождалось формированием системы принципов как их взаимодействующей, взаимосвязанной совокупности.

Хутыз Мурбек Хаджумарович – известный ученый, внесший весомый вклад в науку гражданского процессуального права, его труды до сих пор вызывают интерес ученых-процессуалистов. В своих трудах он подверг глубокому анализу положения гражданского процессуального законодательства и уделил особое внимание Основам гражданского су-

допроизводства и ГПК 1964 г. В работе рассмотрены только актуальные для современного гражданского процесса положения об отдельных принципах и их системе.

Посредством применения исторического и системного методов проанализировано взаимодействие принципов объективной истины, состязательности, активности суда, диспозитивности, законности. Отдельное внимание уделено подходу М. Х. Хутыза к рассмотрению взаимосвязи указанных принципов.

В результате научного изыскания автор приходит к выводу о необходимости более широкого применения подхода профессора не только в гражданско-процессуальной, но и в иных отраслях юридической науки. Данная практика способствовала бы более гармоничному, сбалансированному развитию системы принципов, а значит более эффективному их применению.

МЕДИАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Д. В. Карачун

Белорусский национальный технический университет

В настоящее время тема альтернативных способов разрешения споров становится как никогда актуальной. Медиация уже стала частью правовой системы и культуры многих государств, поэтому целью работы является наиболее подробное и детальное изучение данной технологии, а также перспективы развития ее в Республике Беларусь. На данный момент в нашей стране медиация не обладает широким распространением. В республике только планируется ввести закон «О медиации».

Основополагающими принципами медиации являются добровольность участия, конфиденциальность, нейтральность медиатора. Она используется при разрешении конфликтов в семейной сфере; в экономической и трудовой сфере, при конфликтах как внутри предприятия, так и между фирмами; в учреждениях, включая государственные, неправительственные организации, общественные организации, научные институты, церковь; в общественно-правовой сфере, главным образом в конфликтах, связанных с вопросами охраны окружающей среды; в политической сфере; при мировых соглашениях между виновником и пострадавшим.

В становлении медиации в Беларуси уже сделаны первые шаги: проведены серии обучающих семинаров, организованы стажировки за рубежом, в БГУ и при курсах повышения квалификации юридических профессий появился спецкурс по медиации, проходят публичные выступления, создан Центр разрешения конфликтов. Кроме того, в Трудовом ко-

дексе Республики Беларусь существует статья, которая предусматривает обращение сторон по соглашению между ними к посреднику.

В 2010 г. каждое третье дело, поступившее в хозяйственный суд, было рассмотрено в процедуре посредничества и завершилось в более чем 80 % (18 783 дела) случаев подписанием мирового соглашения. Однако основным препятствием развития медиации в нашей стране является отсутствие специалистов, поэтому необходимо создавать все условия для подготовки медиаторов.

Медиация – абсолютно новое явление для Беларуси. Понадобится около 20 лет, чтобы медиация была признана обществом. Безусловно, сотрудничество с судебной властью позволит сделать внедрение данной процедуры в Республике Беларусь более быстрым и эффективным.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АТТЕСТАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Ю. И. Мильто

Белорусский государственный университет

Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью и ценностью жизни и здоровья человека, что предопределяет приоритетность развития сферы социальной политики любого государства, что достигается, в том числе, и созданием системы качественного медицинского обслуживания. Эффективная реализация указанного направления социальной политики невозможна без надлежащего обеспечения системы здравоохранения высококвалифицированными медицинскими работниками, что вызывает необходимость разработки специального механизма регулирования их трудовой деятельности и установления законодательных требований к уровню подготовки данной категории работников.

Специфика аттестации медицинских работников заключается в определении теоретического и практического уровня подготовки медицинских работников, систематизации оценки соответствия их профессиональной деятельности стандартам выполнения работы, направленной на обеспечение права граждан на получение медицинской помощи.

Проблему разработки стандартизированной процедуры аттестации медицинских работников, пытаются разрешить на уровне Европейского Союза (далее – ЕС), что подтверждает факт принятия нормативно-правовых актов – регламентов, действующих в государствах – членах ЕС, и имеющих обязательную силу для государств их ратифицировавших.

Так, в 1996 г. принят Регламент ЕС об основных требованиях, предъявляемых к аттестации медицинских работников, 1996 г. отражающий

порядок прохождения аттестации, подготовки к осуществлению медицинской деятельности, сдачи аттестационных экзаменов и т. д.

Например, в Великобритании, профессиональная деятельность медицинских работников с 1858 г. регулируется Законом о медицинской деятельности, предусматривавшим создание Генерального медицинского совета (далее – ГМС). В настоящее время действует Закон о медицинской деятельности 1983 г. В реестр ГМС включаются все медицинские работники, практикующие в Великобритании.

Что касается Республики Беларусь, то здесь прослеживается континуитет преемственности с правовыми положениями, регулирующими процедуру аттестации медицинских работников, действовавшими в период СССР. При прохождении аттестации учитывается стаж работы по специальности, в который также включается время прохождения интернатуры, клинической ординатуры, магистратуры, аспирантуры, докторантуры по той же специальности, по которой сдается экзамен; время работы на должностях в аппарате Министерства здравоохранения и в организациях здравоохранения, медицинских учреждениях образования.

В данном правовом поле исследования проблематика видится в недостатке четкой правовой регламентации прохождения аттестации медицинскими работниками; отсутствии определения «аттестация медицинских работников», отражающего специфику данной процедуры с учетом особенности медицинской деятельности. Полагаем, можно дать следующее определение понятию «аттестация медицинских работников» – это регламентированная процедура определения уровня профессиональной подготовки, объема и качества знаний, практических навыков, которыми обладают медицинские работники всех специальностей, в установленном порядке допущенные к осуществлению профессиональной деятельности с целью роста их дальнейшей квалификации.

ПРОВЕДЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕДУР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ

И. О. Ворончук

Белорусский государственный университет

Основным механизмом реализации дифференциации труда руководителей организации является применение специальных норм, направленных на регулирование правового статуса руководителя организации в силу его сложности и неоднородности. Так, правовой статус последнего, наряду с иными источниками, регулируется нормами специальной главы 18 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси).

В контексте действующего законодательства трудовой договор с руководителем организации может быть прекращен по ряду дополнительных оснований расторжения трудового договора, одним из которых является проведение в отношении организации процедур экономической несостоятельности (банкротства) (ст. 258 ТК Беларуси). Согласно ст. 12 Закона Республики Беларусь от 18.07.2000 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» при рассмотрении дела о банкротстве должника – юридического лица применяются следующие процедуры банкротства: защитный период, конкурсное производство, мировое соглашение, иные процедуры банкротства, предусмотренные данным Законом.

Как представляется, трудовой договор с руководителем организации в порядке ст. 258 ТК Беларуси может быть прекращен не при проведении любой из вышеназванных процедур банкротства, но лишь при введении защитного периода и (или) открытии конкурсного производства.

Буквальное толкование положений ст. 258 ТК Беларуси позволяет сделать вывод, что достаточным основанием для принятия решения о расторжении трудового договора с руководителем организации по анализируемой статье выступает исключительно сам факт проведения в отношении организации процедур экономической несостоятельности (банкротства). В то же время, как отмечают некоторые белорусские исследователи в сфере трудового права (К. И. Кеник, А. Чичина), возможность расторжения трудового договора с руководителем организации по ст. 258 ТК Беларуси обусловлена первоначальным отстранением руководителя должника от должности в соответствии с требованиями законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве), после чего он может быть уволен в порядке ст. 258 ТК Беларуси.

В свою очередь, К. Л. Томашевский указывает, что «расторжение трудового договора с руководителем организации по ст. 258 ТК Беларуси возможно до или после принятия решения об отстранении его от работы, а также и без такого отстранения». Полагаем, подобное толкование в большей степени соответствует существующей редакции ст. 258 ТК Беларуси, но в то же время влечет расширение сферы применения данного основания прекращения трудового договора, что может быть использовано недобросовестным нанимателем для целей избежания выплаты руководителю организации компенсации за досрочное расторжение трудового договора, что было бы необходимым при увольнении последнего в порядке ст. 259 ТК Беларуси – расторжение трудового договора с руководителем организации по решению собственника имущества организации или уполномоченного им органа.

Для сравнения отметим, что редакция аналогичного основания прекращения трудового договора в Трудовом кодексе Российской Федера-

ции имеет принципиальное отличие: в соответствии с п. 1 ст. 278 Трудового кодекса Российской Федерации трудовой договор с руководителем организации прекращается в связи с отстранением от должности руководителя организации-должника в соответствии с законодательством о банкротстве.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования положений ст. 258 ТК Беларуси как основания прекращения трудового договора с руководителем организации.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ ВЫСТУПАТЬ РАБОТНИКОМ В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

И. В. Литвинова

Кубанский государственный университет

Вопрос о возможности недееспособных лиц выступать в качестве работника в трудовых правоотношениях до сих пор остается дискуссионным. На протяжении столетий общество либо отвергало лиц, страдающих психическими расстройствами, либо не замечало их существования. Современные стандарты по защите прав недееспособных лиц, закрепленные в международных актах, сходятся на том, что такие лица «имеют право продуктивно трудиться или заниматься каким-либо другим полезным делом в полную меру своих возможностей». Но, несмотря на это, в настоящее время совершеннолетние граждане, признанные судом недееспособными, в большинстве стран лишаются права работать по найму, т. е. заключать трудовые договоры.

В России, права и свободы недееспособных граждан регулируются Конвенцией СНГ «О правах и основных свободах человека» (ст. 18, 28), Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992, Постановлением Правительства РФ «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» от 25.05.1994 № 522, Гигиеническими требованиями к условиям труда инвалидов, на основании которых можно сделать вывод, что осуществление недееспособными лицами трудовой функции допустимо. Кроме того, ст. 227 ТК РФ закрепляет обязанность работодателя расследовать несчастные случаи на производстве с участием лиц, страдающих психическими расстройствами, Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» гарантирует содействие в трудоустройстве таких лиц.

Тем не менее отсутствие прямого указания закона на возможность заключения ими трудовых договоров вызывает споры в научных кругах,

в связи с чем проблема признания трудовой правосубъектности недееспособных граждан остается нерешенной. На наш взгляд, более предпочтительна позиция, согласно которой признание лица недееспособным не прекращает трудовую правосубъектность, а лишь изменяет объем и дифференцирует ее. Данной позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который в Определении № 13-В10-2 от 23.04.2010 г. указал на то, что «недееспособное лицо имеет право быть стороной трудовых правоотношений, особенности предусмотрены лишь для недееспособных лиц, выступающих работодателями». Таким образом, недееспособные граждане могут выступать в качестве работника и заключать трудовые договоры. Для более эффективной реализации ими своего права, на наш взгляд, необходимо предпринять ряд шагов, направленных на более четкое законодательное урегулирование данной проблемы.

Во-первых, целесообразно дополнить институт ограниченной дееспособности, предусмотренный действующим гражданским законодательством, нормой об ограничении дееспособности лиц с психическими расстройствами.

Во-вторых, представляется возможным провести дифференциацию трудов правового статуса дееспособных, ограниченно дееспособных и недееспособных работников, закрепив на федеральном уровне перечень психических заболеваний, при наличии которых лицо может быть признано только недееспособным и не может выступать в качестве работника по трудовому договору. Для тех же лиц, которые будут признаваться ограниченно дееспособными вследствие психических заболеваний, на наш взгляд, обоснованно ввести степени ограничения к труду в зависимости от заболевания (по аналогии с существующим ограничением к труду лиц, имеющих физические заболевания).

Указанное, на наш взгляд, внесет больше определенности в правовой статус недееспособных лиц в сфере наемного труда.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

П. А. Гуцко

Белорусский государственный университет

С 1 января 2001 г. в Республике Беларусь введена система адресной социальной помощи, цель которой в оказании материальной поддержки малообеспеченным гражданам, семьям, по объективным причинам, имеющим ограниченные финансовые возможности, в содействии их выходу из трудной жизненной ситуации. Остановимся на некоторых проблемах государственной адресной социальной помощи (далее – ГАСП).

Проблема социального иждивенчества. Сформировался устойчивый контингент семей, которые из месяца в месяц систематически получают данный вид социальной поддержки. Негатив данной ситуации состоит в том, что дети, вырастающие в таких семьях, не приучены своим трудом зарабатывать средства на жизнь. Существует необходимость применять меры по предупреждению возможного социального иждивенчества. С этой целью законодательством установлены определенные условия, предъявляемые к заявителям, или так называемые фильтры. Так, например, Комиссии по оказанию адресной социальной помощи наделены правом отказывать в предоставлении помощи семье, если ее трудоспособные члены не проявляют заинтересованности в самостоятельном улучшении материального положения либо недостаточно используют свой трудовой потенциал.

Еще одна проблема связана с тем, что среди семей, являющихся получателями адресной социальной помощи, нередко встречаются неблагополучные семьи, в которых трудоспособные родители имеют пристрастие к алкоголю, ведут асоциальный образ жизни, не работают. Для исключения нецелевого использования такими семьями материальной поддержки, она предоставляется им в натуральной форме. Специалистами органа по труду и социальной защите, социальными работниками на выделенные средства приобретаются продукты питания, товары, необходимые детям.

Механизм предоставления ГАСП постоянно совершенствуется. Так, с 1 января 2010 г. вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 14.09.2009 г. № 458 (в ред. от 26.04.2010 г.) «О государственной адресной социальной помощи», направленный на усиление социальной поддержки нуждающихся в ней граждан. Этим документом предусмотрен ряд нововведений, позволивших разрешить некоторые проблемы.

Изменения в законодательстве позволили расширить круг получателей социальной поддержки, упростить процедуру ее предоставления, а также более объективно оценивать нуждаемость семей (граждан) и рационально расходовать финансовые ассигнования.

Несмотря на нововведения, в законодательстве по-прежнему существуют пробелы. К примеру, оказался неурегулированным вопрос о предоставлении социального пособия на оплату средств реабилитации инвалидам третьей группы, отбывающим наказание в местах лишения свободы либо находящимся на принудительном лечении; вопрос о назначении социального пособия инвалидам третьей группы вследствие трудового увечья в тех случаях, когда «Белгосстрахом» им не выплачиваются средства на технические средства социальной реабилитации и др.

Таким образом, с целью оказания адресной поддержки действительно нуждающимся гражданам и семьям необходимо проводить работу по

совершенствованию системы адресной социальной помощи (усиление адресности, обеспечение максимальной доступности, своевременности и эффективности социальной помощи, рациональное расходование бюджетных средств и т. д.), развитию нормативно-правовой базы, регулирующей принципы ее предоставления. Стратегическими направлениями работы в этой области будут выступать отмена категориального подхода и поэтапное увеличение критерия нуждаемости.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СРОЧНЫХ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

С. И. Восканян

Белорусский государственный университет

В Трудовом Кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) предусмотрены виды срочного трудового договора, а также общие условия, когда возможно их заключение (ст. 17). Тем самым отечественный законодатель отразил в ТК норму ст. 2 Конвенции Международной организации труда 1982 г. № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (Республика Беларусь не ратифицировала данную Конвенцию) о необходимости установления гарантии против использования договоров о найме на определенный срок (в частности, путем ограничения сферы их применения определенными случаями). Такой подход основывается как на теории стабильности трудового правоотношения, так и на конституционной норме о гарантированности права на труд. Известно, что срочный трудовой договор ухудшает положение работника по сравнению с договором на неопределенный срок, прежде всего из-за возможности нанимателя уволить работника по истечении срока договора без каких-либо гарантий или обоснований. В то же время разновидностью срочного трудового договора является контракт, отличающийся от обычного срочного трудового договора порядком заключения и условиями. Как известно, заключать трудовые контракты можно со всеми работниками независимо от вида и характера выполняемых работ, профессии, специальности и квалификации. Таким образом, общая гарантия, ограничивающая сферу распространения срочных трудовых договоров, не действует.

Следует отметить, что за рубежом установлен ряд ограничительных норм, касающихся заключения трудовых договоров на определенный срок. Такие договоры могут быть заключены только при наличии определенных объективных условий; должны быть установлены максимальная длительность таких договоров и предельное число последовательно заключаемых срочных договоров. Так, если трудовой договор заключается на

срок без достаточных к тому оснований, работник может обратиться в суд с целью признания трудового договора действующим на неопределенный срок. За рубежом продление срока договора разрешено не более одного-трех раз (подобное предусмотрено, например, в законодательстве Великобритании, Японии и др.). Представляется целесообразным установление подобного ограничения и в Республике Беларусь, поскольку тем самым наниматель подтверждает свою заинтересованность в конкретном работнике. Последний, в свою очередь, получит значительно большую правовую защиту. Необходимо отметить и обязанность зарубежных нанимателей информировать временных работников об открывшихся вакансиях на постоянную работу (под временными работниками понимаются лица, с которыми заключен срочный трудовой договор). Временные работники должны иметь равное с другими работниками право занять эти вакансии.

Осознавая невозможность отказа от срочных трудовых договоров в пользу договоров на неопределенный срок, считаем необходимым при совершенствовании правового регулирования данного вида отношений учитывать основную задачу отрасли трудового права – установление и защита взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей (ст. 2 ТК). Конкретные предложения могут быть сформированы с учетом положительного зарубежного опыта в данной сфере.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Жолудева

Белорусский государственный университет

Трудовая миграция, обладая признаками добровольности, возвратности и направленности на конкретный экономический результат, способствует удовлетворению потребностей людей, в первую очередь, материальных. В то же время миграционные процессы оказывают непосредственное влияние на экономическую, политическую, демографическую и культурную жизнь конкретных государств. Их корректное правовое оформление и обеспечение в белорусской правовой системе необходимо для улучшения показателей во всех сферах общественной жизни. Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» от 30 декабря 2010 г. № 225-3 (далее – Закон № 225-3) достаточно полно определяет основные направления регулирования миграционных процессов. Тем не менее, ряд вопросов требует дальнейшего разрешения как для обеспечения надлежащего соблюдения прав граждан Республики Беларусь за рубежом, так и для защиты интересов нашего государства.

На наш взгляд, понятие внешней трудовой миграции, закрепленное в Законе № 225-З, не учитывает временный характер такого процесса и его непосредственных субъектов. Более точной полагаем следующую формулировку: «Внешняя трудовая миграция – это временный выезд из Республики Беларусь трудящихся-эмигрантов для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовому договору в государстве трудоустройства и осуществление такой деятельности в нем, а также въезд в Республику Беларусь трудящихся-иммигрантов для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовому договору и осуществление такой деятельности в Республике Беларусь».

Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции главным образом осуществляет Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Такой подход обеспечивает жесткое регулирование миграционных процессов, но не в полной мере соответствует компетенции органов внутренних дел. Более эффективное регулирование внешней трудовой миграции, по нашему мнению, можно обеспечить при разделении функций управления в указанной сфере между Министерством внутренних дел и Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь. В то же время необходимо возложить на конкретный государственный орган (например, органы государственной службы занятости населения) обязанности по трудоустройству трудящихся-мигрантов в Республике Беларусь и иных государствах и контролю за ним, а также взаимодействию с аналогичными органами в других государствах.

Закон № 225-З называет договоры, обеспечивающие процессы трудовой эмиграции: договор о трудоустройстве, договор о содействии в трудоустройстве и трудовой договор с трудящимся-эмигрантом. Таким образом, отношения в данной сфере формируют систему договорных связей, которые можно назвать договорным треугольником, на вершине которого находится трудовой договор, а в основании – два гражданско-правовых договора об оказании услуг, заключаемых с целью заключения трудового договора между трудящимся-эмигрантом и иностранным нанимателем. На наш взгляд, трудовой договор между трудящимся-эмигрантом и иностранным нанимателем должен заключаться не только на одном из государственных языков Республики Беларусь, а по соглашению между работником и иностранным нанимателем либо лицом, уполномоченным заключать трудовые договоры от его имени, – дополнительно на ином языке, но в обязательном порядке и на государственном языке государства трудоустройства. Это поможет обеспечить соблюдение прав обеих сторон трудовых отношений и предотвратить возникновение разногласий после заключения трудового договора, связанных с его содержанием.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВЕТЕРАНОВ

Е. В. Кисличенко

*Национальный университет «Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»*

Тема социальной защиты всегда актуальна для людей, в силу различных обстоятельств нуждающихся в помощи. В особом внимании, заботе и помощи со стороны государства нуждаются ветераны войны. В Украине правовой механизм обеспечения социальных гарантий и законодательные акты, регулирующие предоставление льгот, несовершенно и не согласованы. Законодательные коллизии создают существенные препятствия в реализации права социальной защиты. Существует все больший разрыв между льготами, которые предусматривает законодательство, и финансовой возможностью государства предоставить эти льготы. В ходе исследования выяснено, что законодательно закрепленные права ветераны вынуждены отстаивать в судах, но и там они зачастую не получают законных решений, что недопустимо, поскольку судебные решения, основанные на неправильном применении закона, противоречат ему и порождают новые коллизии между решением суда и законом, ведут к силовому противостоянию.

Проведенный анализ состояния соблюдения прав ветеранов войны дает основания утверждать что:

- почти все законодательно закрепленные права ветеранов нарушаются;
- наиболее существенные нарушения допускают государственные учреждения и организации;
- нарушения обусловлены коллизионными нормативными актами центральных и местных органов власти и бездеятельностью государственных чиновников на местах;
- нормативные акты, которые регулируют порядок предоставления льгот, не согласованы, а правовой механизм обеспечения социальных гарантий – несовершенен;
- коллизии между правовыми нормами создают неудобства в правоприменительной практике, делают невозможным реализацию ветеранами права социальной защиты;
- отстаивать нарушенные права в суде почти невозможно, поскольку ответчиками выступают государственные учреждения, что предопределяет предвзятое отношение к участникам процесса;
- выполнение решения суда невозможно ввиду отсутствия финансирования.

Подытоживая вышеизложенное, отметим факторы, влияющие на уровень социальной и правовой защищенности ветеранов, в частности это: недостаточное финансовое обеспечение социальных программ, коллизийная законотворческая деятельность, некомпетентность государственных чиновников, низкий уровень профессиональной культуры судей, игнорирование норм Конституции Украины при принятии законов и вынесении судебных решений.

В целях совершенствования правового регулирования механизма обеспечения социальных гарантий и недопущения коллизий в законодательстве, необходимо:

- создать при Верховной Раде Украины постоянно действующую экспертную комиссию из ученых и специалистов в области права для проведения правовой экспертизы всех законов на стадии подготовки;
- закрепить на законодательном уровне обязательность официального толкования законов как неотъемлемую часть всего законотворческого процесса;
- устранить законодательные коллизии путем отмены или внесения изменений в противоречивые нормативные правовые акты;
- принять кодифицированный нормативный акт, который бы регулировал правоотношения в вопросе социального обеспечения, устанавливал основания, перечень субъектов, виды и механизм предоставления льгот и компенсаций;
- предусмотреть более действенную ответственность органов государственной власти за принятие незаконных и неконституционных решений.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКА

Ю. В. Прокопенко

Белорусский государственный университет

Трудовое право, направленное на защиту взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей, требует четкого закрепления и регламентации правовых средств, обеспечивающих достижение этой задачи. Одним из таких правовых средств является институт материальной ответственности, обеспечивающий защиту права собственности нанимателя – с одной стороны, и ограждающий работников от произвольного привлечения к ответственности со стороны нанимателя – с другой. В связи с этим актуальным становится вопрос о возможности учета определенных обстоятельств в интересах работника, причинившего ущерб, несмотря на то, что ответственность сама по себе является негативным для него последствием.

Закрепляя перечень условий, при наличии которых работник может быть привлечен к материальной ответственности, Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) не содержит достаточного перечня оснований, исключающих материальную ответственность. На наш взгляд, необходимо по аналогии с российским законодательством наряду с нормальным производственно-хозяйственным риском закрепить в ТК такие основания, исключающие материальную ответственность работника, как непреодолимая сила, крайняя необходимость и необходимая оборона. Следует на законодательном уровне закрепить зависимость степени вины работника от того факта, насколько качественно наниматель исполняет обязанности по обеспечению надлежащих условий для хранения имущества, вверенного работнику, а также ответственность нанимателя в случае ненадлежащего исполнения либо неисполнения данных обязанностей. В противном случае отсутствуют правовые механизмы, стимулирующие участие нанимателя в обеспечении сохранности принадлежащего ему имущества. В качестве общего правила ТК закрепил принцип презумпции невиновности лица в причинении ущерба, сделав исключение для отдельных категорий работников, которые несут полную материальную ответственность на основании пунктов 1, 2, 4 и 6 ст. 404 ТК. В этих случаях вина работника в причинении ущерба предполагается и работник сам обязан доказать отсутствие своей вины в причинении вреда. Можно согласиться с Г. А. Василевичем, что это должны делать лица, получившие ценности под сохранность на основании специального письменного договора, по разовой доверенности или другим разовым документам, что обусловлено характером их трудовой деятельности. Презюмирование же вины работников, которые несут ответственность на основании п. 4 и 6 ст. 404 ТК, нарушает конституционный принцип презумпции невиновности.

Необходимо также отметить, что в ТК отсутствуют нормы, предусматривающие право нанимателя полностью либо частично отказаться от взыскания ущерба с работника. Однако поскольку взыскание является правом, а не обязанностью собственника за исключением случаев, установленных гражданским законодательством, представляется обоснованным закрепить такую норму в ТК, уточнив при этом, что если речь идет об организациях, основанных на государственной форме собственности, то снизить размер взыскиваемого ущерба может только суд.

Таким образом, социальная направленность отрасли трудового права обуславливает необходимость закрепления норм, которые уменьшают или исключают материальную ответственность работника. При этом данные нормы не направлены против интересов нанимателя, а позволяют учитывать более широкий круг обстоятельств совершения правонарушения работником, что обеспечивает более эффективное и справедливое его привлечение к материальной ответственности.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

А. Ю. Орехов

Белорусский государственный университет

Для определения сферы применения примирительных процедур важно определиться с понятием, видами и моментом возникновения трудовых споров.

И. С. Войтинский разделил все трудовые споры на охраняемые правом (споры о праве) и споры, не охраняемые правом (споры об интересах). При этом он особо отмечал, что примирительно-третейское разбирательство может быть применено ко всякому трудовому спору, а судебное лишь к спорам, охраняемым правом.

В ТК Республики Беларусь (далее – ТК) споры об интересах упоминаются лишь применительно к коллективным трудовым спорам. Однако аналогичные споры возникают и в процессе трудовых отношений.

В ТК имеется определение коллективного трудового спора (ст. 377), а легальное определение индивидуального трудового спора отсутствует. Как известно, существенными признаками правовых понятий являются: сплетенность, правовой характер и опосредованность правом, стабильность. Каждое правовое понятие имеет свой объем и содержание, которые тесно взаимосвязаны. Следовательно, сама реализация примирительных процедур во многом зависит от легального закрепления понятия «индивидуальный трудовой спор». Думается, что следует закрепить данное понятие в ТК.

Также следует отметить, что порядок работы органов примирения, посредничества и арбитража законодательством не регламентирован. На наш взгляд, представляется целесообразным, чтобы Республиканский трудовой арбитраж разработал рекомендации по урегулированию индивидуальных трудовых споров в соответствии со ст. 251 ТК.

Согласно действующему законодательству создание органов примирения (как и КТС) ставится в зависимость от наличия профсоюза. Если нет профсоюза, то не могут быть созданы и органы примирения. На наш взгляд, в ст. 235 и 251 ТК следует внести дополнения в части возможности создания соответствующих органов при отсутствии профсоюзной организации из участников иных представительных органов работников.

Следует также обратить особое внимание на то, что в законодательстве не закреплено прерывание срока для обращения в КТС и суд на период проведения переговоров между сторонами индивидуального трудового спора, а также проведения примирительных процедур. На наш взгляд, данную проблему можно решить путем внесения дополнений в ст. 242 ТК.

УВОЛЬНЕНИЕ РАБОТНИКА ПО П. 7 СТ. 42 ТК КАК АКТУАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА

В. Д. Щербаков

Белорусский государственный университет

Увольнение по п. 7 ст. 42 ТК Республики Беларусь производится за распитие спиртных напитков, употребление наркотических или токсических средств в рабочее время или по месту работы. Законом от 20 июля 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» в Трудовой кодекс внесены существенные изменения, касающиеся увольнений по данному основанию.

Раньше для увольнения по данному основанию необходимо было одновременное наличие трех элементов: факта распития или употребления спиртных напитков, наркотических или токсических средств; распитие или употребление должно было состояться на рабочем месте; оно должно было произойти в рабочее время.

Теперь законодатель устранил связьку «рабочее время» – «место работы», используя вместо союза «и» союз «или». В связи с этим возникло много вопросов по применению данной нормы.

Исходя из чисто грамматического толкования указанного пункта, возможны различные варианты увольнения. Будут ли многие из них законными на самом деле? Предложенные некоторыми авторами варианты – это формальный вывод, основанный лишь на чисто грамматическом толковании нормы, без учета основных положений трудового права. Такой подход характерен прежде всего в отношении субъектов специальной дисциплинарной ответственности, таких как работники транспорта, таможенной службы, прокуратуры и др.

Многие ученые придерживаются мнения, что действие дисциплинарной власти нанимателя в отношении работника распространяется лишь в пределах рабочего времени и по месту работы.

В. Г. Яроцкий отмечал господство работодателя над личностью работника через его право определять обстановку и условия работы, ее продолжительность. Пределы дисциплинарной власти Л. С. Таль связывал с общей проблемой власти над человеком в гражданском праве, с локальным нормированием мер такой ответственности. Таким образом, можно сделать вывод, что еще в период формирования науки трудового права ученые придерживались мнения, согласно которому дисциплинарная власть нанимателя не может распространяться на все сферы жизнедеятельности работника и обусловлена необходимостью поддержания внутреннего порядка на производстве.

Положение о том, что работник не может быть уволен за употребление алкогольных напитков только лишь в рабочее время или по месту работы вытекает из смысла норм Трудового кодекса.

Согласно п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 наниматель вправе расторгнуть трудовой договор по п. 7 ст. 42 ТК с работником, находившимся в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также распивавшим спиртные напитки, употреблявшим наркотические или токсические средства в рабочее время в месте выполнения трудовых обязанностей. Позиция Верховного Суда по данному вопросу также сводится к тому, что время и место работы являются обязательными условиями увольнения по данному основанию.

На основании мнения ученых-юристов, общих положений трудового права и судебной практики можно сделать вывод о том, что буквальное толкование п. 7 ст. 42 Трудового кодекса отличается от действительной сущности данной нормы. Правильное толкование этого основания увольнения позволит избежать необоснованного привлечения работников к дисциплинарной ответственности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА, СОГЛАШЕНИЯ

Е. М. Попок

Международный университет «МИТСО»

Одним из основных принципов социального партнерства является обязательность выполнения договоренностей и ответственность за принятые обязательства. Однако достаточно часто в коллективных договорах и соглашениях содержатся нечетко сформулированные обязательства, не выделены конкретные субъекты, ответственные за выполнение обязательств, что является проблемным вопросом коллективно-договорного регулирования.

Статья 376 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) «Ответственность сторон за неисполнение норм настоящей главы, коллективного договора, соглашения» предусматривает, что за неисполнение норм главы 35 ТК Беларуси и обязательств, предусмотренных коллективным договором, соглашением, стороны несут ответственность в соответствии с законодательством, коллективным договором, соглашением. В данном случае речь идет об административной, дисциплинарной и материальной ответственности.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 9.18 устанавливает административную ответственность за непред-

ставление лицом, уполномоченным представлять нанимателя, информации, необходимой для вступления коллективных переговоров; неисполнение обязательного для сторон коллективного трудового спора решения трудовых арбитражей и действия, создающие препятствия исполнению трудовых обязанностей работником, не участвующим в забастовке.

В случае если неисполнение обязательств по коллективному договору привело к причинению имущественного вреда, виновные должностные лица могут быть привлечены к материальной ответственности. Следует отметить, что профсоюзы, нанешие своими незаконными действиями ущерб государству, физическим или юридическим лицам, обязаны возместить его в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Изучая вопросы ответственности сторон коллективного договора, нельзя не затронуть вопрос четкого определения субъектов ответственности данных отношений. Конкретная ответственность сторон за невыполнение принятых обязательств не всегда предусматривается в содержании коллективных договоров. Статья 376 ТК Беларуси выделяет «стороны коллективного договора» как субъектов ответственности. Они могут быть представлены не одним лицом, а несколькими, что говорит о коллективных субъектах ответственности и в случае нарушения законодательства о коллективных договорах, сложно определить, кто понесет ответственность за не исполнение обязательств. Данный механизм требует более четкого правового регулирования, а именно: при заключении коллективного договора следует ответственно подходить к определению конкретных субъектов, на которых возлагаются обязательства, и которые понесут ответственность в случае не исполнения данных обязательств.

Стороны коллективного договора и соглашения вправе самостоятельно определять меры ответственности за нарушение предусмотренных в них положений. Даже если будет предусмотрена определенная ответственность за нарушение норм конкретного коллективного договора, то могут возникнуть трудности с реализацией этой установленной ответственности, так как в законодательстве отсутствует механизм государственного принуждения стороны, нарушившей условия коллективного договора.

Таким образом, применить меры такой ответственности законодательно не вправе ни один государственный орган. Следовательно, возникает вопрос о правомерности установления мер ответственности, не предусмотренных законодательством, в коллективно-договорном порядке.

Подводя итог, отметим, что нормы трудового законодательства, связанные с регулированием вопросов ответственности сторон коллективно-договорных отношений, нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

БИПАРТИЗМ И ТРИПАРТИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ОПЫТ БЕЛАРУСИ, ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И МОТ

К. С. Костевич

Международный университет «МИТСО»

В соответствии со ст. 14 Конституции Республики Беларусь: «Осуществление в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами осуществляется на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон». Общеизвестны две модели социального партнерства: бипартизм – взаимодействие (диалог, консультации, переговоры) организаций трудящихся и предпринимателей; трипартизм – трехсторонние отношения с целью выработки компромиссного трехстороннего соглашения профсоюзов, нанимателей и представителей государства. Трипартизм, в отличие от бипартизма, проявляется на более высоких уровнях взаимодействия субъектов социального партнерства: международном, общереспубликанском, отраслевом и местном.

Важный вклад в развитие идеи трипартизма внесла Международная Организация Труда (далее – МОТ), что проявляется как в порядке формирования ее главных органов (Международной конференции труда и Административного совета), так и в международных стандартах труда, которые принимаются ею в форме конвенций и рекомендаций.

Формирование социально-партнерских отношений осуществляется по-разному, однако имеется ряд общих черт. Так, в зависимости от уровня участия работников в процессе переговоров можно выделить такие модели, как: модель профсоюзного представительства (США, Канада и др.); модель чистого представительства (Испания, Греция, и др.); модель смешанного представительства (Бельгия, Дания и др.).

В зависимости от уровня переговорного процесса можно выделить такие модели, как: одноуровневая – заключение коллективного договора лишь на уровне предприятия (Канада, США и др.); трехуровневая – выражающаяся в активном вмешательстве государства в регулирование трудовых отношений (Швеция, Бельгия и др.); смешанная, в которой главный акцент делается на отраслевом уровне, однако трехсторонние соглашения не допускаются (Австрия, Германия).

На основании вышеизложенного можно отметить, что в Республике Беларусь существует трехуровневая модель профсоюзного представительства. Однако конституционное закрепление данной модели не может свидетельствовать о ее достоверной реализации на практике. И если обратиться к процессу заключения трехсторонних коллективных соглашений, складывается такая ситуация, что наниматели, как правило, придер-

живаются точки зрения органов государственного управления, и, как следствие, профсоюз не в силах один противостоять двум оппонентам. Это обусловлено тем, что в Беларуси процент частной собственности невелик и на законодательном уровне не существует закрепления такого субъекта социально-партнерских отношений, как объединение нанимателей.

Эффективность социального партнерства подтверждается многочисленным опытом развития и построения социально-партнерских отношений в зарубежных странах. Государство, включаясь в партнерские отношения, является фактором стабильности и устойчивости развития общества. Необходимо заметить, что в Республике Беларусь развитие системы социального партнерства является одной из важнейших государственных задач и поэтому необходимо создавать правовую базу регулирования данных отношений, проанализировать все существующие проблемы и не допустить их возникновения в будущем. Важным шагом реализации полноценных трехсторонних отношений стала разработка закона «Об объединениях нанимателей», который в ближайшее время должен быть принят.

ПРАВООТНОШЕНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

М. Л. Бокатюк, Т. И. Никиткова

Белорусский национальный технический университет

Республика Беларусь на конституционном уровне провозглашена унитарным демократическим социальным правовым государством. Формирование эффективного государства в таком качестве невозможно без предоставления его гражданам широкого круга прав и свобод, основанных на нормах Основного Закона, в том числе, регулированию правоотношений при разрешении коллективных трудовых споров.

Для исследования правоотношений при разрешении коллективных трудовых споров необходимо решить следующие задачи: разработать концепцию данной подотрасли трудового права; определить ее понятия, предмет, метод, принципы и субъекты. Предлагаем дополнить примирительные, примирительно-посреднические и третейские процедуры урегулирования коллективных трудовых споров нетрадиционными способами, модифицировать забастовочные процедуры, определить правовые особенности забастовочных правоотношений, ввести обязательный минимум необходимых работ (услуг) для всех отраслей экономики во время забастовки, установить имущественную ответственность нанимателя перед третьими лицами в период забастовки, обосновать перспективы развития трудовых процедурных и процессуальных правоотношений по разрешению коллективных трудовых споров, конкретизировать законодательные

пробелы на отдельных этапах регулирования правоотношений по разрешению таких споров.

Объектом исследования правоотношений при разрешении коллективных трудовых споров являются реальные правовые связи их участников – трудовые правоотношения между ними, состояние и перспективы их развития.

В исследовании правоотношений при разрешении коллективных трудовых споров особое значение придается роли государства, обобщению практики Республиканским трудовым арбитражем, соединению теоретических разработок с современной практикой разрешения коллективных трудовых споров в нормотворческой деятельности. Результаты научного исследования позволяют представителям, участвующим в разрешении коллективных трудовых споров шире применять примирительно-посреднические процедуры, определять их в коллективных договорах.

Раздел V

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

О НЕОБХОДИМОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

М. Е. Денисюк

Белорусский государственный университет

Одним из важнейших фактором устойчивого развития Республики Беларусь является обеспечение ее интеграции в мировое экономическое пространство. Процессы такой интеграции в условиях глобализации общественных отношений требуют гармонизации правового регулирования, сопоставимости понятийного аппарата и принципов нормативного воздействия.

Анализ нормативно-правового регулирования уголовной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности (далее – НПД) в государствах – участниках Таможенного союза, в частности, Республике Беларусь и Российской Федерации свидетельствует о наличии существенных расхождений в части определения предпринимательской деятельности, носящей характер преступной. Например, осуществление незарегистрированной или безлицензионной предпринимательской деятельности, повлекшее причинение крупного ущерба, наказуемы в России (ст. 171 УК РФ), но ненаказуемы в Беларуси. И, наоборот, в Российской Федерации ненаказуемо незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением (получением) дохода в сумме до 1,5 млн рублей Российской Федерации (примечание к ст. 169 УК РФ), что в семь с половиной раз превышает порог дохода, получение которого от НПД в Республике Беларусь влечет уголовную ответственность.

В Российской Федерации не предусмотрено лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности, которые подлежат лицензированию в Республике Беларусь: международных автомобильных перевозок грузов, адвокатской деятельности и др. В связи с этим осуществление указанных видов деятельности без специального разрешения (лицензии) Российской Федерации не является уголовно наказуемым. В свою очередь, в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федера-

ции, не предусмотрено лицензирование, например, частной охранной и детективной (сыскной) деятельности.

Наличие данных расхождений может повлечь проблемы уголовно-правового характера в условиях межгосударственного сотрудничества.

Так, согласно ст. 7 УК Республики Беларусь, ч. 2 ст. 13 УК Российской Федерации и ст. 56 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 лица, находящиеся на территории Беларуси, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания только при условии наказуемости деяния в обоих государствах.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 6 УК Республики Беларусь имеются сложности в привлечении к уголовной ответственности за осуществление НПД, начатой в Беларуси, где она образует состав преступления, и оконченной в Российской Федерации, где она не образует такового (например, при приобретении товара в Республике Беларусь с последующей продажей его в Российской Федерации и получением там дохода до 1,5 млн рублей Российской Федерации).

Аналогичные трудности могут возникнуть и при осуществлении международно-правового взаимодействия Беларуси и России в уголовной сфере с третьим участником Таможенного союза – Республикой Казахстан. Так, с учетом содержания примечания к ст. 190 УК Республики Казахстан уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает при причинении ущерба либо извлечении дохода в размере, в 10 раз меньшем, чем установлено ст. 171 и примечанием к ст. 169 УК РФ.

Таким образом, различия в законодательстве государств – участников Таможенного союза по вопросам уголовной ответственности за осуществление НПД влекут конкретные проблемы уголовно-правового характера, что обуславливает необходимость гармонизации соответствующего законодательства.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Р. Е. Юльский

Белорусский государственный университет

Множественность преступлений характеризуется определенными юридическими признаками. Именно посредством определения и анализа признаков множественности преступлений можно в полной мере уяснить сущность данного негативного социального правового явления. Однако выделение признаков множественности преступлений способствует не только уяснению ее сущности, но и играет ключевую роль при отграни-

чении множественности от сложных единичных преступлений, а также случаев совершения лицом двух уголовно-наказуемых деяний, одно из которых по какой-либо причине не влечет за собой наступление уголовно-правовых последствий.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь, впрочем, как и в ряде других стран постсоветского пространства, отсутствует легальное определение множественности преступлений, которое бы фиксировало в себе наиболее общие признаки данного явления. Указанным обстоятельством обусловлено существование в уголовно-правовой доктрине различных точек зрения на проблему, связанную с выделением признаков, характеризующих множественность преступлений. Так, например, И. Б. Агаев в своей работе «Проблема повторности в уголовном праве» выделяет шесть обязательных, по его мнению, признаков множественности преступлений: единый субъект преступления; совершение лицом двух или более преступлений; каждое из преступлений содержит признаки самостоятельного состава преступления; множественность преступлений образуется независимо от того, привлекалось ли лицо за совершенные преступления к уголовной ответственности или нет и др. Т. Г. Черненко в учебном пособии «Множественность преступлений: Вопросы квалификации и назначения наказания» рассматривает четыре признака множественности: совершение одним лицом двух или более преступлений; самостоятельность каждого преступного деяния; сохранение за каждым из преступлений самостоятельных уголовно-правовых последствий; отсутствие процессуальных препятствий для уголовного преследования.

По нашему мнению, при определении признаков множественности преступлений необходимо выделять лишь самые существенные ее черты, которые были бы характерны как для множественности в целом, так и для различных форм ее проявления в частности. Недопустимо вычленение «признаков множественности преступлений», которые свойственны исключительно отдельным формам ее проявления, так как такие признаки отражают сущность только одного из составляющих компонентов рассматриваемого явления.

Следует согласиться с мнением В. П. Малкова, которого данный автор придерживается во всех публикациях по рассматриваемой проблеме, о том, что множественности преступлений присущи количественный и качественный признаки.

Под количественным признаком следует понимать, на наш взгляд, тот факт, что одним лицом совершается два или более единичных преступления. В свою очередь, качественным признаком выступает то обстоятельство, что каждое из преступлений, входящих в множественность, имеет уголовно-правовое значение. Отсутствие одного из названных при-

знаков свидетельствует о том, что в действиях лица, соответственно, отсутствует множественность преступлений, и его деяния должны подвергаться совсем другой уголовно-правовой оценке.

Таким образом, выделение количественного признака множественности преступлений помогает решать задачи, связанные с отграничением данного негативного социально-правового явления от сложного единичного преступления, а качественного признака – от случаев совершения лицом двух преступлений, одно из которых не влечет за собой наступление уголовно-правовых последствий.

ПРИНУЖДЕНИЕ К УПЛАТЕ ДОЛГА КАК ЧАСТЬ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ Ч. 1 СТ. 384 УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. И. Лапцевич

Белорусский государственный университет

Совершая преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 384 УК Республики Беларусь (далее – УК), действия виновного могут быть направлены на принуждение потерпевшего к уплате долга. Уголовный закон не дает определение данному понятию, поскольку это не входит в сферу уголовного права, а регулируется нормами гражданского законодательства.

В словаре С. И. Ожегова понятию «долг» дано два определения: 1) долг – это то же, что и обязанность; 2) долг – это взятое займы.

Анализируя понятие «долг», Ю. Н. Гайдук отмечал, что «...в деловом обороте часто употребляются категории “долг”, “должник”, “задолженность”, “перевод долга”. Термин “долг” используется и в законодательстве. К тому же при отсутствии доктринального толкования, указанная категория остается общеупотребительным словом <...> правовая категория долга представляет собой результат закрепления правовыми нормами отношений между субъектами гражданских правоотношений по безусловному исполнению обязанностей <...> долг связан с действиями субъектов гражданских правоотношений, которые заключаются в необходимости исполнения обязанностей. Поэтому долг как объект гражданских правоотношений может отражать активное поведение его субъектов, направленное на исполнение обязанностей. Круг этих обязанностей чрезвычайно широк и многообразен. “Долг” представляется следующими группами отношений: 1. деньги и денежные средства, иное имущество или определенные действия, служащие предметом сделок между субъектами гражданских правоотношений, 2. обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения, 3. имущественный комплекс юридического лица при его реорганизации или продаже, 4. долги наследодателя».

В ряде случаев термин «обязательство» используется не в том понимании, которое вытекает из ст. 288 ГК Республики Беларусь (далее – ГК). Так, можно встретить употребление данного термина в значении только обязанности должника, и в этом смысле он нередко отождествляется с термином «долг». Однако обязательство представляет собой единство прав и обязанностей сторон, что и отражено в его легальном определении. Например, Р. принуждала В., угрожая применением насилия, а также, применяя насилие к В., к выполнению со стороны последней договорных обязательств – уплате долга. Действия Р. квалифицированы по ч. 2 ст. 384 УК. В данном случае можно говорить о том, что между В. и Р. возник договор займа. В соответствии с п. 1 ст. 760 ГК по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других вещей того же рода и качества. В приведенной ситуации, понятие «сумма займа» и обязанность должника возвратить кредитору сумму займа подменяется понятием «долг».

Возникновение долга в смысле ст. 384 УК связано как с договорными, так и с внедоговорными обязательствами (например, долг может возникнуть вследствие неосновательного обогащения, неправомерного удержания потерпевшим в своем владении наследственного имущества виновного, не оформившего его в установленном законом порядке и т. д.).

Таким образом, поскольку обязательство представляет собой совокупность определенных прав и обязанностей конкретных лиц (и, соответственно, включает в себя «долг»), а «долг», в свою очередь, отождествляется с обязанностью должника выполнить свою часть обязательства, то предлагаем не использовать рассматриваемое понятие в диспозиции ч. 1 ст. 384 УК, а предусмотреть уголовную ответственность в общем за «принуждение к выполнению договорных и внедоговорных обязательств».

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

А. В. Пономаренко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В СССР законодательство о преступлениях в сфере налогообложения предусматривало свыше 10 составов, причем все они были отнесены к разряду преступлений против порядка управления. После 30-х гг. уголовное законодательство СССР не знало уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов. Первый налоговый состав – ст. 162.1 «Уклонение от подачи декларации о доходах» УК РСФСР появился только в 1986 г.

УК РФ 1996 г.: Общественная опасность уклонения от уплаты налогов заключается в умышленном невыполнении конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ), что влечет непоступление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. При составлении УК РФ законодатель поместил налоговые составы в главе 22 Кодекса «Преступления в сфере экономической деятельности», признав таким образом, что их объектом являются отношения в сфере товарно-материального обращения. На первый взгляд, содержание объекта имеет действительно экономический характер – государство лишается притока принадлежащих ему финансовых средств. Но при более тщательном рассмотрении такая позиция оспорима.

Момент окончания преступления. Исходя из того, что в соответствии с положениями налогового законодательства срок представления налоговой декларации и сроки уплаты налога (сбора) могут не совпадать, моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 198 или ст. 199 УК РФ, следует считать фактическую неуплату налогов (сборов) в срок, установленный налоговым законодательством (некоторые сложные ситуации, связанные с моментом окончания преступления). Добровольный отказ от совершения налогового преступления.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ – достигшее шестнадцатилетнего возраста физическое лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства).

Представитель налогоплательщика как субъект уголовной ответственности, когда лицо осуществляет юридическое или фактическое руководство несколькими организациями и при этом в каждой из них уклоняется от уплаты налогов и (или) сборов.

Судам при рассмотрении дел необходимо обращать внимание на то, что в соответствии со ст. 5 НК РФ акты законодательства о налогах и сборах, устанавливающие новые налоги и (или) сборы, повышающие налоговые ставки, размеры сборов или иным образом ухудшающие положение налогоплательщиков или плательщиков сборов, а также иных участников этих отношений, обратной силы не имеют.

Особенности привлечения к ответственности: помимо добровольного отказа существует способ освобождения от уголовной ответственности, прописанный в ст. 28 прим. УПК: «уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 198–199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, прекращается в случае, если до окончания предварительного следствия ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме».

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Е. А. Новикова

*Институт изучения проблем борьбы с преступностью
Национальной академии правовых наук Украины*

Общее историческое прошлое обуславливает то, что Уголовные кодексы Украины и Республики Беларусь содержат в себе схожие модели наказания в виде ограничения свободы. Однако, рассмотрев детально законодательство обеих стран, можно заметить отличия, в том числе и существенные.

В первую очередь, проанализировав комплекс правоограничений данного вида наказания, необходимо отметить следующее. В Украине правоограничение состоит в том, что осужденный к ограничению свободы содержится в уголовно-исполнительных учреждениях открытого типа без полной изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 61 УК Украины). УК Республики Беларусь же предусматривает возможность отбывания наказания в виде ограничения свободы как с направлением, так и без направления в исправительное учреждения открытого типа. Это свидетельствует о некотором дуализме ограничения свободы в Республике Беларусь, разделения его на два вида, которые значительно отличаются между собой по степени строгости правоограничений. Однако согласно «лестнице» системы наказаний оба подвида находятся на одном уровне.

Кроме того, вызывает сомнение отсутствие конкретизации в положении Уголовного кодекса Республики Беларусь: в чем же именно состоит наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа. Ответ можно найти в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь, который определяет, что в случае назначения наказания в виде ограничение свободы, осужденные отбывают его по месту постоянного жительства (ст. 44 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь). Однако отсутствие прямых положений в нормах материального права противоречит основоположному принципу уголовного права о том, что наказуемость определяется исключительно Уголовным кодексом. Существует необходимость хоть в общих чертах закреплять сущность наказания и характер обязанностей, возложенных на осужденного.

Обращает на себя внимание тот факт, что УК Республики Беларусь в отличие от УК Украины предусматривает невозможность назначения наказания в виде ограничения свободы иностранным гражданам и не

проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства. Оценка этого факта может быть двоякой: с одной стороны – это не совсем согласовывается с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, с другой стороны – процесс исполнения данного вида наказания относительно указанной категории лиц несколько усложняется в условиях белорусской модели с возможностью отбывания ограничения свободы в обществе.

Позитивным опытом Республики Беларусь является возможность назначения наказания в виде ограничения свободы несовершеннолетним (ст. 109 УК Республики Беларусь). Ограничение свободы назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, на срок от шести месяцев до трех лет. Лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, ограничение свободы назначается без направления в исправительное учреждение открытого типа (ст. 114-1 УК Республики Беларусь). Законодательство Республики Беларусь более дифференцированно подходит к назначению наказания несовершеннолетним, расширяя круг возможных правоограничений для них. Тогда как в Украине фактически лицу от 14 до 16 лет назначить можно только наиболее суровый вид наказания в виде лишения свободы, тем самым нивелируя первоначальную цель смягчения ответственности специальному субъекту.

ОБ УСТРАНЕНИИ ПРОБЕЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ ОСОБО ОПАСНЫМИ ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

А. С. Семьянов

Белорусский государственный университет

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) существует пробел в уголовно-правовой регламентации действий лица, которое поставляет в опасность заражения, заражает особо опасными инфекционными заболеваниями (далее – ООИЗ) либо иным способом способствует их распространению.

Проанализировав УК, можно выделить нормы, которые предусматривают ответственность не только за поставление в опасность заражения и заражение некоторыми ООИЗ, но и которые связаны с их распространением. К таким нормам относятся следующие:

- в отношении ВИЧ-инфекции: ст. 157 УК, карающая поставление в опасность заражения и заражение ВИЧ-инфекцией, совершенное лицом, знавшим о наличии у него заболевания; ст. 162 УК, наказывающая меди-

цинских работников за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, повлекшее по неосторожности заражение ВИЧ-инфекцией;

- статья 287 УК, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил безопасности обращения с генно-инженерными организмами четвертого уровня риска лицом, обязанным их соблюдать (Закон Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» от 09.01.2006 № 96-З в ст. 13 определяет уровни риска генно-инженерной деятельности. Четвертый уровень риска предполагает работу «с патогенными генно-инженерными организмами, которые являются возбудителями особо опасных инфекционных заболеваний, обладающих способностью быстро распространяться, и для которых неизвестны эффективные меры профилактики и лечения»);

- статья 336 УК, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, совершенное лицом, обязанным их соблюдать (в ст. 37-1 Закона Республики Беларусь «О санитарно-эпидемическом благополучии населения» от 23.11.1993 устанавливается, что санитарная охрана территории Республики Беларусь осуществляется в целях предупреждения заноса, возникновения и распространения инфекционных заболеваний, их локализации и ликвидации. Перечень инфекционных заболеваний, на которые распространяются мероприятия по санитарной охране территории Республики Беларусь, определяется постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 25.09.2006 № 74. Данный перечень содержит 22 разновидности ООИЗ).

Без внимания остаются действия лица, болеющего туберкулезом, гепатитом, чумой, оспой, и т. д., которое умышленно создает опасность заражения других лиц ООИЗ; либо лица, создающего условия для распространения ООИЗ; либо лица, неинфицированного ВИЧ, которое использует зараженный вирусом шприц с целью заражения потерпевшего, и т. д. Уголовные законы ряда стран предусматривают ответственность за распространение ООИЗ. Например, Уголовный кодекс Грузии в ст. 132 устанавливает уголовную ответственность за поставление в опасность заражения и заражение особо опасными инфекционными болезнями.

Необходимо устранить данный пробел в правовом регулировании, криминализировать по сути своей общественно опасные деяния, связанные с ООИЗ. Возможным выходом из данной ситуации является введение в УК отдельного состава преступления (либо нескольких составов), который: во-первых, распространит свое действие на все ООИЗ; во-вторых, не ограничится по субъекту лицом, страдающим ООИЗ; в-третьих, дифференцирует и индивидуализирует ответственность всех возможных субъектов.

ЭВТАНАЗИЯ. МЕДИЦИНСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

О. Г. Жебун

Белорусский государственный университет

На протяжении многих лет тема эвтаназии вызывает в обществе неоднозначную реакцию. Многочисленные споры вспыхивают постоянно между медиками, юристами, психологами, религиозными деятелями.

Термин «эвтаназия» введен Френсисом Беконом в XVI в. для обозначения легкой и безболезненной смерти, так как в переводе с греческого это слово обозначает «хорошая смерть, или благоумирие», но так ли она хороша на самом деле? В медицинской, философской и правовой литературе существует различная интерпретация этого понятия. Например, ст. 31 Закона Республики Беларусь от 15.07.2010 «О здравоохранении» гласит: «Эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием. На территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских (фармацевтических) работников, запрещено». Законодатель исходит из того, что эвтаназия – это убийство. Такая реакция вызвана тем, что на протяжении многих лет врачи использовали в своей практике положение клятвы Гиппократата, которая гласит «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». Но ни для кого не секрет, что с недавнего времени у врачей все чаще и чаще появляется готовность прибегнуть к процедуре пассивной эвтаназии. Но для того, чтобы говорить о правомерности эвтаназии, нужно определить в отношении кого она может быть применена.

Эвтаназия применяется к пациентам, биологическая смерть которых неминуема и которые, умирая, испытывают тяжелые физические страдания. Есть и другая категория больных – это больные, находящиеся в устойчивом вегетативном состоянии.

Однако у данной проблемы есть и другая сторона медали. Она заключается в том, что многие ученые опасаются, что формальное разрешение данной проблемы, может стать своеобразным тормозом для поиска новых более эффективных средств диагностики и лечения тяжелобольных. Несомненно, врач не должен идти на поводу у любого пациента, изъявляющего желание на применение данной процедуры. Она допустима только в исключительных случаях, т. е. когда шансов на спасение уже нет, а продлевая жизнь человеку, мы обрекаем его на мучения.

В последние годы все чаще практикуется использование трансплантации органов. Иногда орган человека, который обречен умереть, мог бы спасти другого человека, дав ему реальный шанс жить дальше. Мы

должны задуматься о том, что многие умирают, так и не дождавшись донора! Выходит, что из-за наших догматических принципов о применении эвтаназии, мы теряем сразу две жизни. Но в подобных случаях возможны злоупотребления. Их нужно избежать. Решение данной проблемы видится в тщательной правовой регламентации правомерной активной эвтаназии, осуществляемой исключительно на основании бесспорной доброй воли пациента решением консилиума врачей.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕД»

Л. И. Гасан

Белорусский государственный университет

Уголовный кодекс Республики Беларусь описывает ряд преступных последствий путем использования категории «вред», «ущерб» и «последствия». Законодатель не дает определения данным понятиям. Анализ уголовно-правовых норм указывает на наличие полисемии при законодательном описании последствий совершения преступлений.

Обратимся к анализу содержания вреда и его составных элементов (объекта и предмета), а также выявим соотношение с категорией «общественная опасность».

В уголовно-правовой литературе понятия «объект вреда» и «предмет вреда» недостаточно исследованы. Можно предположить, что «объект вреда» и «предмет вреда» совпадают с объектом и предметом преступления. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой объектом преступления (а значит и объектом вреда) выступает содержание общественных отношений. Решение вопроса о содержании «предмета вреда» связано со спором: считать ли предмет преступления обязательным или факультативным признаком состава преступления? Признание существования беспредметных преступлений, по существу, означает признание существования и беспредметных общественных отношений. В случае если будет отсутствовать материальный предмет, по поводу которого возникло общественное отношение, место вещи будет занимать иное благо (духовная, социальная ценность).

Источником вредного воздействия на объект посягательства является преступление. Считаем, что категория «вред» определяет собой сущностное содержание преступления, проявляющееся в деструктивном изменении охраняемых общественных отношений. Иначе говоря, если общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость являются признаками преступления, то вред – это его свойство.

Категория «общественная опасность» существует объективно, и может быть определена уровнем вредного воздействия преступного деяния на общественные отношения. Характер общественной опасности пре-

ступного деяния наряду с формой вины, способом совершения преступления, мотивами и целями, определяется также значимостью объекта вреда. Степень общественной опасности в частности, можно выявить посредством установления размера преступных последствий.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ РЕАЛЬНОГО ПРИНЦИПА

Я. П. Миронович

Белорусский государственный университет

Согласно законодательной конструкции ч. 2 и 4 ст. 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси) для непосредственного применения реального принципа необходимо соблюсти следующие условия: 1) совершенное общественно опасное деяние относится к категории особо тяжких преступлений; 2) преступление направлено против интересов Республики Беларусь; 3) лицо, совершившее преступление, не было осуждено за него в иностранном государстве.

В контексте темы необходимо остановиться на двух проблемных вопросах:

1. О критерии определения характера и степени общественной опасности преступления, совершенного за пределами Республики Беларусь, как условия привлечения к уголовной ответственности на основании реального принципа.

2. Об интерпретации термина «против интересов Республики Беларусь», употребленного в ч. 2 ст. 6 УК Беларуси.

Относительно первого вопроса отметим, что в уголовном законодательстве государств – участников СНГ закреплены разные подходы в определении категорий совершенного преступления. Кроме того, по-разному трактуется понятие соответствующих категорий.

Так, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 12 Уголовного кодекса Украины особо тяжкое преступление определяется как «преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или пожизненное лишение свободы». Подобный подход закреплен во многих Уголовных кодексах государств – участников СНГ и стран Балтии, например, в Уголовном кодексе Литовской Республики, Российской Федерации. В Уголовном кодексе Республики Молдова, Республики Таджикистан этот срок – свыше 12 лет лишения свободы. Максимальный нижний предел для признания преступления особо тяжким – свыше 15 лет, закреплен в Уголовном кодексе Республики Туркменистан.

Полагаю нецелесообразным закреплять категорию преступления в определении реального принципа, так как нет единого подхода к опреде-

лению категорий преступления и самих категорий, поэтому представляются возможными 2 варианта выхода из сложившейся ситуации: 1) либо в ч. 2 ст. 6 УК Беларуси вместо категории преступления указать конкретный срок, например, свыше 10 лет лишения свободы; 2) либо исключить из ч. 2 ст. 6 УК Беларуси указание на категорию особо тяжкого преступления, сделав следующую ссылку: «в случаях, предусмотренных международными договорами или соглашениями».

Второй проблемный вопрос – толкование понятия «против интересов Республики Беларусь», легального определения которого в УК Беларуси нет. Однако в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь существует определение национального интереса, там же встречаются и понятия «интересы человечества», «жизненно важные интересы».

Во многих государствах, входящих в состав СНГ, в уголовных кодексах разграничены понятия права и свободы граждан и интересы государства (Республика Азербайджан, Республика Армения, Украина).

Поэтому представляется целесообразным ввести легальное закрепление понятия «интересы государства» в ст. 4 УК Беларуси. Под интересами государства следует понимать как государственный, так и общественный интерес, где государственный интерес – совокупность потребностей государства по реализации интересов личности и общества, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие государства, а общественный интерес – потребности как физических, так и юридических лиц, связанные с обеспечением стабильности, безопасности и устойчивого развития общества.

ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ПРИЗМЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Е. Э. Ванькович

Белорусский государственный университет

Категория «общественная опасность» в настоящее время является одной из системообразующих в уголовном праве. Однако до сих пор не существует единого мнения о ее природе и сущности. Большинство авторов рассматривают общественную опасность как свойство, признак преступления, который выражается во вредоносности преступных деяний, их способности причинять вред охраняемым уголовным законом интересам, или же характеризующий такое деяние как антисоциальное. Некоторые ученые (С. А. Бочкарев, И. Я. Гонтарь) обосновывают позицию, согласно которой общественная опасность рассматривается как самостоятельная категория уголовного права, которая связана с совершением лицом преступления, но не является его атрибутом, так как характеризует

самого преступника. В такой трактовке не общественная опасность является признаком преступного деяния, а, наоборот, преступное деяние является критерием признания личности общественно опасной. На наш взгляд, противоречия между двумя данными подходами могут быть преодолены при помощи рассмотрения преступления с точки зрения концепции социального времени.

Преступление, как социальное явление, осуществляется во времени, и выражается в целенаправленной деятельности лица, ориентированной на достижение преступного результата. Стадии совершения умышленного преступления позволяют определить в этом преступном процессе «моменты», являющиеся основаниями для уголовного преследования. Степень приближенности лица к преступному результату и выражает сущность такой темпоральной категории как продолжительность преступной деятельности. В отличие от нее единицы физического времени (секунды, минуты, часы) не характеризуют способы и средства совершения преступления, не отражают динамику достижения преступных целей.

Продолжительность преступной деятельности по своей сути амбивалентна: с одной стороны, она характеризует нацеленность лица на достижение преступного результата, его решимость довести преступный замысел до конца, характеризует последовательность совершения преступных действий, и в таком аспекте является выражением преступного деяния. С другой стороны, чем ближе лицо к достижению преступного результата, тем больше продолжительность преступной деятельности, и, соответственно, выше уровень опасности лица. Тем самым продолжительность преступной деятельности подчеркивает диалектическую взаимосвязанность и неразделимость преступного деяния и личности виновного.

Традиционно в литературе общественную опасность характеризуют как двухаспектное понятие, которое включает две составляющие: характер и степень. Характер общественной опасности, будучи ее качественным атрибутом, выражает специфику вредоносности того или иного преступления или группы преступлений и обуславливает криминализацию типичных признаков конкретного деяния. Степень общественной опасности является количественным критерием и отражает степень вредоносности конкретного преступного деяния. В настоящее время в уголовном праве не существует единого общепринятого подхода определения степени общественной опасности конкретного преступления. На наш взгляд, продолжительность преступной деятельности конкретного лица можно рассматривать в качестве основного критерия определения степени его опасности для общества, так как она в одинаковой мере отражает как степень отклонения лица от правомерного поведения, так и объективные и субъективные признаки конкретного преступного деяния.

ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОИСК ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КВАЛИФИКАЦИИ

Ю. Г. Судник

Белорусский государственный университет

Категориально-понятийный аппарат науки уголовного права позволяет толковать понятия, используемые в тексте уголовного закона, а также уяснять смысл понятий, не используемых в законодательстве, но обозначающих явления, часто встречающиеся в рамках практической деятельности.

Деление преступлений на единичные простые, единичные усложненные и сложные (составные) равно, как и выделение среди единичных усложненных преступлений длящихся и продолжаемых преступлений, давно известно науке уголовного права. Как и то, что для правильной квалификации каждого конкретного общественного опасного деяния необходимо его отнесение к конкретным разновидностям, выделяемым на основании определенных критериев, в том числе и отнесение к одной из трех названных групп. Вместе с тем такая разновидность единичного усложненного преступления, как «продолжаемое преступление», имея разнообразные доктринальные толкования, законодательное закрепление имеет не всегда, в том числе не имеет легального определения и в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Отсутствие единообразного понимания понятия «продолжаемое преступление» объясняет трудности, возникающие при квалификации данных общественно опасных посягательств, что подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Целью исследования является выработка исчерпывающего определения понятия «продолжаемое преступление». И в соответствии с поставленной целью мы выдвигаем следующие теоретические положения:

1. Усложнение объективной стороны продолжаемого преступления может проявляться в двух формах: в форме продолжения начатого деяния (*Tatfortsetzung*) и в форме повторения деяний (*Tatwiederholung*). Это ставит под сомнение утверждение о том, что продолжаемое преступление может состоять только из тождественных преступных деяний, что имеет место в определениях продолжаемого преступления в кодексах Таджикистана и Молдовы. Думается, что деяния, образующие продолжаемое преступление, могут быть как тождественными, так и однородными.

2. Необходимым признаком продолжаемого преступления является наличие единого умысла, который пронизывает все эпизоды продолжаемого преступления, а также единого непосредственного объекта (но не единого источника, хотя его наличие и не исключается, единый источник – это не обязательный признак).

3. Временные промежутки между отдельными эпизодами продолжаемого преступления могут быть разными по продолжительности: от нескольких минут до нескольких лет.

На основании данных признаков определения раскрываются пути разрешения трудностей, возникающих при квалификации продолжаемых преступлений в случае покушения, соучастия, добровольного отказа, а также при применении института амнистии или давности.

Представляется очевидной необходимость и обоснованность закрепления понятия «продолжаемое преступление» в тексте Уголовного кодекса Республики Беларусь, учитывая последовательный, логичный и системный характер расположения в нем норм.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

А. А. Новикова

Белорусский государственный университет

Согласно ст. 25 Конституции Республики Беларусь государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Указанное право охраняется и уголовным законом посредством установления запретов на совершение преступных посягательств на личную свободу человека. Наиболее опасным посягательством на личную свободу человека является торговля людьми как современная форма рабства. Согласно ч. 1 ст. 181 УК Республики Беларусь (далее – УК) под торговлей людьми признается купля-продажа человека или совершение иных сделок в отношении его, а равно совершенные в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека.

Сравнительный анализ показывает, что норма, предусматривающая ответственность за торговлю людьми, находится в тесной конкуренции с другими уголовно-правовыми нормами. Проведение отграничения со смежными составами преступлений способствует пониманию сущности и признаков торговли людьми. Определенные варианты торговли людьми, совершенные в целях сексуальной эксплуатации (особенно сутенерство), конкурируют с использованием занятия проституцией или созданием условий для занятия проституцией (ст. 171 УК). Согласно ч. 2 примечаний к ст. 181 УК использование занятия проституцией является разновидностью сексуальной эксплуатации. Широкая трактовка законодательной формулировки «использование занятия проституцией» будет охватывать некоторые варианты торговли людьми. Представляется, что термин «использование занятия проституцией» следует толковать ограничительно.

Возникает вопрос о разграничении вербовки в целях сексуальной эксплуатации (ст. 181 УК) и вовлечения в занятие проституцией (ст. 171¹).

Понятия «вербовка» и «вовлечение» сходны по-своему содержанию. Под вербовкой понимается набор, наем, склонение, привлечение в какую-либо организацию путем введения в заблуждение потерпевшего относительно условий предлагаемой ему деятельности с целью эксплуатации, а под вовлечением – склонение лица к определенной деятельности. Сопоставление признаков составов вербовки человека и вовлечения в занятие проституцией показывает, что отграничение можно провести только по цели. Вербовка в контексте ст. 181 УК предполагает обязательное наличие цели сексуальной эксплуатации.

Есть сходство состава преступления торговли людьми и похищение человека в целях сексуальной или иной эксплуатации (п. 2 ч. 2 ст. 182 УК). Согласно ч. 1 ст. 182 УК похищением человека является тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием, или соединенное с насилием или с угрозой его применения, или иными формами принуждения противоправное завладение лицом. Торговля людьми (получение человека в целях его эксплуатации) тоже может быть совершена способами, аналогичными похищению человека. Однако в УК Беларуси данные деяния являются самостоятельными преступлениями. В уголовно-правовом смысле «завладение» человеком в целях сексуальной или иной эксплуатации должно быть сопряжено с захватом человека и перемещением его в другое место. При торговле людьми «получение» человека не предполагает в качестве обязательного признака перемещение человека.

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗАРАНЕЕ ОБДУМАННОГО УМЫСЛА

А. М. Маркова

Белорусский государственный университет

В российской литературе высказывается идея принятия заранее обдуманного умысла как критерия выделения отдельных составов преступлений ввиду особой общественной опасности предумышленных деяний. УК Республики Беларусь не оперирует понятием «заранее обдуманный умысел», а наука уголовного права рассматривает его в качестве иного вида умысла. Как известно, умысел, по моменту его формирования, подразделяется на заранее обдуманный, внезапно возникший и аффектированный. В теории уголовного права существует несколько подходов к установлению понятия заранее обдуманного умысла.

Первый подход основан на определении заранее обдуманного умысла через временной признак. Особенностью является то, что возникновение умысла отделено от совершения преступления временем. Данную точку зрения разделяют А. И. Рарог, П. С. Дагель, Д. П. Котов. Существует и иное мнение, согласно которому признаком заранее обдуманного

умысла не является только лишь отрезок времени, но также и признак обдуманности. В данной позиции внимание уделяется тому, насколько временной промежуток между возникновением и реализацией умысла позволил виновному обдумать свое намерение, т. е. заранее обдуманный умысел приводится в исполнение после более продолжительного рассуждения, оценки и взвешивания своего намерения. Такого подхода придерживаются В. Д. Спасович, Б. Хорнабуджели. Второе мнение считается более обоснованным. Правильность его вытекает из самого понятия «заранее обдуманный умысел», заключающего в себе оба признака.

Неоднозначен также вопрос о том, что именно является обдуманным: намерение совершить преступное деяние или само исполнение этого деяния. Некоторые ученые относят обдуманность к исполнению деяния, а именно к эмоциональной оценке преступления виновным, отождествляя «обдуманность» с «хладнокровием». Такой подход представляется неверным ввиду неоправданного смешения понятий. «Обдуманность» – относится к интеллектуальным процессам, а «хладнокровие» – к эмоциональному состоянию человека. Из этого следует что обдуманность, прежде всего, следует относить к намерению совершения деяния, и решающее значение при определении предумышленности имеет момент возникновения и обдуманность умысла, а не эмоциональное состояние виновного. На данной позиции стоит современная теория уголовного права.

Рассматривая признаки заранее обдуманного умысла (наличие временного отрезка и обдуманность), нельзя не проанализировать и степень общественной опасности предумышленных преступлений. Наиболее распространенным является мнение о возрастании степени общественной опасности преступлений, совершенных с заранее обдуманным умыслом. Это объясняется наличием отрезка времени после возникновения умысла, а также обдуманностью посягательства. Тем не менее, ряд авторов усматривают приоритет причин, вызвавших совершение посягательства, указывая на их роль в установлении степени общественной опасности. Ведь такими причинами не всегда являются изощренность или настойчивость, но также могут быть нерешительность, отрицательное отношение к преступлению. Подобную точку зрения высказывают А. И. Рарог, П. С. Дагель, Д. П. Котов, И. Я. Фойницкий, А. А. Пионтковский и др.

Подводя итоги, необходимо сказать, что идея принятия заранее обдуманного умысла как критерия выделения отдельных составов преступлений представляется менее аргументированной, так как само по себе наличие заранее обдуманного умысла на совершение посягательства не повышает его общественную опасность по сравнению с другими. Таким образом, УК Республики Беларусь, а также теория уголовного права, пошли по правильному пути.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПОЛЬЗОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ БЛАГАМИ ЛИЦАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В. С. Парахневич

Белорусский государственный университет

Человек наделяется такими нематериальными благами, как право на неприкосновенность частной жизни, право свободного передвижения, право выбора места пребывания и жительства, право на охрану здоровья, право на честь и доброе имя, иными личными неимущественными правами. Данные права принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п. 1 ст. 151 ГК).

Осужденные к лишению свободы в процессе отбывания наказания обладают рядом личных неимущественных прав, а также имеют нематериальные интересы. Раскроем специфику отдельных нематериальных благ осужденных. Так, право на неприкосновенность частной жизни представляет собой возможность обособления лица от общества и государства. Данное субъективное право включает возможность требовать от администрации исправительного учреждения поведения, которое должно обеспечить его реализацию. Осужденные к лишению свободы имеют возможность пользоваться только такими благами, как свидания, получение корреспонденции. Такое нематериальное благо, как частная жизнь, по отношению к осужденным в настоящее время чаще носит формальный характер, т. е. не имеет законодательного решения, несмотря на существенные ограничения.

Право свободного передвижения может быть реализовано лишь в пределах исправительного учреждения. Порядок передвижения указанной категории лиц устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Безусловно, право на свободное передвижение без конвоя или сопровождения предоставляется осужденным в связи с характером выполняемой ими работы и др. Однако считать, что это полноценное право на свободное передвижение ошибочно, так как за осужденными постоянно осуществляется режимный контроль со стороны должностных лиц соответствующего учреждения, и выбирать самостоятельно, где и в какое время находиться, они не могут.

Осуждение к лишению свободы влияет на гражданскую правоспособность лица. Одним из наиболее существенных гражданских прав, которым не может воспользоваться осужденный, остается право избирать род занятий и место жительства (иное противоречило бы смыслу наказания в виде лишения свободы).

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на жизнь являются неотъемлемыми правами каждого человека. Осужденные, со-

держась в исправительных учреждениях, существенно ограничены в праве на должную охрану здоровья, а в определенном смысле совсем лишены этой возможности. Например, они не вправе выбирать медицинское учреждение и врачей, приобретать определенные лекарства и пр. Это указывает на одно из неразрешимых противоречий самого факта отбывания наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, следует совершенствовать правовые гарантии реализации осужденными к лишению свободы таких нематериальных благ, как право на неприкосновенность частной жизни, право на охрану здоровья. Можно ставить вопрос о необходимости реформирования в этой части уголовно-исполнительного законодательства.

ВНЕЗАПНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АФФЕКТА ПРИ УБИЙСТВЕ

И. В. Сыс

Белорусский государственный университет

Тема «Убийство в состоянии аффекта» является актуальной в теоретическом и практическом плане и дискуссионной, особенно в вопросе о внезапности возникновения аффекта при убийстве.

«Внезапность» возникновения душевного волнения признавалась в научной литературе лишь тогда, когда отсутствовал разрыв во времени между неправомерными действиями потерпевшего и убийством, хотя не исключено возникновение данного состояния и по истечении некоторого времени с момента такого поведения потерпевшего, хотя Уголовный кодекс Республики Беларусь временные рамки не определяет. Произошло отождествление повода (неправомерного поведения потерпевшего) и состояние аффекта, что вряд ли можно считать правильным.

Закон признает имеющим уголовно-правовое значение лишь сильное душевное волнение, возникшее внезапно, то есть неожиданно для виновного. Внезапность при возникновении аффекта не следует рассматривать как немедленную ответную реакцию на отрицательное поведение потерпевшего. Разрыв во времени между возникновением аффекта и моментом убийства возможен, но при непременном условии сохранения в этот период времени состояния аффекта у виновного. Внезапность является одним из основных, неотъемлемых признаков, характеризующих аффект, а не начало совершения преступных действий. Внезапность аффекта состоит в том, что он возникает неожиданно, а не «немедленно, как ответная реакция на противоправное или аморальное поведение потерпевшего».

Проведенный исследователями анализ уголовных дел данной категории показал, что в 23 % случаев виновный, будучи спровоцированным потерпевшим, совершает перед убийством различные действия (например, бежит в свою квартиру, чтобы взять орудие преступления, преследу-

ет потерпевшего). Однако такие действия нельзя расценивать как приготовление к убийству. Направленность действий на предмет обиды, непрерывность движений, их лихорадочность и одержимый характер могут служить показателями возникшего и продолжаемого аффекта. Следовательно, в аффектированных действиях признаки, присущие стадии приготовления к преступлению, исключаются.

Многие исследователи считают, что внезапность вряд ли всегда присутствует при наличии длительной психотравмирующей ситуации – результата системы противоправных или аморальных действий. Но ведь в результате систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего может возникнуть длительная психотравмирующая ситуация, вызывающая состояние аффекта. В таких условиях повторения ситуаций, отрицательно влияющих на лицо, происходит аккумуляция аффекта, что может привести к аффективной вспышке в ответ даже, казалось бы, на незначительный повод.

Известно, что УК РСФСР не рассматривал такую длительную психотравмирующую ситуацию в качестве основания возникновения аффекта. Однако надзорная практика нередко исходила из того, что ответственность за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, наступает и в том случае, когда оно возникает как следствие неоднократных противоправных действий потерпевшего, из которых последнее явилось непосредственной причиной возникновения такого состояния.

Для более четкого понимания внезапности возникновения аффекта при убийстве следовало бы более подробно определить данный вопрос в диспозиции статьи, заменив, например, понятие «внезапно возникшее сильное душевное волнение» на «неожиданно возникшее сильное душевное волнение», а также упомянуть о существовании разрыва между возникновением аффекта и моментом убийства, чтобы избежать двусмысленного понимания этой части диспозиции статьи.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК СЛЕДСТВИЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

А. П. Синяк

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Всякое девиантное поведение является результатом поводов, условий, причин повлекших его. Девиантное поведение – устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социально-психологической дезадаптацией. Как правило, результатом такого поведения является правонарушение, которое в свою очередь порождает ряд негативных последствий для всего

общества. Именно поэтому предупреждение данного поведения, изучение причин и условий, порождающих его, а также полная его ликвидация на сегодняшний день остается актуальной проблемой не только для правоохранительных органов и ученых, но и для всего общества.

Общеизвестно, что семья – первая и основная ячейка социального бытия человека. В этой ячейке – сила и слабость государства. Воспитательная функция семьи обеспечивает первичную социализацию личности подрастающего поколения, поддержание на определенном уровне культуры общества. Ее роль состоит в постепенном введении ребенка в общество, чтобы его развитие шло сообразно культуре страны, где он появился на свет.

Существует множество различных типологий семьи, однако для данной темы мы рассмотрим следующую: благополучные семьи, семьи группы риска, неблагополучные семьи, асоциальные семьи. Благополучные семьи полностью справляются со своими функциями. Семьи группы риска характеризуются наличием некоторого отклонения от норм, не позволяющего определить их как благополучные, например, неполная семья, малообеспеченная семья и т. п. Неблагополучные семьи не справляются с возложенными на них функциями, процесс семейного воспитания ребенка протекает малорезультативно. Для данного типа семьи необходима активная и обычно продолжительная поддержка со стороны социального работника. Асоциальные семьи – те семьи, с которыми взаимодействие протекает наиболее трудоемко. В этих семьях, где родители ведут аморальный, противоправный образ жизни дети оказываются безнадзорными, полуголодными, отстают в развитии, становятся жертвами насилия, как со стороны родителей, так и других граждан того же социального слоя. С этими семьями должны работать во взаимосвязи и социальные работники и правоохранительные органы, а также органы опеки и попечительства.

Нарушение условий семейного воспитания могут быть связаны с отклонениями от оптимальных норм в области: 1) состава и структуры семьи; 2) материально-бытовых условий; 3) нравственной атмосферы; 4) воспитательно-педагогической позиции.

Немаловажным фактором в формировании социально адаптированной и нравственной личности является и степень духовности жизни семьи. Факты свидетельствуют, что многие семьи как раз своим образом жизни, своей системой ценностей и порождают в детях развитие мотивации вседозволенности. Бессодержательность досуга, отсутствие полезных для развития личности занятий в свободное время, неумение и отсутствие потребности организовать досуг затрудняют процесс формирования важнейших социальных качеств личности.

Таким образом, условия семейного воспитания непосредственно влияют на зарождение и развитие девиантного поведения. Поэтому необходимо выработать систему контроля и предупреждения негативных условий семейного воспитания. На наш взгляд для этого необходимо принимать государственные программы, направленные на работу с неблагополучными семьями, в школах проводить для родителей обучающие тренинги педагогического воспитания, организовать работу пришкольных семейных психологов, уделять особое внимание выявлению семейного насилия, наркомании, алкоголизма и проституции, индивидуальная и групповая работа с трудными подростками.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ БЕЗДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА

Г. В. Красуцкий

Белорусский государственный университет

Законом Верховного Совета Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. в Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь была впервые введена статья, предусматривающая ответственность за умышленное неисполнение должностным лицом своих служебных обязанностей. Данный состав претерпел существенные изменения, однако был закреплен в УК Республики Беларусь 1999 г. В него же перешел и состав, предусматривающий ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями. Наличие этих двух составов порождает спорные ситуации, которые возникают в практике их применения. Таким образом, возникает необходимость в правильном разграничении этих смежных составов. Проанализировав их, можно сделать вывод, что отличия у них лишь по объективным признакам: в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь – материальная конструкция, а в ч. 2 ст. 425 УК Республики Беларусь и материальная конструкция, которая предусматривает три варианта поведения, и формальная, выражающаяся в попустительстве преступлению. Кроме того, отличие заключается и в характере внешнего поведения: преступление, предусмотренное ст. 424 УК Республики Беларусь, совершается путем активных действий; при совершении преступления, предусмотренного ст. 425 УК Республики Беларусь – субъект не совершает определенных действий.

Возникает вопрос: была ли объективная необходимость разделять эти два состава? К слову сказать, в советской правовой литературе превалировала точка зрения о том, что преступное бездействие охватывается составом, предусматривающим ответственность за злоупотребление властью. В частности, в учебнике «Курс Советского уголовного права» под

редакцией Н. А. Беляева, Н. С. Лейкина, В. К. Глистина и др. говорилось, что с объективной стороны злоупотребление властью или служебными положением характеризуется совершением действия с использованием своего служебного положения или бездействия. В книге «Уголовное право Украинской ССР на современном этапе» под редакцией М. И. Баженова, В. В. Сташиса и др. говорится, что состав злоупотребления властью или служебным положением сконструирован законодателем таким образом, что диспозиция нормы соединяет в себе как деяние (действие или бездействие), так и последствие этого деяния. Существовала и иная точка зрения, которая соответствовала действующему на тот момент Уголовному кодексу: в книге А. Я. Светлова «Ответственность за должностные преступления» такому составу как бездействие власти была посвящена отдельная глава, в которой бездействие раскрывалось как невыполнение должностным лицом возложенных на него по службе обязанностей.

Таким образом, данное разделение представляется обоснованным, так как в случае если лицо умышленно не исполняет свои обязанности, нельзя говорить об использовании должностным лицом своих служебных полномочий, так как полномочия лица как раз и заключаются в исполнении их. А служебные полномочия наоборот предписывают совершить определенные действия и выполнить их надлежащим образом, как то предписывают нормативно-правовые акты и должностные инструкции. Тем не менее, при применении этих уголовно-правовых норм следует четко определять, в чем конкретно выражалась объективная сторона деяния и, исходя из этого, квалифицировать содеянное. Более того, такое разграничение максимально исключает возможность нарушения одного из главных принципов уголовного права: принципа законности, т. е. не происходит применения аналогии закона. Следовательно, наличие дифференцированных составов в УК Республики Беларусь, в отличие, например, от УК Российской Федерации, является успешным примером борьбы с преступным злоупотреблением полномочиями и бездействием должностных лиц, в духе правового государства.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

А. В. Остапчук

Белорусский государственный университет

Важное значение для правоприменительной практики имеет момент получения взятки. Определение конкретного момента окончания получения взятки зависит от ее предмета и способа его передачи.

Например, не вызывает сомнений тот факт, что если предметом взятки являются материальные ценности (наличные деньги, драгоценности и т. п.), то взятка будет считаться полученной с момента ее непосредствен-

ного принятия во владение. В то же время могут возникать сложности с определением момента окончания данного вида преступления, если взятка предоставлялась безналичными денежными средствами, например, когда деньги были переведены в банк на счет должностного лица. И в этом вопросе мнения авторов расходятся. В частности, с точки зрения российского правоведа С. Г. Келиной, момент окончания преступления в подобном случае считается с момента взятия должностным лицом денежной суммы с данного счета. Эта позиция представляется неверной. Ведь взяткополучатель может воспользоваться этими денежными средствами спустя длительный промежуток времени. В этом случае мы будем иметь место с нарушением принципа неотвратимости уголовной ответственности, закрепленного в ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В свою очередь в отечественной литературе можно встретить иное мнение. Так, Н. А. Бабий пишет о том, что при переводе денежных средств на банковский или иной счет взятка будет считаться принятой с момента поступления денежных средств на соответствующий счет. Не требуется, чтобы взяткополучатель реально воспользовался зачисленными на счет деньгами, например, снял деньги со счета или осуществил их перевод. Если же для взяткополучателя открывается счет на предъявителя, то взятка будет считаться полученной с момента вручения ему подтверждающих документов или сообщения соответствующих реквизитов.

В рассматриваемой ситуации принятие взятки может выражаться в моменте зачисления денег на банковский счет, при условии, что должностное лицо выразило согласие принять деньги и совершило определенные действия, подтверждающие это согласие.

Бывают случаи, когда предмет взятки представлен выполнением работ или оказанием услуг, которые подлежат оплате, но оказываются бесплатно. В данной ситуации взятка будет получена с момента начала совершения действий по выполнению работ или оказанию услуг.

Взятка может быть выражена и такими специфическими предметами как, например, билетом на концерт, туристической путевкой, подарочным сертификатом и т. п., которые оплачены взяткодателем. Стоит отметить, что здесь взятка будет считаться полученной с момента принятия взяткополучателем соответствующих документов.

Возможность должностного лица распорядиться предметом взятки значения для определения момента окончания преступления не имеет. В обоснование данного тезиса можно привести тот довод, что получение взятки является преступлением с формальным составом и согласно закону выражается в принятии материальных ценностей или приобретении выгод имущественного характера, а не в фактическом пользовании ценностями или имущественными выгодами.

Таким образом, можно сделать вывод, что правильное определение момента получения взятки будет способствовать реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности.

СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ю. А. Антилевская

Белорусский государственный университет

Во всем мире пьянство, наркомания, токсикомания являются социальными болезнями, которые порождают совершение огромного количества преступлений. В Беларуси более 40 % преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Убийства, тяжкие телесные повреждения, изнасилования совершаются в состоянии опьянения более чем в 80 % случаев.

С точки зрения медицины опьянение не является выражением болезненного состояния психики, но вызывает нарушение психической деятельности. Влияние опьянения на состояние психики, на способность осознавать значение действий и руководить ими следственными и судебными органами практически не подвергается специальному исследованию. Существует законодательная презумпция вменяемости субъекта, действовавшего в состоянии опьянения, на что указывает ст. 30 УК Беларуси. Вместе с тем экспертная практика показывает: способность сознательной регуляции поведения человека в таком состоянии затрудняется.

При решении вопроса уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, необходимо брать во внимание цель принятия одурманивающего вещества. Если приведение себя в неадекватное состояние было с прямым умыслом на совершение преступления, а психотропные вещества послужили лишь «для храбрости» – то, безусловно, виновник должен ответить за преступление, совершенное с прямым умыслом. Существуют случаи, когда лицо привело себя в состояние опьянения без намерения совершить в таком состоянии противоправное деяние либо одурманивающие вещества принимались субъектом случайно, по ошибке или впервые, а также в результате принуждения.

Точная оценка причины опьянения, его степени и влияния на совершение преступления позволит избежать искусственных конструкций вменения и действовать в соответствии с принципом виновной ответственности. У ученых-специалистов нет единого мнения, подлежит ли уголовной ответственности лицо, совершившее преступление в состоянии физиологического опьянения, вызванного потреблением какого-либо из одурманивающих веществ. Изложенная проблема решается неоднозначно в уголовном законодательстве различных государств. Наш законода-

тель пошел по пути ужесточения ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения (п. 17 ч. 1 ст. 64 УК Беларуси).

Статья 31 УК Польши рассматривает состояние опьянения или одурманивания как состояние невменяемости или ограниченной вменяемости. По уголовному праву Испании состояние опьянения является обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности (ст. 21 УК). Законодатели ряда государств признают опьянение в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства либо вообще не указывают на него.

Интересным является решение в уголовном законодательстве Филиппин. Так, согласно ст. 15 УК, состояние опьянения рассматривается как «альтернативное обстоятельство», которое в разных ситуациях рассматривается по-разному (случаи законодатель называет). Такой подход поддерживают УК Албании (ст. 18), УК Румынии (ст. 49).

Необходимо исключить из действующего УК Беларуси п. 17 ч. 1 ст. 64, что позволит не считать состояние опьянения обстоятельством, отягчающим ответственность. А так как перечень смягчающих обстоятельств является открытым (ст. 63 УК), данное обстоятельство должно быть учтено при индивидуализации уголовной ответственности и назначении наказания.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Н. Н. Галицкая

Академия МВД Республики Беларусь

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее – УДО) имеет длительную историю становления. Его значимость активно обсуждалась многими учеными начала XIX в. Среди них значительный вклад в области теоретического обоснования УДО внесли русские ученые А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, члены русской группы международного союза криминалистов и др. Профессор П. И. Люблинский в 1910 г. писал: «Условное досрочное освобождение представляет собой институт, преследующий несколько целей. С точки зрения тюремного режима, условное досрочное освобождение может рассматриваться как награда за соблюдение тюремной дисциплины и как мера индивидуализации наказания».

С течением времени были расширены условия применения УДО, изменены порядок и основания отмены.

Сегодня УДО применяется в отношении каждого шестого, отбывающего наказание в виде лишения свободы и в отношении каждого четвер-

того, отбывающего другие виды наказаний. Вместе с тем, наличие данного института вызывает немало споров по поводу того, какими должны быть критерии оценки осужденного, представляемого к условно-досрочному освобождению, какой испытательный срок необходимо устанавливать, при этом, каковы гарантии несовершения такими лицами новых преступлений и т. д. Более того, обсуждается в целом необходимость применения данного института, поскольку, по мнению некоторых ученых, УДО снижает эффективность наказания и не учитывает интересов потерпевших.

Нормы действующего уголовного и уголовно-исполнительного права устанавливают ряд требований для лиц, представляемых к УДО.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 90 УК Республики Беларусь данный институт может быть применен в отношении лица, отбывающего наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения по военной службе, ареста, ограничения свободы, направления в дисциплинарную воинскую часть, лишения свободы. На наш взгляд, следовало бы также провести дифференциацию в зависимости от тяжести совершенного преступления, в частности, ограничения возможности применения УДО в отношении лиц, допустивших особо опасный рецидив; лиц, совершивших особо тяжкие преступления, сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека; организаторов организованных групп и преступных организаций.

Во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 90 УК лицо, представляемое к УДО, должно отбыть определенную часть назначенного наказания. Оставшаяся неотбытая часть наказания исполняет роль испытательного срока, в течение которого лицо должно подтвердить свое исправление. В этой связи, нам представляется целесообразным предоставить судам возможность самостоятельно определять длительность испытательного срока, установив при этом в законодательстве лишь низший и верхний пределы.

В-третьих, УДО может быть применено лишь при примерном поведении лица, доказывающем его исправление. Критерии степени исправленности лица закреплены в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь. Однако в практике применения УДО нередко встречаются случаи представления лиц, имеющих неоднократные дисциплинарные взыскания, к УДО.

УДО представляет собой комплексный правовой институт, имеющий сложную юридическую природу. Он выступает в качестве поощрения за правомерное поведение осужденного, а также является важным условием успешной ресоциализации лиц, освобожденных от отбывания наказания, их исправления, а также предупреждения новых преступлений с их стороны.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СРОКА ПРИ УСЛОВНОМ НЕПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЯ

А. В. Быковская

Академия МВД Республики Беларусь

Правоприменительная практика показывает, применение суровых мер наказания не обеспечивает безопасность общества. Содержание большого количества граждан в исправительных учреждениях тяжким бременем ложится на бюджет государства, сдерживает решение многих социальных задач. Обычаи и традиции криминальной среды распространяются среди населения. Поэтому в настоящее время уголовное законодательство практически всех государств допускает возможность применения при соответствующих условиях, так называемых, альтернативных наказанию мер воздействия, не связанных с изоляцией человека от социума.

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в качестве одной из форм реализации уголовной ответственности, основанной на возможности исправления осужденного без реального применения назначенного по приговору суда наказания в виде лишения свободы или направления в дисциплинарную воинскую часть, предусматривает условное неприменение наказания (ст. 78 УК).

Неотъемлемым элементом этой меры уголовно-правового воздействия является испытательный срок, протяженность которого от одного года до трех лет. Он имеет огромное воспитательное значение, так как стимулирует законопослушное, и даже примерное поведение как условие уголовно-правового поощрения осужденного в виде сокращения испытательного срока в соответствии с ч. 5 ст. 402-2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Однако эта правовая норма конкретно не устанавливает, каким образом это должно осуществляться, только отмечает, что при рассмотрении судом вопросов, связанных с сокращением испытательного срока осужденному с условным неприменением наказания, вызываются представители органов, осуществляющих контроль за поведением таких осужденных. Ранее действовавший УК 1960 г. более детально осветил этот вопрос: если условно осужденный в более короткий срок докажет свое исправление, суд вправе по ходатайству коллектива трудящихся или общественной организации, взявшей его на перевоспитание, сократить испытательный срок.

Полагаем необходимым, законодательно конкретизировать круг субъектов, которые могут инициировать досрочную отмену условного неприменения наказания. Это должны быть, в первую очередь, органы, осуществляющие профилактическое наблюдение, а также возможно пре-

доставить такое право и самому виновному. Предлагаем ввести такую практику: после каждого полугодового периода течения испытательного срока органы, которые осуществляют контроль за осужденными, должны представлять отчет о целесообразности дальнейшего неисполнения наказания. Очевидно, что в таком документе следует фиксировать характер действий и образ жизни осужденного. Отменить иную меру уголовной ответственности возможна будет только в отношении лица, доказавшего свое исправление соответствующим поведением. Это значит, необходимо констатировать следующие факты со стороны виновного: признание своей вины; наличие постоянной работы; положительная характеристика с места работы (учебы) и места жительства; отсутствие каких-либо нарушений правил поведения в обществе (административные правонарушения, преступления); добросовестное и полное отбытие дополнительных наказаний.

Правовое закрепление такого предписания в системе поощрительных норм Общей части УК будет иметь огромное значение в предупреждении дальнейшей противоправной деятельности осужденного лица. Таким образом, нами лишь затронута проблема досрочной отмены условного не-применения наказания. Позитивное ее решение возможно только на основе создания новой нормативно-правовой модели.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, ЗА КОТОРЫМИ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ ПРЕВЕНТИВНЫЙ НАДЗОР

А. С. Скобля

Академия МВД Республики Беларусь

Исследуя криминологическую характеристику лиц, в отношении которых устанавливается превентивный надзор, в первую очередь следует отметить, что в уголовном законе уже содержится определенная классификации. Так, законодатель устанавливает две категории: осужденных: лиц, за которыми надзор устанавливается в безусловном порядке; и лиц, за которыми надзор может быть установлен в результате их противоправного поведения во время отбытия наказания или же после его отбытия. Кроме того, существует разделение на категории в зависимости от поведения лица во время отбытия наказания в виде лишения свободы, а также в зависимости от поведения лица после отбытия наказания в виде лишения свободы (совершения административных правонарушений, за которые предусмотрено наказание в виде ареста).

Рассматривая указанные категории, за которыми надзор устанавливается как в обязательном порядке, так и категории лиц, за которыми над-

зор может быть установлен, мы должны обратиться к понятию рецидива. Указанное понятие является междисциплинарным и используется как в уголовном праве, так и в криминологии. Под уголовно-правовым рецидивом преступлений понимают совершение нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление. Криминологическое понятие рецидива более точно характеризует особенности личности преступника, степень устойчивости его антиобщественных взглядов, криминальных навыков и привычек, и подразумевает повторное совершение преступления не независимо от правовых последствий совершения первого преступления.

Характеризуя лиц, в отношении которых устанавливается надзор, мы можем отметить, что согласно законодательству последние неоднократно судимы за совершение умышленных преступлений, т. е. подпадают под определение уголовно-правового рецидива. Отдельной характеристики требуют лица, превентивный надзор за которыми устанавливается в случае судимости за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации. Данные лица могут не являться рецидивистами в уголовно-правовом смысле, так как судимы лишь один раз. Но в то же время, преступные группы и организации не ограничиваются совершением одного преступления. Таким образом, в действиях преступных групп и организаций в криминологическом плане будет присутствовать рецидив.

Подводя итог, следует отметить, что лиц, за которыми устанавливается превентивный надзор в криминологическом плане, можно охарактеризовать как рецидивистов. В этом ракурсе и должны рассматриваться данные, характеризующие личность указанных лиц, и проводиться индивидуально-профилактическая работа в рамках установленного превентивного надзора.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Е. О. Лащиновская

Белорусская государственная сельскохозяйственная академи

В настоящее время в Республике Беларусь создана и действует достаточно эффективная национальная система охраны прав на объекты интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность – это понятие, которое охватывает результаты творческой деятельности в области науки, техники, литературы, искусства, дизайна и создания товарных знаков. В свою очередь, она делится на промышленную собственность и произведения, охраняемые авторским правом.

Следует отметить, что в Республики Беларусь в настоящее время пока еще сохраняется негативная тенденция – чем масштабнее становится сфера интеллектуальной собственности, тем сильнее она привлекает преступников. Так, например, по данным на 2011 год в Республике Беларусь уровень пиратства на рынке компьютерных программ составляет 87 %, а объем черного рынка в стране составляет 56 млн долларов США.

За нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности действующим законодательством Республики Беларусь предусмотрена юридическая ответственность, одним из видов которой является ответственность уголовная. Так, в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь ответственность за нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав установлена ст. 201. Данное преступление относится к категории менее тяжких, так как за его совершение максимальный срок лишения свободы – 5 лет. Предметом данного преступления являются объекты интеллектуальной собственности. В связи с тем, что интеллектуальная собственность включает в себя большое количество составляющих, т. е. элементов, которые в совокупности и образуют ее, следует отметить, что на данном этапе развития уголовного законодательства необходимо конкретизировать составы преступлений в сфере интеллектуальной собственности. Более того, как представляется, целесообразно обеспечить дальнейшее совершенствование контрольной деятельности за соблюдением законодательства об обеспечении охраны и использования объектов интеллектуальной собственности.

В связи с ростом экономической значимости сферы интеллектуальной собственности и масштабом ее функционирования появилась проблема изготовления и распространения контрафактной продукции. Возникновение данной проблемы приводит к неуплате налогов, оттоку кадров и зарплате «в конвертах», что в свою очередь негативно сказывается на экономике страны. Для установления реального состояния дел и выявления уровня контрафактной продукции необходимо постоянно обеспечивать мониторинг рынка интеллектуальной собственности, проводить системный анализ поступающей информации, осуществлять прогнозирование основных тенденций развития рынка товаров с использованием объектов интеллектуальной собственности на территории Республики Беларусь, а также формирование и ведение национальных баз данных в области интеллектуальной собственности.

Кроме того, одной из первоочередных задач в рассматриваемой сфере общественных отношений является определение правовых и организационных основ регистрации объектов авторского права и смежных прав. Это позволит повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в отношении защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Т. А. Лагута

Международный университет «МИТСО»

Вопрос об организованной преступности – одна из наиболее острых, требующих скорейшего решения проблем, поскольку является существенной причиной как экономической, так и социальной нестабильности в любом государстве. Объектом нашего исследования являются правоотношения, возникающие вследствие деятельности организованной преступности и применения законодательства, регулирующего правоотношения в этой сфере. Одним из главных средств противодействия организованной преступности является уголовный кодекс, который предусматривает повышенную ответственность за преступления, совершенные организованной группой и преступной организацией.

Трудности, возникающие при квалификации данных преступлений, показывают, что исследования в данной сфере недостаточно широки.

Законодательством предусмотрено определение организованной группы как формы соучастия, включающей в себя двух или более лиц, предварительно объединившихся в управляемую устойчивую группу для совместной деятельности. Следовательно, основным признаком наличия организованной группы является количественный (наличие не менее 2 правосубъектных лиц). Необходимо, чтобы в группе присутствовала предварительная объединенность, или соорганизованность. Этот признак близок к предварительному сговору, но основным отличием является то, что создание группы для неоднократного совершения преступлений состоялось до начала совершения конкретных преступлений. Следующим признаком организованной группы является устойчивость: продолжительность преступной деятельности, стабильность состава, тесная взаимосвязь между членами, а также противодействие мерам социального контроля и продолжение своей деятельности в случае выбытия из состава группы отдельных участников. Управляемость означает наличие руководителя и подчиненных. Реализация указаний руководителя может обеспечиваться как его авторитетом, так и принудительной силой. Не менее важным элементом является цель – это занятие совместной преступной деятельностью, рассчитанной на длительный или неопределенный период времени, посредством совершения различных преступлений. Отличительной чертой организованной преступной группы от простой группы является наличие постоянно работающего преступного организма по планированию, организации и совершению соответствующих преступлений на основе согласованности, управляемости и сплоченности всех участников организованной группы.

Разновидностью организованной группы является банда. Помимо вышеперечисленных пяти признаков организованной группы для нее характерно еще два: 1) вооруженность; 2) специфический способ осуществления преступной деятельности – путем нападения.

Для констатации факта создания преступной организации важны следующие цели: разработка и реализация мер по осуществлению преступной деятельности; создание условий для ее поддержания и развития.

Органами МВД была проделана значительная работа в направлении борьбы с организованной преступностью. Так, за последние 3 года была пресечена деятельность более 10 преступных организаций и более 60 организованных групп. Также было выявлено около 4000 преступлений, совершенных ими. Несмотря на проделанную работу, предстоит еще приложить немало усилий в борьбе с организованной преступностью. В этих целях крайне важно уделять внимание дальнейшему совершенствованию законодательства.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Л. Г. Букато

Белорусский государственный университет

К числу актуальных вопросов уголовно-процессуального права относится вопрос дальнейшего совершенствования института производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам. Прежде всего, как показывает анализ правоприменительной практики, в совершенствовании нуждается ст. 418 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), определяющая основания возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. Так, в УПК не раскрывается понятие «вновь открывшиеся обстоятельства», вследствие чего лишь путем сугубо теоретического толкования можно сформулировать вывод о включении в данную группу как обстоятельств, существовавших на момент вынесения судебного постановления, так и обстоятельств, возникших после его вынесения. Кроме того, отсутствие законодательного определения рассматриваемого понятия не позволяет в ряде случаев однозначно разграничить производство по вновь открывшимся обстоятельствам и надзорное производство: не ясно, как следует квалифицировать обстоятельства, которые существовали и могли быть известны суду на момент вынесения судебного постановления, но были установлены после того, как оно было вынесено. Следует отметить, что в УПК наряду с понятием «вновь открывшиеся об-

стоятельства» также используется как синоним ему понятие «новые обстоятельства» (ст. 419), что, как видится, является некорректным ввиду отсутствия соответствующего термина в ст. 418 УПК.

Сравнительный анализ действующего УПК, Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1960 г. и уголовно-процессуальных кодексов ряда зарубежных государств (например, Российской Федерации) показывает, что в совершенствовании нуждаются и иные положения ст. 418 УПК. Так, в соответствии с пунктами 1–3 ч. 2 этой статьи указанные в них преступные действия, установленные вступившим в законную силу приговором суда, являются основаниями возобновления производства по уголовному делу в случае, когда они повлекли постановление только незаконного приговора, вынесение незаконных определения и постановления. Буквальное толкование приведенной нормы не дает возможности возобновлять производство по уголовному делу в случае нарушения иных требований, предъявляемых к приговору в соответствии со ст. 350 УПК, в частности, требования об обоснованности приговора.

В контексте такого сравнительного анализа требует своего уточнения и п. 3 ч. 2 ст. 418 УПК, в соответствии с которым основаниями возобновления производства по уголовному делу являются установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия судей, совершенные ими при рассмотрении данного дела. Дело в том, что в п. 46 ст. 6 УПК разъясняется, что термин «судья», употребляемый в УПК, включает профессионального судью любого суда и народного заседателя, а в ст. 418 УПК не имеется каких-либо дополнительных указаний по этому поводу. К примеру, в Российской Федерации присяжные заседатели не включаются в число судей и не подпадают под действие п. 3 ч. 3 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющей аналогичное основание возобновления производства по уголовному делу. Представляется, что неясность употребляемого в п. 3 ч. 2 ст. 418 УПК понятия может вызвать существенные нарушения на практике.

ИНСТИТУТ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УПК ШВЕЙЦАРИИ И В УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Трефилов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Итак, сравнительный анализ УПК Швейцарии (титул V) и Республики Беларусь (раздел 4) позволяет выявить следующие различия в регулировании данного института:

1. УПК Швейцарии в строгом смысле слова не отграничивает меры процессуального принуждения от следственных действий. Титул V

(*Zwangsmassnahmen*) помимо задержания, заключения под стражу и т. д. регламентирует также обыск, ДНК-анализ, наблюдение, применение законспирированного агента и т. п. Смысл такого подхода заключается в том, чтобы распространить гарантии, связанные с мерами процессуального принуждения, на некоторые следственные действия в целях защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Данный подход представляется достаточно прогрессивным в отношении государств СНГ, в том числе Беларуси.

2. В целях более рационального использования соответствующих мер и объективности при их избрании швейцарский законодатель создал отдельную ветвь судов, занимающихся только данным вопросом. Ими являются Суды по вопросам мер процессуального принуждения (*Zwangsmassnahmengericht*). Прогрессивность данного подхода едва ли нуждается в аргументации. Как известно, в Беларуси, России и других странах СНГ столь большое количество обвинительных приговоров во многом обусловлено тем, что судья, избравший меру процессуального принуждения в виде заключения под стражу, в силу целого ряда причин по сути лишен возможности постановить оправдательный приговор по данному делу. В свою очередь, швейцарская модель решения данной проблемы по сути вовсе ее снимает.

3. Принципиально важная особенность швейцарской системы мер процессуального принуждения заключается в том, что в ней не существует единой конструкции в виде заключения под стражу. Законодатель разделил ее на две самостоятельные меры. Ими являются *Untersuchungshaft* – следственное заключение и *Sicherheitshaft* – заключением под стражу, направленное на обеспечение безопасности. Согласно ст. 220 такая мера, как *Untersuchungshaft*, начинается с ее предписания судом по вопросам мер процессуального принуждения и завершается после направления обвинения в суд первой инстанции, досрочного исполнения санкции, связанной с лишением свободы, или освобождения обвиняемого во время досудебного заключения под стражу. В свою очередь, такая мера, как *Sicherheitshaft* представляет собой заключение лица в период между направлением обвинения в суд первой инстанции и вступлением в законную силу приговора, предписывающего санкцию в виде лишения свободы или освобождение. Несложно заметить, что различие же между ними состоит прежде всего в стадии процесса, на которой они вправе применяться. Данная дифференциация и связанные с ней правовые режимы в значительной мере способствуют реализации прав, соответственно, подозреваемым, обвиняемым и подсудимым на различных стадиях уголовного судопроизводства. Белорусский, равно как и российский законодатель, пока на данный шаг не пошли.

Таким образом, новый УПК Швейцарии, воплотивший в себе современные достижения науки уголовного процесса, представляет значительный интерес для исследования белорусскими и российскими процессуалистами, в том числе посредством анализа рассмотренного института, предопределяющего цивилизованность правовой системы в целом.

К ВОПРОСУ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВАНИИ П. 3 Ч. 1 СТ. 246 УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Р. В. Маджаров

Академия МВД Республики Беларусь

Одним из предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК Беларуси оснований приостановления расследования является отсутствие реальной возможности участия в производстве по уголовному делу обвиняемого, чье местонахождение известно, в связи с невозможностью по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного расследования. По данному основанию ежегодно приостанавливается около 150 уголовных дел. Однако вопросы его применения до настоящего времени затрагивались лишь в единичных публикациях отечественных ученых и исследователей, в частности, И. В. Данько и О. С. Постникова. В России проблемы, связанные с применением аналогичного основания, закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, рассматривали М. С. Егорова, К. Б. Калининский, В. В. Рябчиков, К. А. Сергеев, Е. К. Черкасова и др. В своих работах авторы в основном уделяли внимание обстоятельствам, препятствующим явке обвиняемого. Содержание же выражения «когда местонахождение обвиняемого известно» осталось полностью не раскрытым.

Критерий известности, как следует из словаря Ожегова, предполагает, что сведения, которыми располагает орган расследования, с определенной степенью точности отражают реальное положение вещей, т. е. на вопрос: «Где находится обвиняемый?» следователь (дознатель) обязан дать четкий ответ, позволяющий однозначно определить место пребывания данного лица. Вместе с тем «степень точности» – понятие оценочное: оно как указывает на близость полученных данных истинному значению, так и допускает определенное их несовпадение. В нашем случае это обозначает, что под известностью местопребывания обвиняемого можно подразумевать наличие данных о стране, регионе, населенном пункте или конкретном доме, в котором он находится. Исходя из этого, Е. К. Черкасова предлагает считать место проживания лица установленным лишь тогда, когда имеющиеся сведения позволяют «направить в его адрес почтово-телеграфную корреспонденцию, т. е. известны не только

страна и населенный пункт, в котором он находится, но и улица, номер дома и квартиры».

Стоит согласиться с Е. К. Черкасовой в том, что место пребывания обвиняемого можно считать известным лишь тогда, когда сведения о нем позволяют вручить документы этому лицу. Вместе с тем, наличие достоверных данных о почтовом адресе обвиняемого – это хотя и самый распространенный, но все же частный случай известности его местопребывания. Так, например, обвиняемый, будучи отшельником, может проживать в месте, не имеющем почтового адреса. И сведения о таких лицах периодически появляются на российских телеканалах. Либо он может находиться в экспедиции, на зимовке, в дальнем плавании. Последние случаи как российские, так и белорусские ученые считают подпадающими под действие соответственно п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК Беларуси. В этих случаях (если не случится каких-либо чрезвычайных происшествий) всегда можно определить точное положение участников экспедиции, геолого-разведочной партии и т. д. относительно природных и экономико-географических объектов, однако почтовый адреса такие места нахождения лица иметь не будут.

Таким образом, полагаем правильным уточнить позицию Е. К. Черкасовой в части определения содержания выражения «когда местонахождение обвиняемого известно» и считать соответствующим ему ситуацию, когда сведения о почтовом адресе пребывания лица и/или его географическом положении позволяют идентифицировать данное место и по прибытии на него вступить в физический контакт с обвиняемым.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПУБЛИЧНОСТЬ ПРИНЦИПОМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Е. В. Около-Кулак

Академия МВД Республики Беларусь

В соответствии со ст. 15 УПК Республики Беларусь публичность в уголовном процессе рассматривается как принцип, в силу которого государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора. Несмотря на законодательное закрепление публичности как принципа, в теории уголовного процесса на этот счет существует различные точки зрения. Ряд ученых не ставят под сомнение существование данного правового положения в виде основополагающего принципа уго-

ловного процесса и лишь расходятся в его содержании. Однако существуют также и противоположные взгляды.

Некоторые авторы (К. Ф. Гуценко, П. А. Лупинская, А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, С. Д. Остапов, В. М. Савицкий) высказывают мнения, что публичность не только не является принципом, но и противоречит всем другим принципам.

Г. Бродер, Д. С. Караев, Е. А. Матвиенко, М. А. Чельцов-Бебутов, М. Л. Якуб указывают, что самостоятельного принципа публичности нет, а его содержание поглощается принципом законности.

А. Н. Ахпанов и А. Л. Хан определяют публичность в виде уголовно-процессуальной гарантии.

Л. А. Меженина рассматривает публичность как главную характеристику уголовного процесса, на которой основаны все принципы, правила, общие условия и системы данной отрасли права.

Полагаем, что столь различные взгляды на публичность в уголовном процессе формируются в зависимости от выбранного подхода к понятию «принцип», законодательное определение которого отсутствует. Применительно к уголовному процессу, наиболее распространенным является определение, данное М. И. Якубом: «принцип – это закрепленное в законодательстве наиболее общее, руководящее положение (требование), регулирующее порядок следственной, судебной и прокурорской деятельности». Д. С. Карасев, Н. Н. Полянский, А. В. Оболонский, Б. П. Курашвили, В. Н. Кудрявцев, В. К. Бабаев принципом называют требование, предъявляемое к деятельности.

Рассматриваемое понимание указанного термина, на наш взгляд, наиболее точно отражает его роль и значение в уголовном процессе, так как адресатами выполнения являются государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование. Именно на них возложена ответственность за ход и результат деятельности, и только они имеют наиболее широкие полномочия, в том числе и по реализации принципов.

С учетом изложенного одобрение вызывает позиция А. С. Барабаша, который называет публичность основным началом уголовного процесса и утверждает, что ее нельзя называть принципом и сводить к обязанностям государственных органов по установлению события преступления, избранию лица, совершившего преступление, и т. п. «В публичности ... нужно видеть начало, лежащее в основе соответствующей модели, которая, в свою очередь, предполагает свойственную только ей систему принципов». Полагаем, что можно согласиться с позицией А. С. Барабаша и сделать вывод, что публичность представляет собой объективное начало уголовного процесса, в зависимости от которого и формулируются все принципы уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, неоднозначные теоретические подходы к определению публичности в уголовном процессе негативно влияют на эффективность и качество деятельности органов уголовного преследования, осложняют выполнение стоящих перед ними задач, что обуславливает необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Т. Л. Щерба

Академия МВД Республики Беларусь

Залоговая система возникла в Великобритании в VII в. Впервые упоминание о залоге как обеспечительной мере появилось в Правде Инэ примерно в 690 г. Дальнейшее процессуальное оформление залог получил в Вестминстерском статуте 1275 г. В нем были закреплены категории преступлений, при совершении которых может быть применен залог, а также категории преступлений, исключающие применение залога. В 1679 г. появился на свет Хабеас Корпус – акт, который требовал, чтобы подозреваемый, заключенный под стражу, был осведомлен о своем праве быть освобожденным под залог и мог знать причины, по которым ему отказано в этом праве. В 1689 г. британский парламент при принятии Билля о правах зафиксировал законодательно право подозреваемого быть отпущенным на свободу под залог в качестве одного из основополагающих конституционных прав. Также было введено правило, запрещающее устанавливать чрезмерно высокий размер залога.

В настоящее время применение залога в Великобритании регулируется Законом о залоге 1976 г. с изменениями и дополнениями, внесенными Законом об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 г.

В Великобритании современное понятие залога трактуется как любое оставление лица на свободе при наличии оснований для его ареста как с предоставлением денежного обеспечения (условный залог), так и без него (безусловный залог).

Основаниями для отказа в освобождении под залог, согласно британскому законодательству, могут быть: наличие у суда достаточных данных полагать, что обвиняемый, при освобождении под залог (будь то на условиях или нет) скроется от суда, совершит преступление, будет воздействовать на свидетелей или иным образом препятствовать ходу правосудия. Также в приложении 1 к Закону о залоге указаны другие случаи, когда обвиняемому не предоставляется залог: если суд убедится, что обвиняемый должен находиться под стражей для его собственной защиты или для его собственного благополучия (ч. 3); если он находится под стражей во исполнение приговора суда или какого-либо органа, действующего в

соответствии с любым из Законов о службе (ч. 4); если суд не получил достаточной информации для принятия решения о применении залога из-за нехватки времени после начала разбирательства против обвиняемого (ч. 5); если, находясь под залогом, обвиняемый совершил преступление или был арестован за неявку в суд (ч. 6). Закон об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 г. дополнил этот перечень императивом не применять залог к лицам, ранее осужденным за убийство или изнасилование.

Преимущество отдается залого, который вносит сам обвиняемый, если он не имеет достаточных средств, то суд разрешает внести залог поручителю (залогодателю), учитывая при этом характер обвинения, родственные связи или близость его места жительства. Залогодатель берет на себя обязательство по обеспечению явки обвиняемого в суд. Однако ст. 7 Закона о залоге позволяет залогодателю отказаться от своих обязательств, если он в письменной форме уведомит полицию о том, что обвиняемый имеет намерения скрыться от правосудия. В данном случае обвиняемый заключается под стражу, а залог возвращается залогодателю.

Если обвиняемый без уважительной причины не явится в суд, то он признается виновным в совершении преступления – неуважение к суду и может быть подвергнут наказанию в виде штрафа и (или) ареста сроком до 3 месяцев (ст. 6 Закона о залоге).

Таким образом, залог в Великобритании является мерой пресечения, направленной на установление баланса между правами, свободами человека, интересами общества и достижением целей уголовного процесса.

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Г. В. Гудачевская

Белорусский государственный университет

Проблема внутреннего убеждения при оценке доказательств издавна является предметом острых дискуссий. Внутреннее убеждение рассматривается то как метод, способ или принцип оценки доказательств, то как критерий этой оценки, то как ее результат; некоторые авторы рассматривают внутреннее убеждение как единство всех или некоторых перечисленных аспектов. По-разному определяется и сама природа внутреннего убеждения: то в гносеологическом или логическом, то в психологическом смысле. Оценка доказательств по внутреннему убеждению – вопрос, от правильного решения которого зависит успех процессуальной деятельности.

Оценка доказательств по внутреннему убеждению означает такой порядок, при котором, во-первых, эта оценка производится органом, ведущим производство по делу, при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств и, во-вторых, эта оценка завершается категорическими выводами и решениями, исключающими всякое со-

мнение в их правильности. Таким образом, в первом смысле внутреннее убеждение характеризует процесс исследования, а во втором – его результат. Между внутренним убеждением как процессом оценки доказательств и внутренним убеждением как результатом этой оценки существует тесная связь: оценка доказательств по внутреннему убеждению наилучшим образом служит тому, чтобы само внутреннее убеждение в результате оценки доказательств соответствовало действительности.

Указание закона на внутреннее убеждение нужно прежде всего понимать как исключительность компетенции лица, ведущего производство по делу. Тем самым закрепляется прерогатива этого лица в области оценки доказательств, подчеркивается, что оценка доказательств является его неотъемлемым правом и обязанностью. Перелгать ее на кого-либо или руководствоваться оценкой, данной другим лицом, следовательно, прокурор, судья не вправе. В этом смысле внутреннее убеждение понимается, как самоубеждение, как формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела, как необходимость личной оценки доказательств. Указанное требование обеспечивается, в частности, путем реализации принципа непосредственности уголовного процесса.

Указание закона на оценку доказательств по внутреннему убеждению предполагает в качестве обязательного условия такое психическое состояние исследователя, которое характеризуется отсутствием всяких сомнений, уверенностью в правильности достигнутых знаний, принятых решений и выполненных действий. Наличие убежденности служит тем самым нравственно-психологической гарантией правильного разрешения уголовных дел. Следует, однако, категорически отвергнуть все попытки трактовать это состояние как иррациональное, не поддающееся разумному контролю. Свободу внутреннего убеждения нельзя понимать как произвол, как личное, ни на чем не основанное и ни от чего не зависящее усмотрение. Внутреннее убеждение должно быть правильным и полным отображением в голове следователя (судьи) объективно существующих обстоятельств уголовного дела. В этом смысле внутреннее убеждение, будучи результатом оценки доказательств, служит субъективным выражением объективной истины. Внутреннее убеждение, как состояние уверенности в правильности своих выводов, должно опираться на достаточную совокупность – всесторонне, полно и объективно рассмотренных доказательств. В противном случае оно превращается в самоуверенность, бездоказательную и бесконтрольную убежденность, далекую от объективной истины. Обоснованность внутреннего убеждения составляет неотъемлемое его свойство, подчеркнутое в самом законе. Теорией и практикой выработаны требования, которым должно удовлетворять в смысле обоснованности внутреннее убеждение как результат оценки доказательств.

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Б. В. Гудачевская

Белорусский государственный университет

В Конституции Республики Беларусь определены основополагающие принципы уголовного процесса. Статья 2 указывает, что высшей целью государства является обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь. Право на свободу и неприкосновенность является важнейшей составляющей правового статуса личности в демократическом обществе.

Среди всех видов государственной деятельности уголовный процесс больше других вторгается в сферу частной жизни, ограничивает права и свободы граждан. Так, органы, ведущие уголовный процесс, могут заключать обвиняемого под стражу, подвергать свидетеля или потерпевшего приводу, провести обыск в жилище, наложить арест на имущество и т. д. Меры уголовно-процессуального характера, применяемые в качестве способов воздействия на поведение участвующих в деле лиц, принято называть мерами уголовно-процессуального принуждения.

Принуждение представляет собой ограничение неприкосновенности личности. Как социальное явление оно присуще любому обществу, любой организованной группе людей. Несмотря на это, государственное принуждение, по мнению Э. К. Кутуева, наряду с убеждением относится к традиционному методу осуществления государственной власти.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве меры процессуального принуждения объединяют в себе: задержание, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения.

Каким же критерием необходимо пользоваться, чтобы те или иные средства определить как принуждение и определить ту грань, которая указывает на то, где заканчивается частная жизнь граждан и начинается возможность либо необходимость применения мер уголовно-процессуального принуждения? Рассматриваемый вопрос является весьма актуальным, поэтому как в учебной, так и монографической литературе, он широко рассматривается и обсуждается.

Есть мнение, что личная свобода заканчивается там, где она начинает негативно влиять на свободу других. На наш взгляд, применение мер уголовно-процессуального принуждения обосновано необходимостью упрочнения режима законности и правопорядка в стране, всемерной охраной прав и законных интересов личности, общества и государства. Однако государство не должно ставить приоритетов в вопросах борьбы с преступностью и в вопросах обеспечения неприкосновенности личности при этом. В последние годы в политико-правовых документах ставится

задача именно по усилению, с одной стороны, борьбы с преступностью и коррупцией, а с другой – защиты прав и свобод граждан. Однако в свете защиты конституционных прав и свобод граждан при осуществлении мер по борьбе с преступностью необходимо понимать, что борьба с преступностью может вестись только законными мерами.

В этой связи американская юридическая наука выделяет право лица на прайвеси, под которым следует понимать право человека контролировать «свое жизненное пространство» и «свою личность», т. е. право быть свободным от необоснованных арестов, задержаний, обысков, изъятий имущества и т. п.

Одним из общих условий применения мер процессуального принуждения служит возбужденное уголовное дело, так как предполагает наличие вывода о существовании общественно опасного деяния. Думаю, что такой порядок выступает одной из гарантий неприкосновенности личности.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАТОР КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н. С. Диденко

Белорусский государственный университет

На сегодняшний день все чаще встает вопрос о кризисе уголовной юстиции. Наказание не позволяет эффективно достигать целей уголовной ответственности, при этом не оказывается никакого внимания психическому состоянию потерпевшего. Как результат во многих странах традиционное уголовное правосудие начинает дополняться альтернативными способами разрешения конфликтов. Одним из них является восстановительное правосудие. В качестве одной из его основных моделей выступает медиация – процедура примирения правонарушителя и жертвы, представляющая собой их добровольные встречи, которые способствуют принятию ответственности преступником и восстановлению психического состояния потерпевшего при помощи объективной третьей стороны – медиатора или посредника.

Процедура медиации активно применяется в хозяйственных судах Республики Беларусь с 2008 г. Ее высокая эффективность дает основание полагать, что медиация будет успешно работать и в уголовном процессе.

В качестве центральной фигуры медиации выступает посредник. Именно от него зависит исход примирительной процедуры, поэтому в законодательстве следует детально урегулировать вопросы, касающиеся его статуса.

Примирительная деятельность в уголовном процессе – это особый вид деятельности, требующий наличия специальных навыков и который

должен выполняться, в первую очередь, на профессиональной основе. В 2011 г. планируется начать подготовку профессиональных медиаторов для разрешения споров в хозяйственных судах Центром разрешения конфликтов Белорусского республиканского Союза юристов, созданным в 2010 г. Возможно, будет целесообразным возложить на данную организацию функцию подготовки медиаторов в уголовном процессе.

Ведение примирительных процедур в уголовном процессе требует наличия жизненного опыта, поэтому необходимо установить минимально допустимый возраст для медиаторов (25 лет, как у судей). В качестве обязательного следует установить следующее требование к кандидатам на обучение: высшее образование в области психологии, либо высшее юридическое или педагогическое образование. Лица, отвечающие приведенным выше требованиям, должны пройти собеседование на предмет наличия у них таких качеств, как открытость, доброжелательность, стойкость. Проведение собеседования следует поручить специальной комиссии. Положительное заключение комиссии дает возможность начать специальную подготовку будущего медиатора, которая предполагает изучение правовых дисциплин, дисциплин в области педагогики и психологии. По окончании обучения необходимо успешно сдать выпускной экзамен.

Оплата услуг медиаторов может производиться из различных источников. Самым вероятным из них является государственный бюджет. Источником оплаты могут быть специальные благотворительные фонды.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: медиатор – центральная фигура примирительных процедур в уголовном процессе. Функцию их подготовки необходимо возложить на Центр разрешения конфликтов. Для получения квалификации медиатора необходимо достичь возраста 25 лет, иметь определенное высшее образование, пройти собеседование на предмет наличия особых личных качеств, пройти курс подготовки и сдать выпускной экзамен. Оплата услуг медиатора может производиться как из государственного бюджета, так и из специально созданных благотворительных фондов.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА КОНЦЕПЦИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

М. А. Кравцова

Академия МВД Республики Беларусь

Принцип обеспечения восстановления нарушенных прав предполагает не только возмещение имущественного, но также компенсацию немущественного вреда.

В статье 14 УПК БССР от 1927 г. понятия физического и морального вреда отсутствовали. Нормы, касающиеся компенсации морального вре-

да, появились только в 1958 г. в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Однако, несмотря на то, что советским законодательством категория «моральный вред» признавалась свойственной буржуазному обществу, и законодатель не мог допустить внесения в закон норм о компенсации морального вреда, данный вопрос стал темой оживленных дискуссий в теории наук правового цикла.

Имелись как противники данной идеологической доктрины, так и ее сторонники. Вопросы защиты неимущественных прав потерпевших исследовались такими учеными как С. И. Духовский, В. К. Случевский, Д. Г. Тальберг, Б. С. Утевский, А. С. Беляцкий. Так, например, А. С. Беляцкий предлагал ввести в судебную практику компенсацию морального вреда в виде меры социальной защиты и полагал, что «формально введение в закон обязательства возмещения морального вреда находится в полном соответствии с началами советского гражданского права».

Противоположенных взглядов придерживался А. Зейц, полагая, что «возмещение морального вреда встречает серьезное возражение с точки зрения догматики советского права, и введение этого института означало бы ломку основных принципов положительного права». Противником компенсации морального вреда выступал также Г. Ф. Шершеневич, который указывал, что «личное оскорбление не допускает никакой имущественный вред <...> между нравственным вредом и моральным вознаграждением нет общего мерила, переложение морального вреда на деньги есть результат буржуазного духа, который оценивает все на деньги».

В 1960-е гг. ученые снова активно обсуждали аспекты, связанные с материальной компенсацией морального вреда. В. Т. Смирнов, А. А. Собчак считали, что в некоторых случаях духовные потери для потерпевшего значат гораздо больше, чем материальные. Высказанное ими мнение разделяют Ю. Х. Калмыков, Н. С. Малеин, В. А. Тархов. Целесообразно поддержать позицию ученых-правоведов, считающих, что моральный вред причиняется всеми преступлениями.

Вопросы компенсации неимущественного вреда, причиненного преступлением, во все времена имели для потерпевшего первостепенное значение. Развитие права дало толчок к теоретическому оформлению концепции вознаграждения морального вреда, причиненного преступлением, однако ввиду действующих идеологических догм на практике не было выработано единого механизма компенсации за физические и нравственные страдания, не была разработана система криминалистических средств для установления наличия «посткриминальных» страданий потерпевшего как элемента предмета доказывания, а также криминалистических средств обеспечения своевременной и полной компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Как представляется, наря-

ду с совершенствованием законодательства, регулирующего процесс возмещения морального вреда, причиненного преступлением, сегодня правомерно говорить о необходимости формирования криминалистического обеспечения его компенсации.

К ВОПРОСУ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Чжу Цзинь Цзе

Белорусский государственный университет

Совершение преступлений в сети Интернет является новой формой проявления преступной деятельности, обладающей целым комплексом присущих ей особенностей. Это и действие в рамках четко не определенного пространства, и отсутствие традиционных материальных следов на месте происшествия, и специфичность преступного намерения и мотива преступления, и невещественный характер доказательств и сложность их оперативной фиксации, а также высокая степень конфиденциальности. Все вышеуказанные факторы позволяют говорить о трудностях выявления таких преступлений и проблемах сбора доказательств при их расследовании.

Преступления, совершаемые в сети Интернет, проявляются в специфической среде ограниченной рамками пространства, которое мы обычно называем виртуальным. Это мир, существующий в цифровом формате. Названное обстоятельство требует разработки специфических технологий расследования преступлений, совершаемым в сети Интернет, основным назначением которых является обнаружение, фиксация и изъятие электронных доказательств преступной деятельности. Такого рода познавательный акт носит общее название «процесс получения сетевых доказательств» (Network forensics).

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Китая для раскрытия преступлений, совершаемых в сети Интернет, возможно использование правоохранительными органами технических способов расследования, которые основаны на применении специфических аппаратно-программных комплексов, выполняющих функции поиска, закрепления, исследования и сохранения необходимых доказательств.

Кроме того, органы предварительного расследования Китая активно используют технические возможности иных субъектов – провайдеров, организаций, подсоединенных к сети Интернет, юридических лиц, использующих соединения с международными компьютерными и информационными сетями, а также других организаций.

Непосредственный сбор информации о преступлениях рассматриваемой группы осуществляется правоохранительными органами двумя путями: открытое принудительное вмешательство с целью получения информации о совершенном преступлении и негласное вмешательство, которое подразумевает получение информации с помощью различных адресов, соответствующих информационным платформ и блокировки источника информации и адреса преступника.

Кроме того, в соответствии со ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Китая следственные органы в процессе расследования преступлений, совершенных в сети Интернет, имеют право запрашивать информацию у юридических и физических лиц по наличию у них информации, относящейся к совершенному преступлению.

В случае обнаружения действий с использованием Интернета, наносящих угрозу государственной безопасности, направленных против государственных, общественных и коллективных интересов или нарушающих законные права и интересы граждан и др., организации должны сохранить всю изначальную информацию о таких событиях. В течение 24 часов о таких прецедентах должно быть направлено сообщение в органы общественной безопасности.

В соответствии со ст. 16 Постановления Госсовета КНР «Об управлении информационным обслуживанием в сети Интернет», интернет-провайдер в случае обнаружения преступлений, должен немедленно принять меры к их пресечению, сохранить соответствующие записи и в срочном порядке сообщить в соответствующие инстанции.

Указанные меры, наряду с проводимым комплексом оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий позволяют эффективно выявлять, раскрывать и расследовать преступления, совершаемые в сети Интернет.

О ДОПОЛНЕНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

И. И. Лузгин

Полоцкий государственный университет

Триединая сущность целостности криминалистической деятельности состоит из практического, учебного и научного компонентов. В научном аспекте она направлена на создание различных группировок, классификаций, систематики категорий как научного инструментария развития криминалистики в целом, так и входящих в нее частных криминалистических теорий, классификаций следов, классификаций преступлений, классификаций преступных групп, классификаций экспертных исследований, классификаций конфликтов на предварительном следствии и

следственных ситуаций, активно влияющих на практическую сферу, где и осуществляется применение криминалистических технологий.

Закономерен и тот факт, что этим проблемам посвящены монографические работы А. Р. Белкина, А. Ю. Головина, М. В. Данилина, В. Ю. Шепитько и других авторов.

Тем не менее традиционно восприятие главной общей задачи криминалистики как прикладной. Большинство ученых сводят основную ее задачу лишь только к обеспечению ей потребностей предварительного расследования.

По утверждению Н. Г. Шурухнова, общая задача криминалистики состоит в содействии правоохранительным органам в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, в устранении обстоятельств, способствовавших их совершению. В одном из учебников под редакцией Р. С. Белкина общая задача криминалистики определена как содействие в борьбе с преступностью своими специфическими силами и средствами. Вместе с тем мы считаем, что это далеко не так.

Значимость криминалистического знания как научно-объективной системы обеспечения процесса доказывания на основе исследования криминалистически значимой информации со своей системой методов, приемов и средств вышла далеко за пределы его использования лишь предварительным расследованием и дознанием. Это закономерно вписывается в систему общего направления демократизации и совершенствования общества и законодательства в целом, отражая собой продолжающийся процесс формирования подлинно сбалансированной состязательной системы правосудия. Фактором универсальности криминалистического знания является и тот факт, что находящиеся в основе его предмета закономерности столь объективны и системны, что ни одна из современных правовых систем, строящихся по отраслевому принципу, не способна обеспечить свою эффективность без криминалистического знания, имеющего универсальный характер независимо от сферы применения при решении любого уровня и сложности задач. А сама необходимость применения криминалистического знания предопределяется как целесообразностью, так и системной функциональностью криминалистических систем.

Важным результатом данного Р. С. Белкиным дополнения определения криминалистики является вывод о том, что понимание системности закономерностей, составляющих предмет криминалистики, предопределяет и столь же системный подход к его изучению. В научном, практическом и учебном планах не имеется, с точки зрения обоснованности данного решения, более предпочтительных альтернатив.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ЛИЦАМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Н. П. Орлянин

Белорусский государственный университет

Выяснение способов совершения преступления имеет значение не только для разработки эффективной методики и тактики раскрытия и расследования преступления, но и позволяет судить об особенностях личности преступника, в том числе об его уровне профессионализма. Последнее особо значимо при выборе тактики допроса подозреваемого

Способы совершения мошенничества лицами женского пола характеризуются таким набором средств и методов, которые позволяют осуществить обман настолько убедительно, что порождают искреннюю доверчивость потерпевшего, в силу которой и происходит передача имущества. Этому способствуют особенности личности преступниц, которые имеют относительно высокий образовательный и социальный статус, обладают значительным жизненным опытом и личным обаянием.

В самой общей форме можно обозначить следующие способы совершения мошенничества лицами женского пола.

Мошенничество под видом социальных работников, путем гадания и снятия порчи, как правило, совершают женщины в возрасте от 25 до 45 лет, часто ранее судимые. Они могут быстро обаять человека, расположить его к себе, войти в доверие. Злоумышленницы хорошо ориентируются в сложной и быстро меняющейся обстановке. Они прекрасные психологи – четко «вычисляют» в толпе человека с плохим настроением и начинают активно предлагать свою помощь, параллельно запугивая «порчей» и «сглазом». Молодым девушкам довольно часто предлагают снять «венец безбрачия». Причем саму легенду «гадалка» выстраивает уже в процессе разговора, нащупывая болевые точки клиента.

Довольно часто мошенницы предлагают пожилым людям «бесплатные» врачебные услуги на дому – измерение давления, сдачу анализов, осмотр. Эти мошенницы почти всегда имеют хотя бы начальное медицинское образование и в полной мере владеют специальной терминологией, используют соответствующую атрибутику: халаты, медицинскую технику, бланки рецептов. При общении по телефону с гражданами они ссылаются на проведение различных социальных и благотворительных программ, представляются сотрудниками известных медицинских учреждений.

Сравнительно новым способом совершения преступления является присвоение кредитных средств, полученных в порядке ипотеки, когда закладываемое недвижимое имущество заведомо для получателя кредита

не может быть обращено в погашение задолженности. Преступники до тонкостей познают факторы, которые препятствуют обращению заложенной квартиры в собственность залогополучателя, в случае если кредит не возвращается. Спокойно присваивая кредит, они не рискуют заложенным имуществом.

Использование чужих или поддельных пластиковых кредитных карточек. Незаконное завладение имуществом с помощью пластиковых карт тоже является сравнительно новым для Беларуси способом преступления в силу того, что сами пластиковые карты и их инфраструктура появились у нас совсем недавно.

ПСИХОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СЕКСУАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ

Д. С. Зудилина

Международный университет «МИТСО»

Девиантное (аномальное, ненормативное, отклоняющееся) поведение человека существенно отличается от гармонии и нормы. Девиантное поведение человека можно обозначить как систему поступков, противоречащих принятым в обществе нормам и проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, уклонении от нравственного контроля над собственным поведением.

Под сексуальными девиациями понимается любое количественное и качественное отклонение от сексуальной нормы. Выбор сексуального партнера в норме осуществляется с использованием возрастного фактора. Адекватной для взрослого человека считается направленность на лицо близкой к нему возрастной категории. Выделяют сексуальную девиацию, диагностика которой строится на несоответствии возрастной направленности влечения: *педофилия*.

Педофилией называется направленность сексуального и эротического влечения взрослого человека, который не находит полного сексуального удовлетворения в контактах со сверстниками и способен испытывать оргазм лишь при взаимодействии с детьми. Формы педофильных контактов различны. Данный вид сексуальных девиаций может быть представлен как в рамках патохарактерологического и психопатологического типов отклоняющегося поведения, так и при аддиктивном типе. Если в первых случаях мотивами выступают психопатологические симптомы и синдромы (деменция, изменения личности, акцентуация характера), то во втором – попытка испытать особые, необычные, яркие и новые для индивида переживания при контакте с ребенком. Педофилами бывают как мужчины, так и женщины. Педофилы могут предпочитать девочек, мальчиков

или не иметь половых предпочтений. Проявления педофилии включают в себя не только изнасилования, убийства и сексуальные игры с малолетними, но и желание наблюдать за ребенком, оказывать влияние на его взросление. Педофилия является своего рода формой изнасилования, опасной именно компонентом принуждения. Физические повреждения организма детей, ставших жертвами педофилов, говорят о том, что половой контакт происходил не добровольно, воля ребенка была парализована, как правило, психологически – страхом или заложенной воспитанием покорностью перед «взрослыми». Долгосрочными опасными последствиями педофилии являются попытки самоубийств, страхи, депрессия, злоупотребление алкоголем и таблетками, прерывание обучения в школе, стресс, сексуальные расстройства, психические проблемы общего характера. Жертвами педофилов чаще становятся дети, имеющие психологические или социальные проблемы.

Девиантное поведение причиняет реальный ущерб обществу или самой личности, сопровождается социальной дезадаптацией и выработкой неадекватных паттернов поведения. Сексуальные девиации и личность, их проявляющая, вызывают негативную оценку со стороны других людей (осуждение, социальные санкции). Исследования в данной области применимы в правовой сексологии, а также в высших учебных заведениях юридического профиля с целью совершенствования представлений о данном явлении. Метод психологического профиля был применен в ВФ УО ФПБ «МИТСО». Из 48 студентов 100 % отрицательно относятся к педофилии. Ими предложены следующие виды наказания: смертную казнь предложили 48 % опрошенных; пожизненное заключение – 35 %; кастрацию – 5 %; те же методы, что и у педофилов – 2 %.

Остаются неизученными общие особенности развития сексуальной культуры за последнее десятилетие с точки зрения влияния на нее основных социально-демографических факторов.

Раздел VI

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СЕРТИФИКАЦИИ

И. С. Дружинина

Белорусский государственный университет

Экологическая сертификация занимает важнейшее место в механизме экологического права. Законодательные основы экологической сертификации в Республике Беларусь были заложены в Законе Республики Беларусь «О сертификации продукции, работ и услуг» от 5 сентября 1995 г. Сфера его применения распространялась только на обеспечение безопасности продукции, однако существенным нововведением являлось осуществление сертификации продукции и в целях охраны окружающей среды. В дальнейшем был разработан совместный приказ Минприроды и Госкомстандарта от 15 июня 1998 г. «Об утверждении основных положений экологической сертификации продукции и производств в Республике Беларусь». Создана подсистема экологической сертификации продукции и производств в Республике Беларусь, установлены основные цели, задачи, объекты и требования к экологической сертификации продукции и производств в Республике Беларусь. Указанные нормативные акты до настоящего времени представляют собой основу экологической сертификации продукции в Республике Беларусь.

Законом Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам оценки соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации» вносятся изменения и дополнения в ряд законов Республики Беларусь, исходя из необходимости гармонизации норм с учетом международной практики и согласования их с нормами других законодательных актов Республики Беларусь. При этом обращает на себя внимание отсутствие существенных изменений по обязательной и добровольной сертификации продукции и производств. Вместе с тем, для развития института экологической сертификации целесообразно определение договорных условий осуществления сертификации продукции, производств и иных объектов на уровне законодательного акта. Указанные в Законе существенные условия договора на осуществление сертификации объектов экологической

сертификации позволят структурировать, систематизировать и придать нормативный характер обязательствам по экологической сертификации.

Одновременно, говоря об установлении нормативности правоотношений по экологической сертификации необходимо также отметить, что круг технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации сужен с четырех до двух видов актов. В настоящий момент таковыми являются технические регламенты и государственные стандарты Республики Беларусь. Данное сужение, на наш взгляд, и связано с необходимостью придания большей нормативности процессу осуществления экологической сертификации, поскольку технические регламенты предполагают безусловную обязательность их требований, а также непосредственную связь этих требований с безопасностью продукции, процессов ее производства или оказания услуг. Что касается стандартов, данные акты разрабатываются на основе согласия большинства заинтересованных субъектов технического нормирования и стандартизации.

Все это, на наш взгляд, указывает на необходимость отражения общих условий экологической сертификации в Республике Беларусь в нормативных правовых актах. Это позволит придать нормативность процедуре экологической сертификации, а, следовательно, распространить сертификационные требования на неограниченный круг правоотношений, связанный с конкретным объектом экологической сертификации.

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЙ ОГРАНИЧЕНИЯ (ОБРЕМЕНЕНИЯ) ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

О. А. Хотько

Белорусский государственный университет

В настоящее время в отечественной земельно-правовой науке процесс развития законодательства об ограничениях (обременениях) прав на земельные участки не исследован должным образом. Рассмотрение данного вопроса послужит основанием для их правильного понимания и применения на практике.

Исходными и определяющими при формировании нормативно-правовой базы об ограничениях (обременениях) прав на земельные участки явились положения о земельных сервитутах, сформированные еще в древнеримских правовых источниках. Непосредственно в результате установления сервитута накладывались определенные ограничения, когда собственник земельного участка должен терпеть совершение субъектом сервитута тех или иных действий. Сервитуты, ограничения в пользовании земельным участком содержались в Законах XII таблиц, Дигестах

Юстиниана и других источниках. Но сервитуты в Древнем Риме представляли возможность восполнить недостатки имеющегося земельного участка, устанавливались непосредственно для обслуживания участка, в то время как при установлении ограничений прав на землю цель обслуживания другого соседнего земельного участка не ставилась. Поэтому следует констатировать, что ограничения (обременения) прав на землю базируются на сервитутных отношениях, получили свое развитие на их основании, но не идентичны им.

В Беларуси к одним из первых источников, закрепляющих определенные ограничения прав на земельные участки, относятся Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. Положения Статутов действовали и в период нахождения Беларуси в составе Речи Посполитой, других источников в данной области отношений не принималось.

Современная система норм об ограничениях и обременениях начала складываться в советский период. Однако, процесс развития нормативно-правовой базы этих отношений шел неравномерно, непоследовательно. Ограничения земельных прав в рассматриваемый период регулировались в большей степени подзаконными актами органов государственного управления (постановлениями Совета Министров СССР, Советов Министров союзных и автономных республик, а также принятыми на основе законов, постановлениями правительства, актами министерств и ведомств). Кроме того, ограничения прав на земельные участки предусматривались не только земельным законодательством, но и значительное их число содержалось и содержится в других отраслях законодательства о рациональном использовании и охране природных ресурсов, актах законодательства, принятых с целью обеспечения экологической безопасности.

Наиболее активный нормотворческий процесс пришелся на 90-е годы, в данное время разрабатывались акты, направленные на рациональное использование земли и ее охрану как важнейшего компонента окружающей среды, снижение вредного воздействия на окружающую среду.

Но впервые позиция законодателя, близкая к современному пониманию ограничений (обременений) прав на земельные участки, представлена в законе Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» от 23 июля 2002 г. В законе приводится краткая формулировка, что ограничения (обременения) прав пользования земельными участками подлежат государственной регистрации.

В действующем Кодексе Республики Беларусь о земле 2008 г. закреплено определение ограничений (обременений) прав на земельные участки, установлен перечень случаев установления ограничений (обременений) прав на земельные участки, определены правила возмещения убытков, причиненных ограничением прав.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕДЕНИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. Ю. Коваленко

Белорусский государственный университет

Правовое регулирование ведения охотничьего хозяйства и охоты осуществляется широким спектром нормативных правовых актов: Лесным кодексом Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовным кодексом Республики Беларусь, законами Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», «О животном мире», «Об оружии» и т. д.

В период с 1987 по 1996 г. члены обществ охотников имели право осуществлять охоту в угодьях, в которых охотничье хозяйство велось учреждениями и организациями этих обществ, а также в угодьях других учреждений и организаций – лишь с разрешения их администрации. В доход пользователей охотничьих угодий направлялись 50 % стоимости лицензий, 100 % средств, вырученных от реализации путевок на охоту и продукции охоты. Лицам, вскрывшим незаконную охоту, в результате которой был причинен ущерб охотничьему хозяйству, выплачивалось вознаграждение до 30 % от суммы возмещения причиненного ущерба.

Благодаря имеющимся полномочиям, значительную роль в борьбе с незаконной охотой играли различные общественные органы и организации, общественные инспектора и дружинники. Существовала материальная заинтересованность в задержании общественниками и должностными лицами браконьеров благодаря возможности получения 30 % вознаграждения от суммы причиненного ущерба.

Несмотря на то, что на официальном уровне декларировалось, что охотники должны быть хозяевами в закрепленных охотугодьях, существовавшая административно-командная система не позволяла в полной мере реализовать этот принцип. Постепенно это лишало охотничьи коллективы заинтересованности в самостоятельном хозяйствовании в охотугодьях и порождало браконьерство.

В период с 1997 по 2006 г. арендаторам охотничьих угодий было предоставлено право устанавливать стоимость путевок и разовых разрешений и оставлять себе все денежные средства, вырученные от их реализации. Вся добытая продукция охоты была объявлена собственностью охотника за исключением случаев, если иное не указано в охотничьей путевке и разовом разрешении.

Средства, полученные от взыскания штрафов за нарушения охотничьего законодательства, стоимости незаконно добытой продукции охо-

ты или вырученные от реализации указанной продукции, средства, полученные в возмещение причиненного охотничьему хозяйству ущерба, направлялись: 40 % – в доход арендатора охотугодий, 50 % – на вознаграждение лиц, вскрывших браконьерство, 10 % – в республиканский бюджет.

С момента создания Государственной инспекции, т. е. с 2003 г., уровень валового браконьерства снизился в разы. В основном в Беларуси занимаются незаконной охотой с целью решить свои материальные проблемы. Чаще других под пули браконьеров попадают косули и кабаны, лосей отстреливают реже. В целом в стране больше незаконной ловли зверей сетями, чем отстрела диких животных огнестрельным оружием. Это обусловлено тем, что сети приобрести гораздо проще, чем оружие.

В настоящее время Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь смогла за короткий период времени в значительной мере уменьшить незаконную охоту и усилить ответственность должностных лиц охотничьего хозяйства за выполнение Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты и условий договоров аренды охотничьих угодий.

ПРИРОДОРЕСУРСНЫЕ И ПРИРОДООХРАННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

И. С. Щепанский

*Московская государственная юридическая академия
имени О. Е. Кутафина*

Вопрос обеспечения энергетической безопасности для России, как и для большинства современных государств, носит острый проблемный характер. Энергетическую безопасность можно определить как состояние защищенности государства, общества и граждан, выражающееся в способности обеспечивать конечных потребителей энергией на приемлемых условиях без существенных рисков угрозы жизни, здоровью, имуществу и благополучию всех участников энергетических отношений в течение продолжительного периода при любых условиях и вне зависимости от внешних факторов.

Согласно Энергетической стратегии России до 2030 г., утвержденной постановлением Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р, угрозы энергетической безопасности определяются внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, а также состоянием и функционированием энергетического сектора страны. Обеспечение энергетической безопасности определяется ресурсной достаточностью, экономической доступностью, экологической и технологической допустимостью и правовой урегулированностью.

Все эти аспекты энергетической безопасности тесно взаимосвязаны между собой. Так природоресурсная бедность или непродуманная государственная политика в области добычи природных ресурсов непосредственно влияет на структуру экономики, вынуждая заботиться об импорте ресурсов из других стран, что неизбежно влияет на внешнеполитическую стратегию.

То же самое можно сказать и о природоохранной деятельности. Одним из важнейших принципов современного экологического законодательства, закреплённого в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» является платность природопользования и возмещение вреда окружающей среде. Международное законодательство устанавливает ответственность за трансграничное загрязнение окружающей среды. Следовательно, и этот аспект связан с экономической и политической составляющей.

Несмотря на огромный интерес к теме правового обеспечения энергетической безопасности, ее экологические аспекты исследованы недостаточно. В основе современной энергетики лежит непосредственное взаимодействие человека с природой. В большинстве случаев это сопряжено со значительным изменением окружающей среды. Энергетический сектор – один из основных источников загрязнения окружающей среды. На его долю приходится более 50 % выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и более 20 % сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы, а также более 70 % суммарной эмиссии парниковых газов в Российской Федерации. При использовании топливных ресурсов (а сегодня они преобладают в национальном и мировом энергетическом балансе) это связано также с изъятиями компонентов природы для дальнейшей переработки и выбросами (сбросами) отработанных компонентов. Кроме того, экологические проблемы энергобезопасности непосредственно связаны с вопросами энергосбережения и энергоэффективности, перекликаются с концепцией устойчивого развития и теорией изменения климата.

Несмотря на обилие декларативных принципов, в настоящее время система эколого-правовых мер, направленных на рациональное природопользование недостаточно эффективна. Российской правовой системе необходим специальный закон, направленный на поддержку развития возобновляемых источников энергии. Для достижения целей, указанных в Энергетической стратегии Россия должна стать более активным участником международного сотрудничества в области стратегической природоохранной политики. В ближайшее время государству также необходима разработка специальной доктрины энергетической безопасности, учитывающей все реальные и потенциальные угрозы национальному топливно-энергетическому сектору.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Н. А. Маркина

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь*

Правовое регулирование обращения с отходами имеет большое значение для всего мирового сообщества, что связано с постоянным их увеличением, а, следовательно, и негативным влиянием на окружающую среду. Для решения проблемных вопросов по захоронению, уничтожению и использованию отходов необходима активная деятельность не только отдельных государств, но и их тесное сотрудничество, согласованность действий и взаимопомощь. Данная проблема касается и стран Европейского Союза (ЕС).

Одним из важнейших законодательных документов в области управления отходами является Директива Европейского Союза 75/442/ЕЭС от 15 июля 1975 г., в которой впервые были сформулированы и законодательно закреплены принципы обращения с отходами – Иерархия управления отходами.

Иерархия управления отходами – универсальная модель обращения с любым видом отходов – представляет собой классификацию действий с отходами по степени их приоритетности и построена на следующих принципах:

- 1) предотвращение или снижение образования отходов;
- 2) разделение отходов у источника их образования;
- 3) вторичное использование отходов путем возврата в производственный процесс;
- 4) рециклинг – обработка отходов с целью получения из них новых видов сырья или продукции;
- 5) обезвреживание отходов с целью снижения их опасности для природной среды;
- 6) захоронение отходов – наименее предпочтительная альтернатива управления отходами.

Директива не требует от членов ЕС закрепления принципов на уровне национальных законодательных актов, тем не менее, в ряде стран ЕС при принятии специальных актов учитываются ее рекомендации. Так, в ФРГ с 1994 г. действует законодательство, регулирующие обращение с отходами, во Франции с 1992 г. действует Закон «Об удалении отходов и использовании вторичного сырья», в Чехии Закон об отходах действует с 1991 г. (в настоящее время действует закон, принятый в 2001 г.).

На территории ЕС, кроме Директивы, действуют и иные акты: Распоряжение Совета 259/93/ЕЭС от 1 февраля 1993 г. по вопросам надзора и контроля за перемещением отходов в пределах территории Европейского Сообщества и за ее пределами; Распоряжение Совета 1420/99/ЕС от 29 апреля 1999 г. об общих принципах и процедурах, используемых для перемещения некоторых видов отходов в некоторые страны, не входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития и другие. В 1996 г. странами – членами ЕС был принят основной программный документ в области обращения с отходами «Стратегия управления отходами ЕС», послужившая основой для принятия аналогичных законодательных документов во всех европейских странах.

Таким образом, для стран ЕС проблема обращения с отходами представляет огромный интерес, что проявляется и в постоянном совершенствовании законодательства, так как деятельность, связанная с образованием отходов, их сбором, разделением по видам, удалением, хранением, захоронением, перевозкой, обезвреживанием и переработкой непосредственно влияет на экологическую обстановку, обеспечение права граждан на благоприятную окружающую среду и последующее здоровое развитие нации.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Козлова

Белорусский государственный университет

Согласно положениям Концепции Национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь решение проблемы достаточного продовольственного обеспечения связано с развитием национального сельского хозяйства через различные организационно-правовые формы, одной из которых является крестьянское (фермерское) хозяйство (далее – КФХ). Стоит обратить внимание на тенденцию к резкому сокращению численности КФХ Республики Беларусь в период с 2009 по 2011 г., что подтверждается статистическими данными Министерства сельского хозяйства и продовольствия. Таким образом, назрела необходимость совершенствования правового обеспечения развития КФХ в Республике Беларусь.

Предлагается устранить противоречия между общими и специальными источниками правового регулирования деятельности КФХ с целью точного и единообразного применения законодательства, исключения дублирования норм с соблюдением принципа полноты и системности.

Актуальным вопросом является разработка процедуры реализации предоставленных законодательством прав на государственную поддержку крестьянских (фермерских) хозяйств.

Представляется вполне оправданной в научной литературе точка зрения о необходимости разработки концепции Закона «О сельскохозяйственной кооперации», что было предусмотрено постановлением Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 20.12.2001 № 374-П2/П, но так и не реализовано. Целесообразна также организация бесплатного юридического консультирования в данной сфере на базе юридических клиник, в том числе по вопросам создания кооперативных организаций КФХ в целях удовлетворения своих экономических и иных потребностей.

Вопрос о закреплении на законодательном уровне предоставления земельного участка самому фермерскому хозяйству на праве собственности, как это предусмотрено в Модельном земельном кодексе стран СНГ, является дискуссионным.

По мнению Г. А. Василевича, изложенному в комментарии к Конституции Республики Беларусь, расширительное толкование положения ст. 13 о том, что земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства (но не в исключительной), позволяет рассматривать вариант возможности предоставления этих земель на праве частной собственности.

Стоит согласиться с высказанным в литературе мнением ученых о целесообразности уточнения положений ч. 4 ст. 36 Кодекса Республики Беларусь о земле в части предоставления главе КФХ дополнительных земельных участков сверх предусмотренного законодательством размера, который ограничен 100 гектарами земель сельскохозяйственного назначения, как на праве аренды, так и на праве пожизненного наследуемого владения, поскольку в процессе хозяйственной деятельности КФХ может потребоваться дополнительный земельный участок.

Семейный характер учредительства и членства является отличительной особенностью КФХ в Республике Беларусь. Законодательство Российской Федерации допускает создание как семейных КФХ, так и хозяйств, члены которого не являются родственниками, называемых в правовой литературе «партнерскими».

Таким образом, возможность привлечения новых членов способствует увеличению уставного фонда крестьянского (фермерского) хозяйства, что может положительно влиять на устойчивое развитие хозяйства и его платежеспособность.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. А. Шейко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Приоритетным направлением обеспечения экологической безопасности Республики Беларусь признано создание общегосударственной системы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, включающей, наряду с иными направлениями, экономический механизм, самостоятельным элементом которого является экологическое страхование.

Под экологическим страхованием согласно ст. 85 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» понимается страхование гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за вред, причиненный окружающей среде, жизни, здоровью граждан, их имуществу, имуществу юридических лиц в результате загрязнения или иного вредного воздействия на окружающую среду.

Экологическое страхование следует рассматривать в качестве специального вида страхования, которое в настоящее время является добровольным. Указанная норма декларирует, что экологическое страхование осуществляется в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь о страховании. Следует отметить, что в республике отсутствуют специальные акты, которые регламентируют отношения в области экологического страхования. В то же время правовой основой для формирования такого специального законодательства являются нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области страхования: глава 48 ГК Республики Беларусь. Отдельные нормы об экологическом страховании содержатся в Законах Республики Беларусь «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «О перевозке опасных грузов» и др. Международно-правовую основу экологического страхования составляет Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб от 21 мая 1963 г.

Основанием возникновения отношений в области экологического страхования является договор страхования, заключаемый между страхователем и страховщиком. Объектом экологического страхования является риск гражданской ответственности, выражающийся в предъявлении страхователю имущественных претензий о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде, жизни, здоровью граждан, их имуществу, имуществу юридических лиц в результате загрязнения или иного вредного воздействия на окружающую среду. Страховым событием (случаем)

может служить внезапное, непреднамеренное нанесение ущерба окружающей среде в результате аварий, приведших к неожиданному выбросу загрязняющих веществ в окружающую среду. Перечень загрязняющих веществ и причин страховых событий, ущерб по которым подлежит возмещению, оговаривается в каждом конкретном случае при заключении договора страхования.

Социальная значимость экологического страхования, широкий диапазон связанных с ним практических возможностей в экономической и экологической сферах деятельности обусловили формирование соответствующего правового института. Тем не менее существуют препятствия в его развитии, которое осуществляется в настоящее время очень низкими темпами. Для ликвидации преград в развитии экологического страхования, по нашему мнению, необходимо принять закон Республики Беларусь «Об экологическом страховании», что, несомненно, устранил пробелы в данной сфере.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕМЕСЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. В. Пасюкова

Белорусский государственный университет

В современных экономических условиях многие из граждан стремятся найти дополнительный источник дохода. Со своей стороны государство принимает конкретные шаги по созданию благоприятных условий для осуществления ремесленной деятельности в Республике Беларусь. В соответствии с пп. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь от 16 мая 2005 г. № 225 «О некоторых мерах осуществления физическими лицами ремесленной деятельности» под ремесленной деятельностью понимается не являющаяся предпринимательской деятельность физических лиц по изготовлению и реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг с применением ручного труда и инструмента, в том числе электрического, осуществляемая самостоятельно, без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам и направленная на удовлетворение бытовых потребностей граждан. Вместе с тем законодательство требует своего дальнейшего совершенствования, поскольку не лишено определенных недостатков и противоречий. В этой связи хотелось бы указать на ряд проблем, имеющих первостепенное значение:

1. Содержание ремесленной деятельности составляет исчерпывающий перечень видов работ (услуг) и ежегодно в Указ № 225 вносятся различные изменения и дополнения. Указанные виды деятельности одно-

временно дублируются в ст. 319 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК). В результате возникает постоянное несоответствие норм Указа и Налогового кодекса, так как внесение изменений в последний требует более длительного времени. Для разрешения сложившейся ситуации представляется наиболее оптимальным в ст. 319 НК вместо перечисления видов ремесленной деятельности ограничиться ссылкой на положения Указа № 225.

2. Порядок ведения ремесленной деятельности законодательством не детализируется. Учет лиц, занимающихся ремесленной деятельностью, осуществляют налоговые органы по месту жительства гражданина. Налогообложение доходов от ремесленной деятельности заменено уплатой специального сбора в размере одной базовой величины в календарный год. Но в случае превышения доходов в стократном размере сбора в календарном году доплачивается сбор в размере 10 процентов от суммы такого превышения. Таким образом, исчисление фактического дохода, полученного при осуществлении ремесленной деятельности, осуществляется физическим лицом самостоятельно, что неизбежно приведет к сокрытию реальных доходов.

3. Ремесленную деятельность следует отличать от народных промыслов (ремесел), которые, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. «О народном творчестве, народных промыслах (ремеслах)», представляют собой производство предметов декоративного и утилитарного назначения, исторически сформировавшееся в определенной местности и неразрывно связанное с самобытными художественными и ремесленными традициями этой местности. Вместе с тем возникает вопрос о соотношении норм вышеназванного Закона и Указа Президента Республики Беларусь № 225 «О некоторых мерах осуществления физическими лицами ремесленной деятельности».

4. Существенным шагом по дальнейшему развитию правового регулирования ремесленной деятельности стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 23 сентября 2011 г. № 431 «О некоторых мерах по совершенствованию отношений в области изъятия, предоставления и использования земельных участков» в соответствии с которым, у граждан появилась возможность использовать земельные участки, предоставленные для строительства и (или) обслуживания жилого дома, ведения личного подсобного хозяйства, без изменения их целевого назначения, также и для ремесленной деятельности. Однако, такое использование, в свою очередь, требует более детальной регламентации.

Раздел VII

ПОЛИТОЛОГИЯ

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л. Г. Волина

Белорусский государственный университет

В последнее время особую актуальность и значимость приобретают гендерные исследования. Появление новых научных парадигм и теорий, как правило, вызвано необходимостью переосмысления изменившейся действительности, когда старые категории и методы изучения общественных явлений оказываются уже малопригодными.

Основной целью гендерных исследований в контексте гендерной политики в Республике Беларусь является комплексное изучение женской проблематики как показателя социально-экономического развития общества, разработка социальных и образовательных программ для женщин и молодежи на базе использования гендерных индикаторов.

Продвижение и институализация гендерных исследований в Республике Беларусь может рассматриваться по двум основным направлениям:

- 1) научные гендерные исследования;
- 2) академические гендерные исследования.

Научные исследования связаны с изучением гендерной проблематики и включают:

- издательскую и научную деятельность;
- проведение конференций и семинаров;
- научно-исследовательскую проектную деятельность.

Академические исследования связаны с разработкой и преподаванием учебных курсов по гендерной проблематике.

Характеризуя гендерные исследования в Республике Беларусь, можно выделить следующие аспекты:

1. Отождествление феминистических и гендерных исследований, что объясняется, прежде всего, общностью их исторического развития и используемой терминологии.

2. Попытка институализации гендерных исследований преимущественно реализуется на локальном академическом уровне в форме создаваемых лабораторий и единичных примеров внедрения программ в учебный процесс.

3. Гендер и гендерная проблематика становится популярной в качестве тем магистерских и кандидатских диссертаций. Одновременно наблюдается параллельное существование различных исследовательских подходов в рамках традиционных дисциплин (полоролевого, феминистского, социально-конструктивистского).

4. На сегодняшний день в Республике Беларусь не имеется регулярного научного журнала по гендерной проблематике.

5. Разработка монографических тем ведется слабо. Можно назвать лишь несколько книг, изданных белорусскими авторами.

6. В Республике Беларусь отсутствует основное звено гендерных исследований – гендерные исследовательские центры.

7. Недостаточное финансирование программ гендерных исследований (внешнее или бюджетное).

Отдельно можно выделить проблемы, с которыми сталкиваются академические гендерные исследования: консервативность государственных университетов и академических институтов; кадры (отсутствие критической массы преподавателей и исследователей, способной придать гендерным исследованиям характер признанной учебной и академической дисциплины); недостаток литературы по гендерной проблематике, прежде всего, учебной.

Несмотря на то, что отечественные гендерные исследования находятся на этапе своего становления, очевидно: развитие гендерных исследований свидетельствует о том, что рассмотрение любой социальной проблемы без учета гендерной составляющей неполно и односторонне.

ФЕНОМЕН ТОТАЛИТАРИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ И. А. ИЛЬИНА

Н. В. Ватыль

Белорусский государственный университет

Противостояние тоталитаризма и либеральной демократии как диаметрально противоположных политических режимов стало символом всего XX в. В начале XXI в. в мире явно преобладают тенденции к демократизации, а тоталитарный режим является скорее исключением, чем правилом (например, КНДР). Однако без осмысления политических процессов, протекавших в прошлом, нельзя проследивать закономерности и выявлять тенденции политического развития в будущем. Для рассмотрения категории тоталитаризма мы обратимся к творчеству русского государствоведа И. А. Ильина (1883–1954 гг.). На протяжении всего своего жизненного пути мыслитель не только изучал тоталитаризм на теоретическом уровне, но был непримиримым идеологическим противником

данного режима как в его левом (коммунистическом), так и в правом (фашистском) вариантах.

Тематике тоталитаризма посвящены работы мыслителя «О тоталитарном режиме», «От демократии к тоталитаризму», «О фашизме», сборники статей «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве», «Гитлер и Сталин». По Ильину, тоталитарный режим есть политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования. Отсюда вытекает, что сущность тоталитаризма состоит не столько в особой форме государственного устройства (демократической или авторитарной), сколько в объеме управления: этот объем становится всеохватывающим. Ильин выделяет такие характерные для тоталитаризма черты, как наличие моноидеологии, определяющей абсолютную познанную цель развития социума; господство одной политической партии; слияние в одно целое партии и государственного аппарата; система полицейского контроля; монополия на средства массовой информации; система физического и психического террора; полный контроль над экономикой. Такой режим, по утверждению Ильина, мог возникнуть только в XX в. с появлением соответствующих технических (телефон, радио, авиация, железные дороги) и административных (организация всеобщей зависимости граждан от аппарата управления) средств. Единая официальная идеология призвана формировать у граждан модель единственно правильного политического порядка и путей его достижения, оправдывать уникальность правящего лидера или политической партии. Основная задача тоталитарной идеологии – постоянное оправдание режима и избранного политического курса. Господство тоталитарной идеологии обеспечивается монополией на средства массовой информации. Формирует идеологический курс политическая партия, обладающая всей полнотой политической власти, исключая всякий политический плюрализм. Монопольная власть партии обеспечивается многочисленными органами государственной безопасности, осуществляющими всесторонний контроль и надзор за гражданами и имеющими практически неограниченные полномочия применения физического и психического насилия. Экономический контроль, при котором государство всецело регулирует хозяйственную деятельность и выступает единственным работодателем, лишает граждан экономической, и, как следствие, политической самостоятельности.

Таким образом, И. А. Ильин в своем политическом учении дает описание сущностных черт тоталитаризма, которое состоит в исключении всякой самодеятельности и самостоятельности граждан, как в политической, так в экономической, хозяйственной, культурной сферах.

НЕУЧАСТИЕ В ПОЛИТИКЕ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

В. С. Михайловский

Белорусский государственный университет

Среди базовых для политической науки понятие «политическое участие» занимает важное место. Оно понимается как вовлеченность индивидов или групп в процесс политико-властных отношений. Участие в политике выражается в двух основных формах: прямой и опосредованной. Типами политического участия являются: участие в делегировании полномочий; участие в деятельности политических и иных организаций; выполнение политических функций в рамках государственных и иных политических институтов; прямые действия (участие в митингах, демонстрациях и т. д.). Политическое участие есть проявление и реализация политического поведения, которое определяется как присущее индивидам взаимодействие с политической средой.

С точки зрения традиционных представлений в основе политического участия лежит политическое действие. Политическое действие есть сознательное и добровольное вмешательство индивида или группы в отношения власти. Политическому действию, как разновидности социального действия, присуще цель и направленность на других людей. Традиционной формой политического участия является сознательная активность граждан, целенаправленно и свободно вступающих в «переговорный» процесс с властью в целом и с отдельными институтами и политиками.

Спорным в политической науке является вопрос об отнесении к политическому участию вынужденных политических действий, диктуемых принуждением, страхом, манипуляцией сознанием и другими побудительными мотивами, не предполагающими осознания политических интересов. На наш взгляд вынужденное политическое действие в мобилизационных политических системах (режимах) не является политическим действием, но все же выступает формой политического участия, ибо вовлекает акторов в политико-властные отношения.

Люди, интересующиеся политикой и активно участвующие в ней, составляют, как правило, меньшинство. Большинство же проявляет апатию и безразличие к политике. Существуют различные причины такого неучастия в политике. На наш взгляд, неучастие в политике, состоящее в сознательном воздержании от осуществления политических действий, все же является формой политического участия. Во-первых, мы исходим из того, что абсентеизм, политический бойкот является активным политическим действием и выступает тем самым как акт участия в политике; во-вторых, неучастие в политике может выступать реакцией на импульсы, исходящие от политической системы; в-третьих, крайняя политизи-

рованность современного социума позволяет трактовать любое воздержание от действия в политике и неучастие в ней как проявлением политического участия. Такое участие в виде неучастия в зависимости от ситуации может трактоваться как позитивная или негативная политическая поддержка.

Таким образом, политическое поведение всегда проявляется через политическое участие, в основе которого может быть либо политическое действие, либо политическое бездействие, либо политическое неучастие. Подобная широкая трактовка политического поведения исходит из нашей методологической установки на широкое понимание политического как связанного с осуществлением власти. Также необходимо отметить, что политизированность того либо иного действия не определяется его изначальной политической природой, а есть лишь результат умозрительного соотнесения какого-либо действия с протекающим независимо от него политическим процессом в данной политической системе. Действие становится политизированным, если выступает вариантом в выборе действовать либо политически, либо нет.

«НОВЫЕ ПРАВЫЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

С. В. Стасилович

Белорусский государственный университет

Новые правые организации в разных странах проявляют себя в различных и зачастую даже противоположных качествах: от политических партий до аполитичных кружков интеллектуалов, занимающихся только проблемами музыки. Новые правые предлагают свой альтернативный путь развития европейской цивилизации, отличный как от традиционного капиталистического пути развития, так и от левого. Движение новых правых как политический феномен еще не совсем изучено. Это проявляется в разногласиях по поводу определения этого феномена, отсутствии четких критериев разделения новых и старых правых и т. д.

Движение новых правых пока до конца идеологически не оформлено, до сих пор продолжается поиск его основных интегральных положений. Выделение групп в рамках нового позволяет понять механизмы формирования и развития движения на современном этапе.

Сравнительный анализ формирования нового правого движения в различных странах позволяет выявить в нем политическую и культурно-просветительскую составляющие. При этом на сегодняшний день последняя заметно преобладает над первой. Таким образом, для новых правых важно продолжать развивать свою интеллектуальную и научную базу, но при этом попытаться приблизиться к массам, к их насущным проблемам.

Исследование практики нового правового движения позволяет сделать вывод, что, в зависимости от того на какие из постулатов идеологии (точнее мировоззрения) делается упор, новые правые организации в мире можно разделить на три группы:

1) новые правые, избравшие классический путь развития взглядов классиков новых правых (Франция, Германия);

2) группы выбравшие «особый» путь развития (Бельгия, Румыния, Польша, Нидерланды, Украина). Носителем новых правых идей в выше-названных странах являются в основном националистические партии или националистически настроенные организации аполитичные по своему характеру;

3) традиционалисты (Россия).

Стратегия и идеи новых правых различных государств определяется историко-культурными особенностями стран, в которых они существуют и осуществляют практическую деятельность.

Движение новых правых в Европе и России проявляет себя в основном пока только как тенденция, политически не выражено (зачастую носит характер закрытых интеллектуальных кружков) и/или застряло на уровне костного радикализма (многие организации находятся на зачаточном уровне) оно политически востребовано и имеет перспективу, от которой во многом зависит будущее не только всего «европейского проекта», но и, возможно, всего евроазиатского континента.

Особое геополитическое положение Республики Беларусь, специфика ее исторического развития, делает актуальными для нашей страны идеи Третьего Пути. Именно Беларусь является точкой соприкосновения восточной и западной цивилизаций.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1995 г.

А. В. Мицура

Белорусский государственный университет

Электоральные технологии – это совокупность способов воздействия на массы с целью повлиять на их электоральное поведение и побудить их отдать голоса за определенную партию, кандидата. Как и любая другая технология, электоральные технологии, с одной стороны, основываются на общих достижениях политической науки, и носят достаточно универсальный характер. С другой стороны, характер их применения в условиях конкретного государства определяется многими факторами, производными от его особенностей. К числу факторов, влияющих на характер

применения электоральных технологий, можно отнести тип политической системы, особенности политической культуры, характер избирательного законодательства, тип лидерства и другие. Однако, применительно к конкретным выборам, наиболее важным фактором, определяющим выбор и характер применения электоральных политических технологий, является политическая ситуация в стране, проявляющаяся в характере расстановки политических сил. Таким образом, последовательность изменений в политической ситуации от выборов к выборам и формирует доминирующие стратегии в развитии электоральных технологий.

В 1995 г. парламентские выборы в Беларуси проходили в сложной ситуации противостояния законодательной и исполнительной власти. Именно это противостояние стало основным фактором, определившим характер и особенности использования электоральных политических технологий. В республике действовала мажоритарная избирательная система абсолютного большинства, с высоким порогом явки, при которой выборы считались состоявшимися, если в них приняло участие более 50 % населения округа, а кандидат считался избранным, если за него проголосовало более 50 % от числа граждан, принявших участие в голосовании. В условиях низкого уровня политической институционализации противостояние между ветвями власти, сопровождавшееся выдвижением взаимных претензий, привело к тому, что выборы оказались угрозой срыва по причине политического абсентеизма. В стране, недавно получившей независимость и только начавшей формировать демократическую политическую систему, значимость института парламента, и, соответственно, необходимость принять участие в его формировании не входили в число первостепенных политических приоритетов граждан. Таким образом, спонтанно возникшая реакция граждан на политическую ситуацию 1995 г., впоследствии (на выборах 2000, 2004, 2008 гг.) переросла в используемую рядом политических сил (как правило, неудачно) технологию бойкотирования выборов.

В 1995 г. в один день с проведением парламентских выборов по инициативе исполнительной власти был назначен республиканский референдум по вопросам, касающимся статуса русского языка как государственного, изменения герба страны, интеграции с Российской Федерацией. Таким образом, политическая повестка дня сместилась с обсуждения текущих проблем округа, вопросов актуальной экономической ситуации в плоскость глобальных проблем, связанных с выбором государственного языка и герба. Это более чем на десятилетие определило характер предвыборной агитации: в риторике кандидатов на должности в представительных органах власти выражение позиций по проблемам, значимым для страны в целом, превалировало над местными проблемами.

Президент Беларуси перед выборами в парламент, отметил, что не примет участия в голосовании за кандидата, являясь примером для своих сторонников. Кворум парламента, необходимый для осуществления полномочий избран не был. Применение политических технологий на уровне округа выливалось в продвижение идеологии партии кандидатом в своем округе. На практике это выглядело перетягиванием электората между партиями правой и левой идеологии.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОВ О СМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Бондарик

Белорусский государственный университет

Отличительной особенностью как отечественных, так и российских СМИ является то, что сразу после распада СССР они подвергались минимальному контролю со стороны государства. С развитием политических систем средства массовой информации претерпевали ряд серьезных изменений. Но они не смогли выжить самостоятельно в новых условиях из-за отсутствия опыта в решении финансовых вопросов. В результате значительное влияние на их медиаполитику оказывают в России – банки и коммерческие структуры, а в Беларуси – государство.

Основными правовыми актами, регулирующими деятельность СМИ, как в Беларуси, так и в России являются: Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г. и Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. Оба закона имеют схожую конструкцию. В то же время законы содержат ряд различий, наиболее важными из которых являются следующие.

Вопрос наличия «антимонопольных» норм является особенно важным в связи с тем, что влияет на результативность и эффективно артикуляции общественных интересов, посредством СМИ, осуществление их критической функции. В законе Беларуси о «О средствах массовой информации» устанавливаются гарантии против монополизации средств массовой информации. Согласно ст. 6 Закона «монополизация средств массовой информации государственными органами, политическими партиями, другими общественными объединениями, иными юридическими или физическими лицами не допускается». Отсутствие подобной нормы в Законе Российской Федерации о СМИ привело к достаточно высокой, по оценке ряда экспертов, степени концентрированности российских средств массовой информации в руках ряда финансово-промышленных групп и так называемых «олигархов».

Следующим не менее важным вопросом является финансирование средств массовой информации, так как именно оно является одним из

базовых условий деятельности СМИ. В Законе Республики Беларусь «О средствах массовой информации» порядок финансирования СМИ закреплен в отдельной статье. В российском Законе о СМИ данный вопрос в отдельную статью не выделяется. Однако для России вопрос финансирования СМИ является проблемным, так как сейчас подавляющее большинство региональных и муниципальных СМИ принадлежат государству.

Важное место занимает правовое регулирование сети Интернет, в частности сетевых средств массовой информации. Сегодня виртуальное пространство – это новая среда обитания и СМИ, создаваемая конвергентными медиа, которая активно формирует потребность в новых способах социального и правового регулирования общественных отношений, возникающих в информационной сфере. В этом плане показателен опыт обоих государств, так как данная сфера регулируется в соответствии с конкретными положениями, закрепленными в законах о СМИ. Данные положения вызывают немало дискуссий в современном обществе. Однако именно правовое регулирование деятельности СМИ в Интернете позволяет проводить различия между интернет-изданиями и остальными сайтами и блогами, не являющимися в юридическом смысле СМИ, расширяет конституционное право граждан на свободу массовой информации и позволяет функционировать СМИ в государстве более эффективно.

Таким образом, стартовые условия для развития СМИ в Беларуси и России были одинаковыми, однако, в итоге, правовое регулирование средств массовой информации в каждой из стран получило свои специфические черты и особенности.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В БЕЛАРУСИ

И. Г. Болозева

Белорусский государственный университет

История современной политической рекламы в Беларуси берет начало в XX в., а именно с появления плакатов Гражданской войны. У истоков политической рекламы в Беларуси стояли известные художники М. Шагал, К. Малевич, Э. Лисицкий. Рекламное революционное творчество советского агитационно-пропагандистского аппарата было направлено на создание позитивного имиджа Советского государства, партии большевиков и негативного образа врагов революции и капиталистических стран. В период «перестройки» политическая реклама получает огромный импульс к развитию. Ряд белорусских плакатов получили международное признание. Работа С. Войченко, А. Шелюто и В. Цеслера «От года мира до мира без войны» в 1986 г. была удостоена Гран-при Международного биеннале плаката в Варшаве и специального приза Генерального секретаря ООН.

Наиболее часто в современной Беларуси применяется телереклама, реклама на билбордах, календарях, плакатах. Популяризация образа Беларуси осуществляется с помощью помещения национальных символов и других логотипов на майки, сувенирную продукцию, что способствует продвижению ее имиджа не только в пределах государства, но и на международном уровне.

В современной Беларуси политическая реклама используется с целью создания образа Беларуси и белорусского народа. Образ Беларуси конструируется с помощью цветовой гаммы, изображений граждан и слоганов.

Рекламный слоган «За Беларусь» оказался удачным во всех отношениях, так как представить ему альтернативу невозможно, ведь контратакой на этот слоган будет слоган «Против ... ». В слоган «За Беларусь» можно добавить и любые позитивные характеристики Беларуси («За щедрую Беларусь», «За справедливую Беларусь», «За творческую Беларусь»). В этом слогане и рекламе используется концепт «стабильность», который отражает не только сложившейся порядок, но и используется как средство конструирования имиджа государства. При этом стабильность выступает как концентрированное выражение независимости, порядка, развития, т. е. имеется в виду положительная стабильность.

В серии рекламных плакатов «Вместе мы Беларусь» представлены различные социальные группы граждан (молодежь, люди среднего и старшего возраста, представители профессий). Такая политическая реклама власти формирует целостный образ населения, представляет Беларусь как совокупность разных социальных групп. Кроме того, люди, участвующие в рекламе, тем самым указывают на ее целевую аудиторию.

Позиционирование Беларуси как целостной солидарности граждан, представление интересов не только государства, но и общества сближает политическую рекламу власти с социальной рекламой. Осуществляется презентация не только политических сил, но и общества, белорусского народа.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ США И РОССИИ

С. О. Шаршук

Белорусский государственный университет

Рассматривая США и Россию как геополитические центры, способные влиять на политику других государств, представляется возможным оценить данный статус мирового «геополитического игрока» внутри самих этих стран: путем сравнения политической культуры этих государств. В рамках данного сравнительного анализа необходимо учитывать то, что

политическая культура США является глобальным явлением, а политическая культура России – обширно-региональным, соответственно. Наиболее удобным является дробление понятия «политическая культура» на политическое сознание и политическое поведение, что дает основание сравнивать два этих блока, проецируя их на американцев и россиян.

Политическое сознание граждан США и России формируется в процессе политической социализации, которая исторически в самом общем смысле формирует в обеих рассматриваемых странах мессианскую направленность политической культуры. Если в России популярны идеи о «Третьем Риме» и политиках «объединителях земель», то в США примером могут служить идеи о «примере демократического развития» и «универсальности образа жизни». Это является общим для рассматриваемых государств и обществ. Также следует отметить, что американский индивидуализм не является противоположностью русского коллективизма: американцы объединяются в общественные организации и группы интересов, но создание данных коллективов предназначено для организованного в определенных случаях сопротивления «объединенных индивидуальных волей» государству, в то время как в России преобладает коллективизм этатистско-патерналистский. Исходя из этого различно и само отношение к государству, так в России исторически сложился государственный патернализм, чего не было в США, где напротив, преобладает идея личной ответственности гражданина. И хотя агенты социализации, такие как семья, школа, СМИ и церковь для США и России идентичны, однако если в Соединенных Штатах они могут сформировать целостное политическое сознание, то в РФ принято говорить скорее о «синдромах политического сознания», что обусловлено противоречивой историей самой страны.

Политическое поведение в США и России схожи, прежде всего в географической распределенности политических предпочтений. Не только в США есть традиционно республиканские или демократические штаты, но и в России есть регионы с определенными предпочтениями. Но эти идеологические ориентации не столь абсолютны в сравнении с привычкой голосовать не за конкретные политические силы, сколько за конкретных лидеров, олицетворяющих их. Также политическое поведение граждан США и РФ в последнее время отличается все большим абсентеизмом. Кроме того, следует отметить отсутствие партийного участия граждан, что свойственно для Соединенных Штатов давно, но не свойственно для России. Основные различия коренятся в мотивации избрания того или иного кандидата, так как в России в отличие от США голосование «неэкономическое», основанное на соборности как ожидаемом электро-альном поведении других, что дает расширенные возможности для ма-

нипуляции общественным мнением при помощи СМИ. Это доказывают почти все проходившие в современной России электоральные кампании.

Исходя из вышеизложенного видно, что политические культуры США и России имеют больше сходств, чем различий. Также, учитывая геополитический статус рассматриваемых государств, следует отметить, что идея мессианства является ядром как одной, так и другой политической культуры. И в устремлении мирового и регионального влияния установки государства и общества совпадают, что является неоспоримым достижением правительств двух рассматриваемых стран.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Ю. О. Марцуль

Белорусский государственный университет

В современном мире национальное деление является одним из ведущих принципов организации геополитического устройства. Однако процессы глобализации, регионализации, изменения в политической и экономической сферах актуализировали проблемы национальной идентичности. Особую остроту проблемы национальной идентичности приобрели для постсоветских государств. Использование различными политическими силами национальной идентификации в целях консолидации общества и его мобилизации для решения определенных социально-политических задач придает теоретическим проблемам идентичности прикладное звучание.

В теории психоанализа под идентификацией понимается уподобление себя другой личности, бессознательно ощущение. Сам термин «идентификация» было введен в научный оборот З. Фрейдом в эссе «Психология масс и анализ Я». Несмотря на то, что, в первую очередь, идентичность существует на личностном уровне, можно говорить о различных ее «социальных» проявлениях, таких, как культурная, этническая или национальная идентичность.

Определение понятия «национальная идентичность» представляет для исследователей существенную проблему, так как во многом зависит от методологической позиции автора. Для определения национальной идентичности целесообразно обращение к понятию нации. Латинское слово «natio» означает родовую общность. Со времен Французской революции слово «нация» (на Западе) стало обозначать уроженцев страны, государство и народ как идейное и политическое целое и противопоставлять понятию «подданные короля». В XVIII–XIX вв. в науке складываются две концепции нации – гражданско-политическая (Франция и

США) и этнокультурная (Восточная и Центральная Европа, Германия, Италия, Российская и Османская империи). В настоящее время на Западе чаще всего под нацией понимается согражданская общность, т. е. совокупность граждан определенного государства, независимо от их этнической, языковой, конфессиональной и многих других принадлежностей.

Национальная идентичность предполагает наличие в сознании индивида чувства осознанной принадлежности к крупному социополитическому образованию. Чаще всего таким образованием выступает государство. При формировании идентичности на основе принадлежности к государству на первый план выдвигается стремление к политической общности и единству. На основе национальной идентичности формируется «политическая нация», которая объединена общей политической жизнью. Этим она отличается от «культурной нации», объединенной общностью культуры, языка и религии. В современном обществе национальная идентичность играет все более осязаемую роль в качестве ориентационно-мобилизационного фактора. Наряду с этим национальная идентичность выступает в качестве средства легитимации политической власти и существенного условия перехода к демократии.

С момента обретения независимости проблема белорусской идентичности не теряет своей значимости, что потребовало обновить и обогатить доктринально-идеологическую сферу, обеспечивающую гражданскую солидарность и национальную идентичность. Несмотря на существование нескольких проектов белорусской нации и формирования национальной идентичности, вопрос об идентификации остается открытым.

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Н. Терехович

Белорусский государственный университет

Проблема исследования политической рекламы является актуальной как для политической практики, так и для политической науки, что во многом обусловлено произошедшими за последние десятилетия социально-политическими изменениями. Актуальность исследования политической рекламы определяется дискуссионностью данной проблемы в научной литературе. Понятие не определено и в законодательстве, что является существенной проблемой на пути к формированию политической рекламы в Республике Беларусь, а также практическим наработкам в данной сфере.

Анализ статей гл. 10 Избирательного кодекса Республики Беларусь позволяет сделать вывод, что предвыборная агитация является не просто средством, с помощью которого достигаются цели политической рекла-

мы. Это скорее определенный этап избирательной кампании. Таким образом, законодатель определил предвыборную агитацию как определенную форму политической рекламы в избирательном процессе. Закон Республики Беларусь «О рекламе» содержит в себе понятие «реклама», однако он не распространяется на производство и размещение информации в политических целях. Отсюда и главный вопрос, который необходимо решить при правовом регулировании: в рамках какого нормативного правового акта надлежит осуществить регулирование? Часто встречается отождествление политической рекламы и агитации в избирательном процессе, что, с одной стороны, является оправданным, так как на практике их разделить очень трудно, а порой невозможно, а с другой – не все формы агитации являются рекламными и содержат в себе информацию, и поэтому их все же не стоит отождествлять.

Во-первых, различия состоят в целях: основная цель агитации – формирование мотива поведения избирателей, выражающегося в их готовности голосовать «за» или «против» какого-либо кандидата, а основная цель политической рекламы – не только сформировать мотив поведения избирателей, но и в большей степени также информировать потенциальных избирателей о кандидатах.

Во-вторых, агитация ограничена временными рамками, то есть она может распространяться только в отведенное ей законом время, в период выборов. Политическая реклама может распространяться и вне избирательного процесса.

В-третьих, различия также состоят в функциях: одной из основных функций политической рекламы является поддержание интереса к объекту рекламирования на протяжении всего времени, тогда как агитация в полной мере такой функции не имеет, она может поддерживать интерес только в период выборов.

Исходя из этого, с моей точки зрения, в виду данной ситуации, проблему по устранению пробела в законодательном регулировании можно решить путем разграничения понятий «предвыборная агитация» и «политическая реклама» в рамках Избирательного кодекса.

Мое предложение заключается в возможности определить указанные понятия следующим образом:

Предвыборная агитация – деятельность, посредством информационного воздействия, направленная на формирование у избирателей соответствующей мотивации на участие в выборах, с целью последующего выражения своего отношения к кандидату путем голосования.

Политическая реклама – деятельность по распространению политической информации о явлениях, участниках политического процесса и их деятельности, ставящая целью привлечение или поддержание внимания к субъектам политического, в том числе избирательного процесса.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Д. В. Слепцова

Белорусский государственный университет

Языковая политика является не только одним из важнейших факторов, формирующих и изменяющих языковую ситуацию как в отдельном регионе, так и стране в целом, но и одним из ее существенных аспектов. В теории языковой политики еще много нерешенных и дискуссионных проблем. Прежде всего недостаточно точно определено само понятие «языковая политика». Зарубежные ученые определяют языковую политику как «изучение и систематическую организацию языковой проблемы, касающейся какого-либо обязательства, главным образом многонационального».

Необходимо разобраться в соотношении терминов «языковая политика» и «языковое планирование». М. Раннунт указывает, что «языковая политика осуществляется политиками, а языковое планирование – специалистами».

Объектами языковой политики и языкового планирования могут быть:

1) конкретный язык или группа языков; 2) языковая ситуация (тип контактирования и взаимодействия языков);

3) коммуникативная ситуация (допустимость или недопустимость использования тех или иных языковых пластов – диалектизмов, жаргонизмов, формирование речевого поведения и через него языковой личности). Языковая политика, направленная на сохранение или изменение статуса языка, всегда предполагает определенное воздействие и на другие языки, действующие в государстве или на международной арене.

Изменение статуса одного языка влечет за собой одновременное изменение статуса других языков (языка).

Статусная языковая политика, как подчеркивает С. Н. Кузнецов, «всегда является комплексной: она предполагает воздействие как на конкретные языки, так и на группы языков, как на языковую ситуацию в целом, так и на коммуникативное поведение членов языкового сообщества».

Языковая политика на современном этапе разрабатывается для решения различных по сложности проблем: от выбора языка для общегосударственного и межнационального общения до практической нормализаторской и словотворческой деятельности.

Раздел VIII

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КЛИНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТА

А. И. Касьянчик

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь*

Как отмечает К. М. Левитан, с психологической точки зрения содержание профессиональной компетентности составляют следующие компоненты: *гностический (когнитивный)*, отражающий наличие необходимого объема профессиональных знаний; *регулятивный*, включающий в себя проектировочные и конструктивные умения, позволяющие прогнозировать и принимать эффективные решения; *рефлексивно-статусный*, дающий право действовать определенным образом в сфере своих полномочий; *коммуникативный*, обеспечивающий успешность межличностного взаимодействия в профессиональной деятельности и общении.

Следует отметить, что именно сочетание всех данных компонентов позволяет говорить о компетентно подготовленном специалисте, который может конкурировать на рынке труда и выполнять социально значимую роль, характерную для специалиста его квалификации и профессии.

Тем не менее, система формального образования не может в полной мере обеспечить создание условий, необходимых для развития компетентности у студентов специальностей юридического профиля. Однако, это вовсе не значит, что существующая система формального образования неэффективна или не качественна. На сегодняшний день существуют объективные причины, которые не позволяют создать такие условия: большие по численности учебные группы, а, следовательно, и невозможность индивидуального подхода к работе со студентами, наличие большого объема учебного материала и т. д.

Так, гностический (когнитивный) и коммуникативный компоненты профессиональной компетентности юриста в первую очередь формируются в формальном образовании при проведении занятий по учебным дисциплинам. Именно на классических занятиях студенты получают наибольшее количество информации, приобретают профессиональные

знания, обучаются нормам ораторского мастерства. Работая в клинике и на занятиях, которые там проводятся с использованием интерактивных методик обучения, они их закрепляют, получают возможность применить их на практике.

Формирование регулятивного компонента профессиональной компетентности в формальном образовании является ознакомительным, обзорным и не позволяет в полной мере обеспечить развитие профессиональных умений. Юридическая клиника же обучает мыслить альтернативно, рассматривая различные варианты разрешения споров, составлять процессуальные документы различного уровня и т. д.

Рефлексивно-статусный компонент может быть сформирован в юридической клинике, так как юридическая клиника представляет собой своеобразную модель юридической консультации, в которой четко разделены полномочия и обязанности: присутствует заведующий, куратор, администратор и консультанты. Именно в клинике студенты изучают нормы профессиональной этики (недопустимость консультирования противоположных сторон, особенно консультанта или другого сотрудника клиники и т. д.), субординации в распределении полномочий и обязанностей (отбор консультантов заведующим и куратором, обязательность контроля консультации, обязательность проверки письменного варианта консультации).

В заключение следует сделать вывод, что формирование и развитие профессиональной компетентности – важнейшая задача подготовки специалиста с высшим юридическим образованием. Однако компоненты, ее составляющие, не могут в полной мере обеспечиваться только лишь системой формального образования. Таким образом, только сочетание формального образования и образования в юридической клинике позволяют в полной мере выполнить эту задачу, в связи с чем, целесообразно сделать юридическую клинику частью учебного процесса и ее элементы должны все более широко в него внедряться.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

К. И. Воронова

Белорусский государственный экономический университет

В современных условиях развития права и экономики возникает объективная необходимость в поиске новых, нетрадиционных форм и методов защиты прав и законных интересов субъектов правовых отношений. Именно таким средством является медиация. Под термином «медиация» следует понимать альтернативное мирное урегулирование спора между сторонами при участии независимого посредника (медиатора).

Преимущества медиации по сравнению с традиционным судебным разбирательством заключаются в следующем: это более экономичная процедура, так как экономятся время и деньги сторон (не оплачиваются государственные пошлины, самостоятельно согласовывается время для проведения этой процедуры); медиация всегда добровольна и конфиденциальна, она основана на равноправии и взаимоуважении сторон; в процедуре медиации участникам не навязывается обязательное мнение, выгодное для одной стороны и невыгодное для другой. Стороны сами приходят к взаимовыгодному соглашению, и таким образом разрешают свой спор.

По нашему мнению, применение медиации в юридической клинике весьма перспективно. Данная позиция обосновывается с нескольких положений: во-первых, студенты обучаются технологии медиации (мирного урегулирования спора), которая будет им полезна в профессиональной деятельности юриста; во-вторых, медиация активно внедряется в сферу юриспруденции, вероятно, через несколько лет в профессии появится новая ниша – юрист-медиатор, и таким образом, выпускники юридических клиник будут востребованы еще больше; в-третьих, обеспечивается доступ малоимущим гражданам к процедуре медиации, что позволяет повышать правовую культуру, снижать количество обращений в суд; в-четвертых, расширяется сфера деятельности юридической клиники, которая будет выступать не только как информационно-консультативная служба, но и как досудебный орган урегулирования споров граждан.

Следует отметить, что в юридической клинике нам видится перспективным использование процедуры медиации в следующих правовых сферах: гражданские; семейные; трудовые споры. В данных отраслях замена традиционного судебного разбирательства процедурой примирения может дать особенно ощутимый эффект, предоставляя особые возможности и преимущества обеим сторонам конфликта, а также снижая количество нагрузки на систему общих судов Республики Беларусь.

По нашему мнению, областью, где медиация может дать наиболее ощутимую выгоду, является семейное право, так как именно в данной области особо важно сохранение дружеских отношений между спорящими сторонами.

В юридической клинике применение медиации при разрешении брачно-семейных споров представляется возможным, к примеру, при разделе имущества супругов. Супруги смогут самим принять решение и договориться о том, каким образом они разделят общее имущество, сохранят интересы и родителей, и детей; при заключении соглашения о детях. Если же супругам при помощи медиатора удастся договориться относительно общения с ребенком, возрастает вероятность того, что данное согласованное решение будет выполняться. Это относится и к алиментным обязательствам.

Таким образом, внедрение процедуры медиации в обучающий процесс юридической клиники позволит расширить возможности белорусских граждан в выборе средств урегулирования конфликтов, снизит нагрузку на государственное правосудие, и, что самое важное, позволит студентам-юристам приобрести новые знания и практические умения, имеющие существенное значение для высокопрофессиональной юридической деятельности.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРЕСОВ КЛИЕНТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ СТУДЕНТАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК

К. И. Жуковская

Белорусский государственный университет

Конституция Республики Беларусь в ст. 60 закрепляет право каждого на судебную защиту. Одной из существенных гарантий реализации гражданами права на судебную защиту является возможность получения правовой помощи. Это связано с тем, что большинство участников спорных правоотношений, которые обращаются в суд, не обладают достаточным уровнем правовых знаний для самостоятельной защиты своих прав и законных интересов. В связи с этим закон предоставляет им возможность принимать участие в деле не только лично, но и опосредовано через других лиц – представителей.

К сожалению, не все граждане в состоянии оплачивать квалифицированную помощь юриста. Решить проблему можно только посредством оказания нуждающимся лицам безвозмездной юридической помощи. В Республике Беларусь безвозмездную юридическую помощь оказывают в предусмотренных законом случаях адвокаты, а также в некоторых случаях общественные представители и представители, назначенные судом. Еще одним субъектом оказания безвозмездной юридической помощи являются юридические клиники. К сожалению, на данный момент их правовой статус не урегулирован на законодательном уровне. Реальная потребность в бесплатной правовой помощи значительно шире. Возможность представления интересов клиента в суде студентами юридических клиник будет являться одним из способов разрешения данной проблемы.

Роль юридических клиник в современном мире все больше растет. Связана эта тенденция, во-первых, с тем, что в сфере юридического образования намечается рост практической, компетентной составляющей для студентов, и, во-вторых, с осознанием обществом насущной потребности в увеличении числа субъектов оказания бесплатной, но качественной юридической помощи.

В мировой практике существуют разные модели представительства интересов клиента студентами. Однако в Беларуси не представляется возможным на данный момент реализовать ни одну из этих моделей из-за отсутствия правового регулирования. В части 2 ст. 72 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь дан исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть представителями в суде. Расширительному толкованию данный перечень не подлежит.

Предоставление возможности представлять интересы клиента в суде будет способствовать выполнению юридическими клиниками двух основных функций: социальной (оказание услуг представителя на безвозмездной основе) и образовательной (обучение студентов всем тонкостям гражданского процесса на практике, развитие ораторских навыков, повышение ответственности студентов за совершение ими юридических действий).

Таким образом, при законодательном урегулировании представительства в суде студентами юридических клиник выиграют три стороны – юридические клиники, государство и граждане. Граждане будут иметь возможность представления в суде их интересов для защиты нарушенных прав. Студенты получают возможность применения теоретических знаний на практике и дальнейшего совершенствования имеющихся знаний и навыков. Государство путем урегулирования статуса юридических клиник, а в последующем и возможности представительства интересов клиентов студентами в гражданском процессе, в полной мере сможет гарантировать реализацию его гражданами конституционного права на судебную защиту.

О ЗНАЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЮРИСТОВ

И. В. Гапонова, О. И. Залога

Барановичский государственный университет

Современное динамичное развитие Республики Беларусь, в том числе увеличение объема законодательства, его постоянное обновление, обуславливает необходимость в эффективной системе оказания профессиональной юридической помощи. Вместе с тем сложившаяся в республике двойственная система деятельности по оказанию юридической помощи (адвокатура и юристы-хозяйственники) и отсутствие единых стандартов оказания такой помощи исключают ее комплексное развитие в перспективе. Поэтому в последнее десятилетие в нашей стране действует система оказания юридической помощи, именуемая юридической клиникой. Этот термин пришел к нам из англоязычной среды и означает технологию практической подготовки юристов, программу, в рамках которой студен-

ты под контролем преподавателей оказывают правовую помощь социально незащищенным слоям населения.

В Беларуси данный институт действует с 1999 г. на базе юридических факультетов университетов. При этом почти все вышеуказанные факультеты стремятся организовать такое подразделение, чтобы студенты-юристы получили не только теоретические, но и практические навыки. Что же касается преимуществ такой формы обучения, то не секрет, что востребованная ныне обществом и ставшая крайне популярной за последние годы профессия юриста приобретает ныне посредством методик, сложившихся десятилетия назад. В данных методиках было и есть много хорошего, но они ориентированы на подготовку модели специалиста другой формации и совершенно другого общества. К сожалению, до настоящего времени существует недостаток, присущий юридическому образованию: перенасыщение учебного плана теоретическими дисциплинами и явный недостаток дисциплин, позволяющих обучать практическим навыкам. Это приводит к тому, что при изучении каждой из дисциплин акцент делается прежде всего на предмет, содержание и специфику дисциплины, что не позволяет, на наш взгляд, в полной мере развивать представления о межпредметных связях в рамках специальности в целом. Говоря другими словами, студентов сегодня обучают предмету, а не самой профессии.

Выход из указанной ситуации видится в поиске и применении таких технологий обучения, которые позволили бы наряду с теоретическими знаниями получать практические навыки и умения и способствовали бы правильному усвоению междисциплинарных связей. Одной из таких технологий и является юридическая клиника. Ее целями являются: 1) обучение студентов навыкам практической деятельности (опрос, консультация, составление документов) на основании имеющихся теоретических знаний; 2) философское осмысление социальной действительности юриста, ответственности за свою работу, правил поведения в профессиональной среде и др.; 3) расширение доступа граждан к юридической помощи и реализация принципов социального правового государства.

Таким образом, клиническое юридическое образование позволяет более эффективно защищать права и интересы человека, делает юридическую помощь более доступной, улучшает правовую культуру социума, является ответом на проблему слабой подготовленности выпускников юридических вузов к практическому применению своих знаний. Считаем, что для развития данного института необходимо обязательное введение программы клинического юридического образования во всех высших учебных заведениях, а также установление контроля над качеством оказываемых услуг и получаемого образования со стороны государства.

РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ В ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИКАХ

Н. В. Королева

Белорусский государственный университет

В теории и на практике бытует мнение, что правовая помощь осужденным – это только помощь адвокатов. Сравнительно недавно на постсоветском пространстве появился новый субъект оказания юридической помощи – студенческая юридическая клиника. Деятельность юридических клиник разнообразна, и одним из видов ее работы является оказание правовой помощи лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях.

Оказание правовой помощи заключенным студентами юридических клиник может осуществляться по двум направлениям: консультирование на основании письменных обращений и личный прием непосредственно в местах отбывания наказания.

Учебная лаборатория «Юридическая клиника» БГУ осуществляет работу только по первому направлению – ответы на письменные обращения. Любой осужденный может обратиться за юридической консультацией в письменном виде. Поступившие письма регистрируются и передаются студентам для подготовки ответа. Студенты изучают письма с приложенными к ним документами, после чего готовят письменные ответы на заданные в них вопросы. При подготовке ответа студенту необходимо уяснить суть проблемы, изучить соответствующие нормативные правовые акты, выработать правовую позицию. Подготовленный ответ студент представляет на проверку куратору, который может возвратить его на доработку. После того, как окончательный вариант ответа на письмо будет утвержден и подписан куратором, документ высылается по обратному адресу.

Ответ на обращение должен быть понятным, полным и аргументированным, причем студенты при ответе не имеют право делать вывод о виновности или невиновности заявителя, давать оценку действиям суда и органов предварительного расследования.

Как показывает практика, большинство вопросов осужденных касается обжалования приговора суда, квалификации преступления, применения амнистии, помилования, условно-досрочного освобождения, законности оперативно-розыскных мероприятий и др. Осужденные также интересуются и вопросами гражданского, семейного, конституционного законодательства: как в нынешнем положении расторгнуть или заключить брак, поучаствовать в разделе имущества, вступить в наследство, обязаны ли они платить алименты, как иностранным гражданам приобрести белорусское гражданство.

Консультирование на основании письменных обращений осужденных позволяет студентам научиться работать с судебными материалами, правильно и юридически грамотно составлять письменные юридические документы, анализировать действующее законодательство.

Особая значимость юридической помощи для осужденных вызвана таким рядом факторов, как строгая изоляция от общества, возрастание роли права в общественных отношениях, недостаточный уровень развития правового сознания и правовой культуры осужденных.

Давая ответ на письма осужденных, студенты должны быть не только юристами, оказывающими правовую помощь, но еще выступать и психологами, способными оказать посильную поддержку человеку, изолированному от обычной жизни. Государственные органы, сотрудничающие с клиниками, высоко оценивают работу студентов и отмечают, что такая помощь значительно снижает психологическую напряженность в среде осужденных.

Сострадание к чужой беде, боли, проблеме, ответственность перед человеком, которому взялся помочь, желание применить свои знания и проявить себя в профессиональной деятельности, живой интерес к жизни и юридической практике – все это кардинально меняет студентов, их систему ценностей. Первые успехи и первая благодарность людей за оказанную помощь формируют веру в свои силы и в справедливость.

«STREET LAW» – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Е. С. Нагорная

Белорусский государственный университет

Программа «Street Law» зародилась в 1972 г., когда небольшая группа студентов-юристов из Georgetown University, Washington D. C. создала экспериментальный курс, в рамках которого они преподавали школьникам практические аспекты права. Их целью было создание учебного курса, содержащего информацию о том, как можно избежать правовых проблем и что делать, если такие проблемы возникли.

В 1980-х гг. профессор Дэвид Маккойд-Мейсон из Университета Наталь (г. Дурбан, ЮАР) увидел возможность применения этой модели в качестве механизма обучения консультантов по праву и прогрессивных студентов-юристов для работы с представителями меньшинств в рамках борьбы с апартеидом. В программу «Street Law» был введен курс по демократии и правам человека, созданы методические материалы. Затем в США появилась адаптированная версия данного курса «Права человека для всех».

В начале 1990-х гг. «Street Law», Inc. инициировала программу в Венгрии. Затем она начала действовать и приобрела свою популярность в

России и Польше. На сегодняшний день юридические клиники типа «Street Law» работают более чем в 60-ти вузах различных стран мира, включая Республику Беларусь.

Термин «Street Law» в разных странах для обозначения программы преподавания права переводится по-разному: «Мы и право» (Киргизия), «Живое право» (Санкт-Петербург и Тверь, Россия), «Практическое право» (Пермь, Россия), «Право на каждый день» (Варшава, Польша).

Появление клиник типа «Street Law» было обусловлено необходимостью повышения правовой культуры и правового сознания граждан. И в настоящее время наше общество не перестало нуждаться в правовом просвещении, особо это касается социально незащищенных групп. На решение этой задачи и направлена программа «Street Law», поэтому ее популярность только растет.

В рамках программы предусматривается обучение основам правовых знаний в школах, тюрьмах, учреждениях по оказанию помощи бездомным, лагерях беженцев и др. Основным средством для достижения наилучшего результата в сфере обучения и главным условием «Street Law» является использование интерактивных методик, которые позволяют воздействовать не только сознание человека, но и его эмоции, волевые качества, то есть включают в процесс обучения «целостного человека». В частности, используются следующие методы: теоретические семинары, семинары-практикумы, диспуты, дискуссии в форме «панельной дискуссии», «форума», симпозиума, дебатов, «круглого стола», также применяется обсуждение группой, выступления приглашенных гостей, «деловые игры» и др.

На сегодняшний день нет единой модели клиники типа «Street Law», что позволяет творчески подходить к ее созданию и организации деятельности. Существенным шагом в истории развития «Street Law» стала конференция «Содействие устойчивому развитию клиник типа Street Law при юридических факультетах», проходившая в Будапеште 21–25 августа 2002 г. На конференции были разработаны модельные стандарты клиники типа «Street Law».

Программа «Street Law» сравнительно молодая, однако ее по достоинству оценили и уже на протяжении длительного времени активно применяют в своей деятельности юридические клиники по всему миру. Она помогает студентам и их «ученикам» научиться лучше понимать и критически анализировать свои права, искать ответы на важные социальные вопросы, творчески подходить к поставленным задачам, отстаивать свои интересы, грамотно и четко формулировать свою позицию, что не менее важно, она также представляет студентам возможность вырабатывать и тренировать основные навыки, необходимые в работе юриста.

ИНФОРМАЦИОННО-ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКОЙ

Ю. М. Савкина

Белорусский государственный университет

В процессе организации и деятельности любой юридической клиники в нее поступает большое количество различной информации. Всю поступающую информацию можно разделить на несколько основных потоков: информация от других юридических клиник и организаций, информация от преподавателей-кураторов и руководства факультета, информация от студентов, информация от клиентов. В связи с большим объемом поступающей и создаваемой информации возникает необходимость ее фиксации, оформления и систематизации.

Информационно-документационное обеспечение управления означает организацию работы с информацией, поступающей извне или создаваемой в процессе работы. Нормальная работа в юридической клинике невозможна, если не построена работа с информацией. Весь опыт работы должен сохраняться для последующего анализа и использования в каждом новом учебном году. Весь поток поступающей и создаваемой информации можно разделить на два вида источников: внешние и внутренние. К внешним источникам относятся: руководство факультета, другие юридические клиники и организации, органы власти, СМИ, клиенты. К внутренним источникам можно отнести непосредственно работу клиники, например, досье студента по делу, положение о клинике, заявление студентов о приеме в клинику и др.

Чтобы сохранить и в дальнейшем использовать в своей работе максимум информации, необходима ее фиксация. Самый обычный способ фиксации документа – это создание его на бумаге, а также на электронных носителях или на видео-, аудио – носителях.

Как правило, каждое направление деятельности юридической клиники должно найти свое отображение в электронных или бумажных документах. В ученой лаборатории «Юридическая клиника» БГУ вся поступающая корреспонденция от граждан, лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, находит свое закрепление в журналах регистрации входящих и исходящих писем, созданных отдельно для каждого из этих направлений. Учет консультаций, оказываемых гражданам, закрепляется в журнале регистрации устных консультаций. Систематизация всех дел юридической клиники осуществляется в электронном виде, в программе Microsoft Excel.

Организация системы делопроизводства не является самоцелью клиники. Это всего лишь инструмент, который позволяет не потерять полезную информацию, знания. Одна из главных задач работы с информаци-

ей – доведение ее до человека, которому она нужна для принятия решения. Создавая систему делопроизводства, необходимо помнить об этом. Основная цель делопроизводства – не сохранить информацию, а извлечь из нее пользу. Поэтому каждый сотрудник клиники должен знать, что он должен делать с поступившей к нему или созданной им информацией, куда и в каком виде она должна быть передана.

Управление знанием предполагает, что информация должна периодически анализироваться, а результаты анализа – использоваться для развития клиники. Анализируются как недостатки, так и достоинства внутренних документов клиники. Внутренние документы должны являться инструментом в организации нормальной работы и развития клиники. Если данная функция не выполняется, то такие документы необходимо постоянно совершенствовать, вносить в них изменения. В процессе совершенствования внутренних документов могут быть вовлечены как сотрудники клиники, так и студенты, для которых подобная работа будет являться одним из способов отработки навыков юридической техники.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

К. М. Шустова

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

В разных странах мира существуют самые различные программы, цель которых состоит в просвещении общественности, в том числе – молодежи, в области права и механизмов разрешения различных правовых проблем.

В Республике Беларусь также уделяется значительное внимание воспитанию, развитию подрастающего поколения, правам детей и вопросам реализации этих прав, в том числе и правовому просвещению молодежи.

Активное участие в реализации указанных программ принимают студенты юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. На его базе с 2003 г. успешно функционирует Студенческая учебно-научная лаборатория «Юридическая клиника», деятельность которой стала востребованной не только среди молодежи, но также вызвала интерес среди отдельных категорий взрослого населения. Так, она является активным проводником правовой информации среди тех слоев населения, которые являются наиболее уязвимыми в социальном плане. Речь идет о таких целевых группах, как:

- инвалиды, пенсионеры и студенты, для которых достаточно проблематичным является обращение в официальные структуры, причем сложность связана не только с материальными, но и с психологическими аспектами;

- лица, осужденные к лишению свободы и отбывающие наказание в исправительных учреждениях Республики Беларусь;
- лица, осужденные к ограничению свободы с направлением в исправительные учреждения открытого типа.

Отдельного внимания в этой связи заслуживает такое направление деятельности юридической клиники, как оказание правовой помощи осужденным женщинам, отбывающим наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии № 4 г. Гомеля (далее – ИК-4). Эта программа имеет особое значение, так как указанная категория лиц полностью лишена возможности получить квалифицированную юридическую помощь адвокатов. Некоторые юристы-практики иронически относятся к данному направлению, полагая, что результативность этой деятельности приближена к нулю. Однако не следует забывать, что такие лица полностью лишены возможности каким-либо образом получить правовую помощь. Потому деятельность студентов не только проясняет отдельные правовые аспекты, но и придает уверенность в завтрашнем дне, способствуя тем самым ресоциализации личности.

Кроме того, юридические клиники посредством проведения правовых занятий способствуют профилактике преступности в молодежной среде и воспитанию молодых граждан в духе уважения к правам других людей и обществу в целом. Результативность таких уроков очень ярко прослеживается на примере несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ИК-4. Несмотря на то, что воспитанию данной категории лиц администрацией колонии уделяется пристальное внимание, занятия, проведенные студентами, вызвали искренний интерес у аудитории и способствовали проявлению инициативной активности при обсуждении предложенных тем. На реакцию обучаемых как раз и повлияло то, что тренерами выступали практически ровесники, при этом общение происходило на равных, а не с высоты положения людей в погонах. Можно надеяться, что такие уроки не пройдут бесследно и сумеют оказать положительное влияние на дальнейшую судьбу осужденных несовершеннолетних.

РОЛЬ КЛИНИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ

А. П. Янучек

Белорусский государственный экономический университет

Уже в 1898 г. профессор Фроммгольд в заметке «Juristische Kliniken», указывая на огромное значение клиник при медицинских академиях, предлагал наподобие их устроить клиники при юридических высших учебных заведениях, где учащиеся оказывали бы непосредственную юридическую помощь нуждающимся в том лицам.

Клиническое юридическое образование – это уникальная образовательная программа профессиональной подготовки социально ориентированных юристов, обеспечивающая сочетание теоретического и практического образования студентов. Почему же клиническое юридическое образование играет все большую роль в процессе подготовки юридических кадров? Ответить на этот вопрос попробуем через рассмотрение функций и задач клинического образования.

В первую очередь, юридические клиники сегодня – это один из немногих институтов в профессиональном юридическом образовании, который вводит студента в реальности практической деятельности юриста и формирует его профессиональные навыки. Организация практики в клинике позволяет обеспечить полноформатную работу студента по реальному делу, причем под таким контролем преподавателя, который обеспечивает фактическую самостоятельность профессиональной деятельности с отчетливыми гарантиями ее качества.

Отдельно следует отметить, что клиническое юридическое образование позволяет усилить мотивацию студента к обучению и избранию будущей сферы деятельности, приобрести реальный практический опыт до получения диплома, углубив и развив теоретические знания, что в итоге и при надлежащем документальном подтверждении позволит иметь преимущества при выборе рабочего места.

Во-вторых, положительной особенностью клинической части юридического образования является осмысление студентом социальной роли (миссии) юриста, овладение началами профессиональной этики, накопление ими опыта работы с социально незащищенными людьми. Клиническое юридическое образование способствует воспитанию нового поколения юристов, осознающих право в социальном контексте. Решение этой задачи требует, во-первых, преодоления правового нигилизма, который имеет место и в среде студентов-юристов. Поэтому на занятиях в юридической клинике тема «Профессиональная этика юриста» является отдельной темой курса. Во-вторых, формирования твердых этических убеждений через осознание гуманности профессии юриста, чему активно способствует деятельность по предоставлению бесплатных юридических услуг самым незащищенным слоям населения.

Безусловно, положительной особенностью работы в юридической клинике является ощущение собственных сил и оценка студентом своих профессиональных возможностей уже на этапе студенческого обучения.

В-третьих, одним из преимуществ работы в юридической клинике для студента-юриста является получения навыков работы в команде и под непосредственным руководством. В рамках клиники студент учится находить компромиссы, ответственно выполнять распоряжения руководителя, терпимо воспринимать критику в свой адрес. Подобные отноше-

ния ждут любого из студентов в его трудовой деятельности, поэтому работа в юридической клинике готовит студентов к «выживанию» в трудовом коллективе.

Таким образом, работа в юридической клинике способствует всестороннему развитию студента-консультанта как личности и как будущего юриста. Юридическая клиника – это обучение через действие, замечательная педагогическая находка.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ (на примере юридической клиники БГЭУ)

А. В. Янч

Белорусский государственный экономический университет

Создание системы делопроизводства является одним из важных этапов в развитии юридических клиник Республики Беларусь. Организация и ведение делопроизводства осуществляются на основе самостоятельно разрабатываемых инструкций по делопроизводству, а также в соответствии с требованиями инструкций по делопроизводству в Республике Беларусь, утвержденных постановлениями Министерства юстиции Республики Беларусь и другими государственными органами.

Выделяют следующие группы документов, которые используются в юридической клинике. Первая группа документов – это документы, устанавливающие статус юридической клиники как организации, порядок управления клиникой. Вторая группа – это группа документов, регулирующих отношения между руководством и сотрудниками юридической клиники (куратором, студентами-консультантами). Кроме этого, в отдельную группу можно выделить документы, связанные с образовательным процессом в клинике и научным обеспечением ее деятельности.

Для лучшей организации деятельности юридической клиники создается развитая система делопроизводства. Основы ее закрепляются в Правилах работы юридической клиники. Как правило, делопроизводство состоит из следующих документов: учетная карточка клиента, резюме по делу, копии документов клиента, письменная консультация, проекты документов, подготовленные студентами, отзыв клиента (или отказ от дела). Каждое обращение клиента записывается студентами-консультантами в журнал записи клиентов с указанием даты обращения, ФИО клиента, ФИО студентов. После того, как работа по делу завершена, все документы по делу оформляются в производство по делу для хранения. По окончании работы в журнал обращений студентами-консультантами вносится дата окончания работы, а также может писаться отчет о проделанной работе. Кроме этого, в юридической клинике может составляться

статистическая карточка, которая включает в себя любые сведения о клиенте (возраст, семейное положение и т. п.). Данные сведения могут быть необходимыми для ведения статистического учета. Помимо алфавитной и контрольной картотеки в клинике может создаваться предметная картотека, позволяющая облегчить поиск дела.

Для дальнейшего развития деятельности юридической клиники целесообразно также введение, например, журнала или списка выпускников. Данное новшество позволит в будущем организовывать встречи выпускников клиники и поддерживать с ними дружественные отношения, а также «увековечить» руководителей, кураторов, студентов – консультантов в истории юридической клиники. Также целесообразно ведение различного рода статистических журналов категорий дел, категорий клиентов.

Для всех сотрудников юридической клиники полезно разработать должностные инструкции, чтобы при необходимости решить вопрос о том, кто за что отвечает в клинике.

Таким образом, организованный процесс делопроизводства в юридической клинике позволит качественно вести постоянный учет клиентов, обработку и составление статистической информации о деятельности юридической клиники, обеспечит единообразие документооборота и облегчит работу студента-консультанта с делом. При этом у студентов-юристов формируются навыки работы с документами, столь значимые в профессиональной деятельности юриста.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО КЛИНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Мартиненко

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

При исследовании вопросов истории появления клинического юридического образования важным моментом является причина его возникновения. Юридические клиники возникли в результате осознания того, что, традиционное академическое образование позволяет лишь обучить студентов принципам права, а для того, чтобы правильно и уверенно применять эти принципы, необходим практический опыт.

Юридические вузы в Республике Беларусь стали всерьез задумываться о введении клинического юридического образования только в 1990-е гг.

Клиническое юридическое образование – это «интерактивный», т. е. основанный на личной вовлеченности в процесс, метод обучения студентов юридических вузов практическим навыкам, которые необходимы им для того, чтобы стать компетентными, сознательными и соблюдающими этические нормы юристами. Считается, что клиническое юридическое образование преследует две основные цели. Одна из этих целей состоит в

обучении студентов практическим навыкам и нормам профессиональной этики, в основном посредством представления ими интересов реальных клиентов под тщательным контролем преподавателей. Вторая цель состоит в оказании реальной правовой помощи малоимущим и другим социально уязвимым слоям населения. В процессе оказания этой помощи студенты сталкиваются с различными практическими, этическими, социальными и моральными вопросами в сфере права и юридических процедур.

Большинство белорусских юридических клиник являются структурными подразделениями вузов или их юридических факультетов. Для Республики Беларусь характерны юридические клиники общей направленности, в которых к производству принимаются разнообразные дела. В юридических клиниках такого типа преобладают обращения по вопросам, связанным с трудовым, семейным, жилищным и гражданским правом. Преимуществом такой клиники является то, что студентам приходится работать с разными делами. Это помогает им осваивать новые области права, отрабатывать навыки ведения дел от начала до конца.

В Республике Беларусь существует несколько юридических клиник. Одной из них является юридическая клиника Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. В соответствии с приказом ректора на базе юридической клиники создана Студенческая учебно-научная лаборатория.

На основе заявлений в юридическую клинику зачисляются студенты 3 курса дневной и заочной форм обучения. Продолжительность обучения в юридической клинике составляет, как минимум, 6 семестров.

Обучение в юридической клинике состоит в проведении групповых занятий, направленных на формирование навыков юриста-практика. В ходе этих занятий основу методики обучения студентов составляют Интерактивные методики: творческие (проблемные) задания, работа в малых группах, интерактивное выступление, мозговой штурм, ролевые игры.

Другой необходимой и значимой составной частью обучения в клинике является практическая работа студентов: оказание юридической помощи социально незащищенным гражданам и правовое просвещение населения Гомельского региона.

Таким образом, программа клинического юридического образования в Республике Беларусь представляет собой инновационную основу для практического обучения студентов юридических вузов. Получение студентами опыта работы в «реальной жизни» в контексте клинического юридического образования может привести к созданию нового поколения юристов, работающих в сфере права.

САМОУПРАВЛЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

М. В. Лиора

Белорусский государственный экономический университет

Студенческое самоуправление всегда было одной из важнейших задач высшей школы. Широкое развитие студенческого самоуправления должно обеспечивать формирование активной личной позиции, социальной зрелости, самостоятельности, ответственности, способности к самоорганизации и саморазвитию. Если характеризовать самоуправление как способность, то как всякая способность она не может быть изначально заданным для личности или группы свойством. Необходимо целенаправленно воспитывать у студентов навыки самоуправления, используя для этих целей специальные средства: обучение студентов способам планирования, самоконтроля за выполняемыми действиями и операциями, умению понимать, что и как они делают.

Однако, по сути, такую организацию труда учебного коллектива можно определить еще и таким понятием, как соуправление, поскольку такая способность является результатом совместных усилий, предпринимаемых как со стороны педагогов, так и со стороны студента.

На первоначальных этапах работы Юридической клиники происходит адаптация студентов, ознакомление их с организационно-правовыми основами обучения, поэтому организаторская функция на данном этапе должна лежать на руководителе Юридической клиники. В последующем должна осуществляться последовательная передача функций управления студентам. Для этих целей может создаваться специальный выборный орган, например, Совет самоуправления. Основная функция руководителя на данном этапе – обучающе-контрольная. Его усилия должны быть направлены на оказание всесторонней помощи совету самоуправления. Наряду с этим он непосредственно участвует в организации текущей работы.

На заключительном этапе реализации самоуправления должно осуществляться включение в самоуправление всех членов группы. Основная функция руководителя – консультативная: проведение индивидуальной работы среди студентов, координация сотрудничества с различными структурами. Не теряет своей значимости участие руководителя в учебно-воспитательной работе, анализе и оценке результатов.

Для внедрения и действенности самоуправления в Юридической клинике необходима его правовая обоснованность, четкое осознание каждым его участником своих реальных возможностей и обязанностей. В этой связи необходимо принятие нормативных документов, например, Положений о самоуправлении в юридической клинике, которые регламентировали бы механизм обеспечения самоуправления студентов и способствовали бы их правовой грамотности.

Таким образом, можно сделать вывод, что студенческое самоуправление в рамках Юридической клиники является необходимостью, которая позволит повысить результативность образовательного процесса.

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
УЧЕБНОЙ ЛАБОРАТОРИИ «ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА»
УО «БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА»**

Е. И. Вышинская, И. Г. Кубай

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Н. Г. Чернышевский в «Современнике» оценил юридическую клинику как род занятий, «без сомнения, могущий принести самые прекрасные плоды». Наши цели также благородны. Каждый гражданин, к нам обратившийся, может рассчитывать на оказание правовой помощи, ведь для юридической клиники просвещение народа – это высшее благо.

Учебная лаборатория «Юридическая клиника» Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» предоставляет для студентов уникальную возможность обучения оказанию правовой помощи гражданам. Деятельность клиники, как некоммерческой организации, сводится к охране и уважению прав человека и гражданина, соблюдению норм Конституции Республики Беларусь и добросовестному выполнению возложенных обязанностей. Работа юридической клиники заключается не только в оказании юридических консультаций гражданам, но и в правовом просвещении учащихся средних образовательных школ и профессиональных лицеев г. Бреста. В связи с этим успех имеют как проведенные уроки на правовую тематику среди подростков, так и индивидуальные меры предупреждения преступности среди несовершеннолетних. В летний период мы проводим воспитательную работу в военно-патриотических лагерях с трудными подростками, тем самым объясняя им, что законы должны иметь для всех одинаковый смысл. Как показывает практика, связь несовершеннолетних со студентами намного эффективнее, чем с педагогами-воспитателями. Ребята легче идут на контакт, их можно вовлечь в кружки и спортивные секции, общественную деятельность, что позволяет изменить их круг общения и социальный статус в обществе. К достоинству юридической клиники можно отнести участие студентов в различных социальных проектах, например, в проекте «На учете у судьбы!», за реализацию которого клиника была награждена дипломом в номинации «Социальная активность». Данный проект направлен на индивидуальную профилактику преступности среди несовершеннолетних, оказание помощи в работе с трудными

подростками участковым инспекторам инспекции по делам несовершеннолетних (далее – ИДН). Благодаря нашей совместной работе мы помогли обрести подросткам себя, стать на путь исправления, вести законопослушный образ жизни, наладить отношения в семье. Приятным подарком судьбы для некоторых подростков стало снятие с учета в ИДН. Этот проект не оставил равнодушными не только студентов юридической клиники, но студентов других факультетов и инспекторов ИДН, которые активно реализуют его в настоящее время. Участвовать в делах юридической клиники – значит чувствовать свою ответственность за судьбы других. Студент клиники не только рассуждает, но и на деле проявляет свой профессионализм.

Перспективы развития юридического клинического образования в Республике Беларусь состоят в создании различных специализированных секций на базе юридических клиник. В нашей учебной лаборатории «Юридическая клиника» создана специализированная секция «Помощник участкового инспектора по делам несовершеннолетних», которая преследует следующие цели: выявление подростков, находящихся в социально-опасном положении, и подростков с девиантным поведением; организация свободного времени подростков, вовлечение их в культурную жизнь, оказание помощи в выработке у них устойчивой положительной правовой жизненной позиции.

Таким образом, развитие современного юридического клинического образования будет способствовать правовому просвещению граждан; оказанию помощи нуждающимся; предупреждению преступности несовершеннолетних и к снижению уровня преступности в Республике Беларусь.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТА ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ СИТУАЦИЯМ

А. А. Охрименко

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

С 15 марта 2003 г. в УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» действует учебная лаборатория «Юридическая клиника», которая объединила в своих рядах лучших студентов юридического факультета. Юридическая клиника в своей деятельности преследует следующие цели: совмещение теоретического и практического обучения студентов; воспитание юристов с высоким уровнем правосознания и правовой культуры, обладающих навыками практической деятельности; распространение инновационных форм и методов профессиональной юридической подготовки; оказание бесплатной юридической помощи

людям, которые в силу жизненных обстоятельств не могут получить ее у юристов, оказывающих платные услуги, обеспечение их доступа к правосудию; правовое просвещение населения.

Успешное развитие профессионализма будущего юриста и его деятельности должно базироваться на готовности к высокоэффективному труду. Студент при прохождении практики в юридической клинике нередко сталкивается с «трудными» клиентами, с «трудными» подростками или с экстремальными ситуациями, которые ставят перед ним серьезные проблемы, обязывают его к полному, крайнему, предельному напряжению сил и возможностей, чтобы справиться с ними и решить стоящую задачу.

Трудности могут носить объективный и субъективный (психологический) характер. Субъективные трудности обусловлены индивидуальными особенностями студентов и недостаточной их подготовленностью. Ведущей составляющей информационной, профессиональной и личностной готовности при подготовке студентов в юридических клиниках является психологическая готовность.

В учебной лаборатории «Юридическая клиника» проводятся встречи студентов с педагогами-психологами «Психологической службы университета»: круглый стол «Психологические ловушки общения», семинар «Формирование девиации в процессе воспитания» и др. Этого достаточно для формирования у воспитанников юридической клиники знаний психологии.

Однако, студенту надо:

- твердо и точно знать, с какими экстремальными ситуациями он будет сталкиваться, в чем их особенности, какие трудности его ожидают;
- обладать развитыми качествами и умением действовать без растерянности в условиях непредвиденной, впервые встретившейся в его практике ситуации, обладать «привычкой к непривычному».

Эти знания необходимы для формирования профессиональных качеств будущего юриста.

Можно сделать вывод, что процесс развития психологической готовности в рамках клинического образования будет значительно результативнее и эффективнее, если подготовка студентов будет строиться на основе внедрения активных, интерактивных форм и методов психологического обучения. Посредством данных методов происходит не только приобретение необходимых знаний, но и развитие профессионально значимых навыков, в том числе нравственных, интеллектуальных, психологических и, что важнее всего, умения пользоваться данными знаниями и навыками на практике.

ПЕРСПЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т. Л. Савельева

Белорусский государственный экономический университет

Огромное значение в подготовке квалифицированных юристов имеют практические навыки, получаемые еще со студенческой скамьи. Ведь недаром еще в XIX в. наиболее прогрессивные преподаватели, пытаясь найти «золотую середину» между теоретическим и практическим обучением, обратились к опыту медицинского образования. В клиниках при медицинских факультетах студенты-медики принимали участие в лечении пациентов под надзором опытных профессоров. И не зря профессию юриста чаще всего сравнивают с профессией врача: от советов, решений и действий того и другого зависит судьба человека.

В таких странах, как Германия и Россия, всегда уделялось внимание фундаментальной академической подготовке: студенты изучали серьезные научные дисциплины, а опыт предполагалось приобретать в дальнейшем после окончания университета. А вот в странах англо-саксонской правовой традиции обучение юристов проводилось исключительно в форме индивидуального наставничества: молодой человек становился помощником опытного адвоката, сначала выполнял мелкие поручения, наблюдал за работой мэтра и постепенно допускался к более ответственной самостоятельной деятельности. Большинство стран восприняло положительный опыт клинического юридического образования. Так в США существует обширная программа клинического юридического образования, в рамках которой студенты привлекаются к практической работе в качестве юристов, а также осуществляют представительство в суде, но под руководством и контролем опытного адвоката.

Для повышения уровня подготовки квалифицированных юристов в Республике Беларусь считаем целесообразным предложить следующую модель юридического клинического образования. Программа «Юридическая клиника» будет включаться в учебный план на всех юридических факультетах и состоять из пяти ступеней, которые будут соответствовать курсу обучения студента.

1-я ступень – приобретение теоретических навыков по курсу «Юридическая клиника». В рамках данных занятий студенты знакомятся с деятельностью юридической клиники, приобретают необходимые знания для дальнейшего обучения в юридической клинике. Хотелось бы обратить внимание, что это должны быть интерактивные занятия с привлечением всех студентов.

2-я ступень – работа в группе рекламы и внешних связей. На данном этапе студенты будут рекламировать деятельность юридической клини-

ки. Для того чтобы это было интересно и полезно, студенты уже должны четко понимать, чем может помочь гражданам юридическая клиника.

3-я ступень – работа в качестве помощника студента-консультанта, т. е. присутствие на дежурствах, работа диспетчером (запись граждан на прием по телефону), наблюдение за работой студента-консультанта, заимствование опыта, оказание какой-либо помощи студенту-консультанту.

4-я ступень – непосредственная работа в качестве студента-консультанта, т. е. прием и консультирование граждан по правовым вопросам.

5-я ступень – работа в качестве куратора, т. е. контроль за студентами-консультантами на дежурствах, решение возникающих вопросов во время дежурства.

Считаем, что одним из девизов юридической клиники должен стать девиз: «бывших клиницистов не бывает». И в будущем выпускники юридических клиник, работая юристами, адвокатами, должны возвращаться в свою юридическую клинику и помогать студентам-консультантам в их работе, проверять консультации, давать советы и рекомендации.

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Е. В. Дерябина, Н. А. Синкевич

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Жестокое обращение с детьми, их эксплуатация – серьезная проблема, существующая с давних пор. Углубляясь в историю, мы находим огромное количество примеров подобного обращения, причиняющего непоправимый вред психике ребенка и негативно сказывающегося на его будущем. Во многих культурах крайнее проявление насилия – детоубийство – использовалась как приемлемый метод планирования семьи и избавления от слабых, недоношенных или больных детей, детей убивали и в ритуальных целях. Однако процессы гуманизации сделали человеческое общество более чувствительным к проблеме насилия, жестокостью стало считаться то, что раньше понималось как разумная строгость. Но, несмотря ни на что, насилие в отношении детей продолжает оставаться ведущей причиной детского травматизма и детской смертности во многих странах мира и одной из важнейших мировых проблем.

Именно для того чтобы дети чувствовали себя более защищенными в собственных семьях и в обществе в целом, студентами Лаборатории правового информирования ВГУ имени П. М. Машерова» была разработана программа занятия «Домашнее насилие – больше, чем скандал». Как выяснилось в процессе проведения занятий на данную тему, чем старше человек (в нашем случае ребенок), тем сложнее ему открыться и завести

беседу на тему насилия, он выстраивает «стену» во время общения и редко признает наличие проблемы в его семье. Разработка данного занятия была обусловлена необходимостью распространения информации о путях и методах борьбы с различными проявлениями насилия в семье. Тренеры предоставляют информацию о видах домашнего насилия, их правовой квалификации, а также государственных органах и учреждениях, уполномоченных принимать меры по борьбе с соответствующими правонарушениями и защищать законные интересы потерпевших.

На наш взгляд, юридическим клиникам, участвующим в разрешении подобного рода социальных проблем, следует разработке занятий в рамках Street Law привлекать к участию специалистов соответствующих государственных органов и учреждений. Консолидация усилий в данной сфере позволит привлечь внимание общественности к конкретным серьезным общественным проблемам и добиться определенных успехов в их профилактике.

Таким образом, юридические клиники являются эффективным инструментом профилактики и разрешения конкретных социальных проблем, так как используемые в клиниках методы позволяют привлечь внимание детей и подростков к правонарушениям, совершаемым на их глазах и в их семьях, а также подтолкнуть жертв правонарушений сделать шаг к защите своих прав и законных интересов, преодолев страх.

РОЛЬ РЕКЛАМЫ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК

А. О. Лышко, Е. А. Сенкевич

Белорусский государственный экономический университет

Сегодня вопрос о клиническом образовании студентов-юристов является очень актуальным и многоаспектным. Достижение стоящих перед будущими юристами профессиональных, социальных и образовательных целей невозможно без получения практических навыков, выходящих за рамки семинарских и лекционных занятий. Особо важным для любой юридической клиники является комплекс мероприятий по налаживанию связей с общественностью. Именно посредством данных мероприятий обеспечивается формирование благоприятного и позитивного общественного мнения по отношению к юридическим клиникам в обществе, осуществляется информирование заинтересованных граждан о возможности получения бесплатной информационно-правовой помощи.

Целесообразно рассмотреть некоторые мероприятия для улучшения имиджа юридической клиники и распространения информации о ней:

А) Презентация юридической клиники, ее проектов и программ. Целью такой презентации может быть представление юридической клини-

ки, ее новой образовательной программы или социального проекта, а также привлечение клиентов.

Б) «Круглый стол» – одна из форм обсуждения идеи, проблемы, имеющей значение для широких кругов общественности.

В) «День открытых дверей» позволяет всем желающим познакомиться с деятельностью юридической клиники, ее планами, задать руководству юридической клиники интересующие вопросы.

Г) Конференции, «круглые столы», семинары с привлечением широкой общественности позволяют популяризировать деятельность юридической клиники и могут быть посвящены самым различным проблемам юридической науки и практики.

Д) «Календарь знаменательных дат» юридической клиники служит средством постоянного привлечения внимания к юридической клинике.

Е) Издание информационных материалов о деятельности юридической клиники – достаточно распространенное средство по связям с общественностью. К ним можно отнести: визитки, листовки, а так же буклеты о юридической клинике.

Ж) Отчеты о деятельности юридической клиники за отчетные периоды и распространение информации о них. Это способствует выявлению недостатков в работе и в перспективе совершенствования работы юридической клиники.

З) Базы данных выпускников. Создание базы данных выпускников юридической клиники может быть средством связи с такими представителями общественности, как работодатели. В условиях конкуренции высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов, обеспечение занятости становится одним из перспективных направлений деятельности руководства юридического факультета, высшего учебного заведения. В этом случае юридическая клиника может создать базу данных как выпускников юридической клиники, так и еще обучающихся в клинике студентов.

И) Коммуникации со средствами массовой информации (например, выступление на радио, публикация статей о юридических клиниках), как важный элемент связи с общественностью, будущими клиентами.

К) Особое место в свете развития информационных технологий занимает интернет. С помощью его возможно распространение информации более широкому кругу возможных клиентов, а также позиционирование деятельности юридической клиники, ее волонтерская направленность.

Итак, для связей с общественностью и осуществления своей рекламной деятельности юридическая клиника должна осуществлять целый комплекс мероприятий, не забывая при этом проводить анализ их результативности и выявляя наиболее подходящие мероприятия для оптимизации ее работы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Голубева А. И.</i> Садружнасць Незалежных Дзяржаў: гісторыя і сучаснасць	3
<i>Доўнар І. А.</i> Нормы аховы прыроды ў Статуце 1588 г.	4
<i>Гур'еў С. А.</i> Канцэпцыя «мер сацыяльнай аховы» ў гісторыі крымінальнага права Беларускай ССР	7
<i>Хандрыка А. А.</i> Ваеннае права па Статуту ВКЛ 1588 г.	8
<i>Лапатко М. А.</i> Асноўныя палажэнні сямейнага права Беларусі XIV–XVII стст. па Статутах Вялікага Княства Літоўскага	10
<i>Міхневіч А. А.</i> Статус возных па статутах ВКЛ	11
<i>Брендак А. Г.</i> Становленне суда прысяжных в Беларусі	13
<i>Терещенко А. О.</i> Институт защиты собственности в римском частном праве	14
<i>Дмитриев В. В.</i> Правовые институты общественного влияния в правотворческом процессе	16
<i>Туминская М. В.</i> Трансформация государства	17
<i>Янгуразов М. В.</i> Виды коллективных субъектов права	19
<i>Гончарова Д. А.</i> Совесть как элемент православного правосознания	20
<i>Шульмина Е. И.</i> Права человека в православной традиции	21
<i>Бондарук Д. И.</i> Отношение Русской Православной Церкви к государству	23
<i>Гусакова А. Н.</i> Необходимость совершенствования информационного законодательства	24
<i>Пахучая О. С.</i> Образовательное право: новация национальной системы права	26

Раздел II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

<i>Абламейко М. С.</i> Взаимодействие государства и частного ИТ-сектора при построении информационного общества: правовые вопросы	28
<i>Третьак Т. Ф.</i> Определение роли Конституционного Акта в правовой системе Союзного государства	29
<i>Дурнова И. А.</i> Защита основ конституционного строя гражданами и их объединениями	31

<i>Русецкая И. Д.</i> Некоторые вопросы соотношения терминов «конституционное судопроизводство» и «конституционный процесс» . . .	32
<i>Литницкий В. В.</i> К вопросу о соотношении понятий «национальное меньшинство» и «национальная общность» в законодательстве Республики Беларусь	34
<i>Киселева Т. М.</i> Физические лица как субъекты конституционно-правовой ответственности	35
<i>Бучик О. В.</i> Опыт конституционного регулирования экологических правоотношений в зарубежных странах	36
<i>Белоножко И. Е.</i> Право вето главы государства как элемент системы сдержек и противовесов	38
<i>Кострикова К. А.</i> Международные правовые стандарты организации и проведения выборов	39
<i>Лаевская О. В.</i> К вопросу о правовом статусе омбудсмана (уполномоченного по правам человека)	40
<i>Логинова Н. В.</i> Некоторые аспекты правового регулирования проведения массовых мероприятий в Республике Беларусь и зарубежных странах	42
<i>Змушко Е. В.</i> Становление суверенитета Республики Беларусь: конституционно-правовой анализ	43
<i>Готовцева О. Ю.</i> Конституционно-правовая основа экономической системы и ее правовая регламентация	45
<i>Абрамович Р. А.</i> Некоторые вопросы применения смертной казни в современном обществе в контексте защиты прав человека	46
<i>Котельник Е. О.</i> Свобода публичных мероприятий	48
<i>Толочко А. М.</i> Некоторые вопросы права на обжалование (опротестование) постановления по делу об административном правонарушении	49
<i>Яковук Ж. А.</i> Некоторые проблемные аспекты деятельности таможенных органов Республики Беларусь после вступления в силу Таможенного кодекса таможенного союза	50
<i>Полещук Д. Г.</i> Понятие информационной безопасности	52
<i>Шляжко М. А.</i> Административная ответственность курсантов. Проблематика привлечения	53
<i>Лопуть Н. А.</i> Государственные ценные бумаги как источник формирования внешнего государственного долга	55
<i>Ульянова Е. С.</i> Перспективы подоходного налогообложения консолидированных групп плательщиков в Республике Беларусь	56
<i>Баянова А. С.</i> Правила «недостаточной капитализации»	58
<i>Тимонина М. А.</i> Основные проблемы антиофшорного регулирования в Российской Федерации и Республике Беларусь	59
<i>Войтович Г. И.</i> К вопросу о возможности правопреемства административной ответственности при реорганизации	60

<i>Холопик О. А.</i> Особенности правового статуса кодекса корпоративного управления в современном обществе	62
<i>Лукашевич Я. В.</i> Имущественные отношения как источник формирования государственных финансов в Республике Беларусь	63
<i>Полиенко Н. А.</i> Финансово-правовая политика на региональном уровне в Российской Федерации	64
<i>Салей И. В.</i> Лицензирование игорного бизнеса: генезис и тенденции правового регулирования	66
<i>Титов А. А., Кривко П. В.</i> Проблемы системы органов федерального финансового контроля в Российской Федерации	67
<i>Тимофеевич Т. Н.</i> Особенность правосубъектности Всемирной торговой организации	68
<i>Кириченко О. Д.</i> Либерализация правового регулирования деятельности субъектов хозяйствования в Республике Беларусь	70

Раздел III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Плохотская Н. А.</i> Правовой режим имущества Белорусского государственного университета при оказании услуг, приносящих доходы	72
<i>Марчук К. В.</i> Правовая природа недействительных сделок	73
<i>Знак И. А.</i> Соотношение обычных, случайных и существенных условий гражданско-правового договора	75
<i>Елисеев С. В.</i> К вопросу об обжаловании решений общего собрания хозяйственного общества	76
<i>Ковель А. М.</i> Управление в унитарных предприятиях	78
<i>Гацук Е. Н.</i> Некоторые аспекты реализации права на защиту доброго имени и деловой репутации	79
<i>Козловская Д. В.</i> Понятие и особенности гражданско-правовой ответственности	80
<i>Гудым А. А.</i> Особенности раздела совместного имущества супругов, в состав которого входит унитарное предприятие	82
<i>Секацкая А. Н.</i> К вопросу о преимущественном праве покупки доли участника в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью	83
<i>Шапорова Ю. В.</i> К вопросу о понятии и правовой природе недействительных сделок в гражданском праве	84
<i>Кубрак Е. В.</i> Понятие недействительности реорганизации хозяйственных обществ	86
<i>Акуленец В. В.</i> Проблемы определения размера морального вреда	87
<i>Тупилова Е. И.</i> Добросовестность как оценочная категория в гражданских правоотношениях	89
<i>Гулбис Р. Я.</i> Приобретение программного обеспечения: объект гражданского оборота и анализ правовой природы лицензионных соглашений	90
<i>Завалей О. О.</i> Новеллы законодательства об авторском праве и смежных правах	91

<i>Пенкрат М. И.</i> Правовые проблемы договора франчайзинга в Республике Беларусь	93
<i>Рачковский В. В.</i> Права на объекты интеллектуальной собственности, созданные с привлечением государственных средств	94
<i>Халецкая М. Ю.</i> Договор создания объекта долевого строительства	96
<i>Ядревский О. О.</i> Конфликт права пользования наименованием места происхождения товара и права на товарный знак	97
<i>Яковлева А. И.</i> Нововведения в законодательстве об авторском праве Республики Беларусь	99
<i>Коян М. Л.</i> Особенности гражданско-правового регулирования оказания медицинских услуг в области бесплатной медицинской помощи	100
<i>Хватик Ю. А.</i> Договор потребительского кредита как вид кредитного договора	101

Раздел IV. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

<i>Михеева Ю. А.</i> Пределы пересмотра судебных постановлений апелляционным судом в гражданском процессе	104
<i>Михасёва Е. А.</i> К вопросу о правовой природе института взыскания расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении	105
<i>Шершнева А. Ю.</i> К вопросу о транспарентности гражданского процесса	107
<i>Попов А. И.</i> Влияние практики Конституционного Суда Украины на развитие гражданского процессуального законодательства	109
<i>Лаевская А. В.</i> Проблемы обеспечения электронных доказательств в гражданском и хозяйственном процессе	110
<i>Петренко Т. С.</i> Электронный документ как вид доказательства в суде	112
<i>Беликова А. М.</i> Проблемы института медиации в Российской Федерации	113
<i>Стальмахова Ю. И.</i> Защита в гражданском процессе прав третьих лиц, не участвовавших в деле	115
<i>Ювко М. А.</i> Взгляд профессора Хутыза М. Х. на систему принципов гражданского процесса	116
<i>Карачун Д. В.</i> Медиация в Республике Беларусь как способ разрешения споров	117
<i>Мильто Ю. И.</i> Особенности правового регулирования аттестации медицинских работников в Республике Беларусь и Европейском Союзе	118
<i>Ворончук И. О.</i> Проведение в отношении организации процедур экономической несостоятельности (банкротства) как основание для прекращения трудового договора с руководителем организации	119
<i>Литвинова И. В.</i> К вопросу о возможности недееспособных лиц выступать работником в трудовых правоотношениях	121
<i>Гуцко П. А.</i> Проблемы государственной адресной социальной помощи	122

<i>Восканян С. И.</i> Правовое регулирование срочных трудовых договоров в Республике Беларусь: пути совершенствования	124
<i>Жолудева А. А.</i> Проблемы правового регулирования внешней трудовой миграции граждан Республики Беларусь	125
<i>Кисличенко Е. В.</i> Законодательные коллизии в системе социальной защиты ветеранов	127
<i>Прокопенко Ю. В.</i> Некоторые аспекты правового регулирования материальной ответственности работника	128
<i>Орехов А. Ю.</i> Отдельные проблемы применения примирительных процедур при разрешении трудовых споров	130
<i>Щербаков В. Д.</i> Увольнение работника по п. 7 ст. 42 ТК как актуальная научная проблема толкования норм трудового права	131
<i>Попок Е. М.</i> Ответственность сторон коллективного договора, соглашения	132
<i>Костевич К. С.</i> Бипартизм и трипартизм в социально-партнерских отношениях: опыт Беларуси, зарубежных стран и МОТ	134
<i>Бокатюк М. Л., Никиткова Т. И.</i> Правоотношения при разрешении коллективных трудовых споров	135

Раздел V. УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Денисюк М. Е.</i> О необходимости гармонизации норм об уголовной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности в условиях таможенного союза	137
<i>Юльский Р. Е.</i> К вопросу о признаках множественности преступлений	138
<i>Лапцевич И. И.</i> Принуждение к уплате долга как часть объективной стороны ч. 1 ст. 384 УК Республики Беларусь	140
<i>Пономаренко А. В.</i> Актуальные вопросы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов	141
<i>Новикова Е. А.</i> Ограничение свободы по уголовному праву Украины и Республики Беларусь: компаративный анализ	143
<i>Семьянов А. С.</i> Об устранении пробела уголовно-правовой регламентации поставления в опасность заражения особо опасными инфекционными заболеваниями	144
<i>Жебит О. Г.</i> Эвтаназия. Медицинские и правовые аспекты	146
<i>Гасан Л. И.</i> Уголовно-правовое значение категории «вред»	147
<i>Миронович Я. П.</i> О некоторых вопросах привлечения к уголовной ответственности на основании реального принципа	148
<i>Ванькович Е. Э.</i> Понимание общественной опасности в призме социального времени	149
<i>Судник Ю. Г.</i> Продолжаемые преступления: поиск исчерпывающего определения понятия для разрешения проблем квалификации	151
<i>Новикова А. А.</i> К вопросу об уголовно-правовом понятии торговли людьми	152

<i>Маркова А. М.</i> Вопросы установления заранее обдуманного умысла . . .	153
<i>Парахневич В. С.</i> Правовые гарантии пользования нематериальными благами лицами, осужденными к лишению свободы	155
<i>Сыс И. В.</i> Внезапность возникновения аффекта при убийстве	156
<i>Синяк А. П.</i> Девиантное поведение подростков как следствие семейного воспитания	157
<i>Красуцкий Г. В.</i> Отграничение злоупотребления властью или служебными полномочиями от бездействия должностного лица	159
<i>Остапчук А. В.</i> Проблемы определения момента получения взятки	160
<i>Антилевская Ю. А.</i> Состояние опьянения в контексте уголовной ответственности	162
<i>Галицкая Н. Н.</i> Теоретико-правовые аспекты института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	163
<i>Быковская А. В.</i> Социально-правовая характеристика испытательного срока при условном неприменении наказания	165
<i>Скобля А. С.</i> Криминологическая характеристика лиц, за которыми устанавливается превентивный надзор	166
<i>Лациновская Е. О.</i> Уголовное законодательство в сфере интеллектуальной собственности: необходимость дальнейшего совершенствования	167
<i>Лагута Т. А.</i> Организованная преступность. Вопросы квалификации	169
<i>Букато Л. Г.</i> Некоторые аспекты совершенствования уголовно-процессуальных норм об основаниях возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам	170
<i>Трефилов А. А.</i> Институт мер процессуального принуждения в УПК Швейцарии и в УПК Республики Беларусь	171
<i>Маджаров Р. В.</i> К вопросу о приостановлении расследования на основании п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь	173
<i>Около-Кулак Е. В.</i> Является ли публичность принципом уголовного процесса?	174
<i>Щерба Т. Л.</i> Залог как мера пресечения в Великобритании	176
<i>Гудачевская Г. В.</i> Внутреннее убеждение при оценке доказательств . . .	177
<i>Гудачевская Б. В.</i> Границы применения мер уголовно-процессуального принуждения	179
<i>Диденко Н. С.</i> Профессиональный медиатор как участник уголовного процесса	180
<i>Кравцова М. А.</i> Развитие взглядов на концепцию возмещения морального вреда, причиненного преступлением	181
<i>Чжу Цзинь Цзе.</i> К вопросу технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в сети Интернет	183
<i>Лузгин И. И.</i> О дополнении определения криминалистики	184
<i>Орлянин Н. П.</i> Основные способы совершения мошенничества лицами женского пола	186
<i>Зудилина Д. С.</i> Психология криминального поведения: сексуальные девиации	187

Раздел VI. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Дружинина И. С.</i> К вопросу о становлении законодательства Республики Беларусь об экологической сертификации	189
<i>Хотько О. А.</i> Формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей ограничения (обременения) прав на земельные участки	190
<i>Коваленко Ю. Ю.</i> Некоторые особенности правового регулирования ведения охотничьего хозяйства в Республике Беларусь	192
<i>Щепанский И. С.</i> Природоресурсные и природоохранные проблемы энергетической безопасности России	193
<i>Маркина Н. А.</i> Правовое регулирование обращения с отходами в Европейском Союзе	195
<i>Козлова А. А.</i> Правовое обеспечение развития крестьянских (фермерских) хозяйств в Республике Беларусь	196
<i>Шейко О. А.</i> К вопросу о правовом регулировании экологического страхования в Республике Беларусь	198
<i>Пасюкова С. В.</i> Актуальные проблемы правового регулирования ремесленной деятельности	199

Раздел VII. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Волина Л. Г.</i> Специфика гендерных исследований в Республике Беларусь	201
<i>Ватыль Н. В.</i> Феномен тоталитаризма в политическом учении И. А. Ильина	202
<i>Михайловский В. С.</i> Неучастие в политике как форма политического поведения	204
<i>Стасилович С. В.</i> «Новые правые» в политической практике	205
<i>Мицура А. В.</i> Становление политических технологий в Республике Беларусь на примере парламентских выборов 1995 г.	206
<i>Бондарик Е. В.</i> Политико-правовой анализ законов о СМИ в Республике Беларусь и Российской Федерации	208
<i>Болозева И. Г.</i> Политическая реклама в Беларуси	209
<i>Шаришук С. О.</i> Сравнительный анализ политической культуры США и России	210
<i>Марцуль Ю. О.</i> Национальная идентичность: теория и методология анализа	212
<i>Терехович А. Н.</i> Сущность политической рекламы в избирательной кампании: проблемы правового регулирования в Республике Беларусь	213
<i>Слепцова Д. В.</i> Языковая политика как направление деятельности государства	215

Раздел VIII. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КЛИНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Касьянчик А. И.</i> Роль юридической клиники в формировании профессиональной компетентности юриста	216
<i>Воронова К. И.</i> Преимущества применения процедуры медиации в деятельности юридической клиники	217
<i>Жуковская К. И.</i> Представительство интересов клиента в гражданском процессе студентами юридических клиник	219
<i>Гапонова И. В., Залога О. И.</i> О значении юридической клиники в подготовке социально ориентированных юристов	220
<i>Королева Н. В.</i> Работа с осужденными в юридических клиниках	222
<i>Нагорная Е. С.</i> «Street Law» – прошлое, настоящее, будущее	223
<i>Савкина Ю. М.</i> Информационно-документационное обеспечение управления юридической клиникой	225
<i>Шустова К. М.</i> Юридические клиники как субъекты правового просвещения	226
<i>Янучек А. П.</i> Роль клинического юридического образования в процессе подготовки юридических кадров	227
<i>Янч А. В.</i> Совершенствование делопроизводства в юридической клинике (на примере юридической клиники БГЭУ)	229
<i>Мартиненко А. В.</i> Особенности юридического клинического образования в Республике Беларусь	230
<i>Лиора М. В.</i> Самоуправление в юридической клинике	232
<i>Вышинская Е. И., Кубай И. Г.</i> Состояние и перспективы развития учебной лаборатории «Юридическая клиника» УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»	233
<i>Охрименко А. А.</i> Психологическая подготовленность студента юридической клиники к экстремальным ситуациям	234
<i>Савельева Т. Л.</i> Перспективная модель развития юридической клиники в Республике Беларусь	236
<i>Дерябина Е. В., Синкевич Н. А.</i> Роль юридических клиник в разрешении проблемы домашнего насилия	237
<i>Лышко А. О., Сенкевич Е. А.</i> Роль рекламы и связей с общественностью в деятельности юридических клиник	238

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ**

Материалы
Международной научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
и секции «Юридические науки» Республиканской научной
конференции студентов и аспирантов вузов Республики Беларусь
«НИРС — 2011»

Минск, 4—5 ноября 2011 г.

Подписано в печать 22.12.2011. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 14,8.
Тираж 80 экз. Заказ 714.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛИ № 02330/0494361 от 16.03.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.